

Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Оксана Мисирова

Корректор:
Анна Кунарева

Адрес для корреспонденции:
115573, г. Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
Email: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г. Москва, 5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Подписано в печать:
09.12.2007

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
Малый Гнездиковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

Альманах можно заказать по почте:
almanax-war@mail.ru

Перепечатка или воспроизведение
в любом другом виде целиком или
по частям материалов из альманаха
«Art of War» без ссылки на альманах
или сайт запрещается.

От редакции

Есть красивая метафора: «вертолеты — это души подбитых в бою танков».

В силу своей «почти универсальности» они применялись для решения самых различных задач, причем нередко — при условиях и нагрузках, превосходящих все инструкции и наставления. Зачастую «вертушки» становились последним средством обеспечения и поддержки многообразной деятельности солдата на войне. Они привозили солдата к месту его службы и они же увозили его назад. На Большую землю, домой или в госпиталь. А иногда — в морг...

Мы думаем, почти каждый воевавший может с благодарностью вспомнить винтокрылых друзей. И с горечью — те нелегкие минуты и часы, когда на их поддержку рассчитывать не приходилось. Для противника же страшным воспоминанием был и останется навсегда все нарастающий, раздавливающий психику, неотвратимый гул приближающихся боевых «крокодилов» (Ми-24). Без преувеличения можно сказать, что вертолеты вынесли на себе всю тяжесть войны, пройдя ее от первых до последних дней. Атака целей, разведка, эвакуация раненых, доставка десанта, боеприпасов и продовольствия, ретрансляция — все эти задачи ложились на изношенные, с неоднократно продленным ресурсом винтокрылые машины, сухо именуемые «армейской авиацией».

Экипажам вертолетов и посвящается традиционная тематическая часть данного номера Альманаха. Их не самой легкой судьбе и тому, чем они платят за свою «льготную» выслугу лет. Их постоянной готовности к выполнению задач на пределе, а иногда — и за границами возможностей. И человеческих, и технических. За все это заплачено слишком дорогою ценой. Редкая биография пилота боевой машины не омрачена памятью о гибели товарищей. В этом номере пилоты и бортехники расскажут нам обо всем, о своих полетах и боевых заданиях. О падениях, боли и выживании после. О своей уже «наземной» жизни. О трагическом и комическом. О своих воспоминаниях войны десятилетия спустя...

Шестой номер стал первым подписным номером в истории нашего развития. Мы решили поставить для знакомства почти все наши уже сложившиеся традиционные рубрики: «Афганистан», «Чечня», «По периметру» (войны времён развала СССР, по периметру нынешней России), «Вне зоны видимости» (войны дальнего зарубежья и чужие войны прошлых десятилетий), «Перевод» (материалы иностранных ветеранов), «Интервью» (уникальные беседы с выдающимися людьми), «Поэзия» и многие другие...

Также в этом номере мы продолжаем публикацию крупных произведений и будем печатать главы последовательно из номер в номер. Вы сможете прочитать очередную главу книги В.Немышева «Буча» и начать ознакомление с книгой В. Носкова «Любите нас, пока мы живы...».

Редакция Альманаха открывает в 2008 году свой сайт в Интернете — www.navoine.ru. Мы будем выкладывать архивные номера, произведения текущего номера, анонсы будущих. Вы сможете напрямую общаться с авторами многих опубликованных произведений, сможете рассказать нам о себе, о своей войне, выслать свои материалы, узнать о жизни и планах редакции Альманаха, влиться в наше братство.

В вашем лице мы надеемся обрести не только верных читателей, но и друзей и, учитывая опыт предыдущих пяти номеров, сделаем всё, чтобы оправдать все ваши надежды и продолжить говорить вам всю правду. Правду о войне, на войне, после войны.

Читайте.

Содержание

От редакции 1

АФГАНИСТАН

Анатолий Сурицков
«Крылья России» 4

Игорь Фролов
«Бортжурнал №57-22-10»
(отрывки из книги) 9

Александр Арасланов
«Я возьму твою боль...» 14

Глеб Бобров
«Приговоренный» 19

Владимир Лисовой
«Время и пыль» 22

ИНТЕРВЬЮ

Лев Горелов
«Как это было»
Беседовал Артем Шейнин 26

ЧЕЧНЯ

Виталий Носков
«Снег на броне» 30

Вячеслав Немышев
«Буча» 38

Алексей Муратов
«Чай» 44

Денис Бутов
«Как не сбываются мечты» 46

Аркадий Бабченко
«Отработанный материал» 49

ПО ПЕРИМЕТРУ

Барбудос
«Петруха» 53

ВНЕ ЗОНЫ ВИДИМОСТИ

Илья Плеханов
«27-я провинция» 56

ПЕРЕВОД

Брюс Нортон
«Новый камуфляж»
(отрывки из книги) 60

БАЙКИ

Дмитрий Бабкин
«Поход на ДРА» 64

ПАМЯТНИКИ

«Памятник воинам-москвичам,
погибшим в Афганистане» 65

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

«"Рабочая лошадка" Судного Дня»
Материал переведен и подготовлен Егором Лосевым 66

АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ

Игорь Морозов
«Баллада о побратиме» 67

ПОЭЗИЯ

Андрей Шкарин
«Я помню самый первый день...» 68

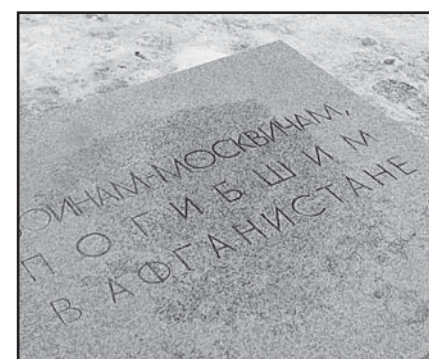
Алексей Грибанков
«Черна земля, как наши лица и стволы...» 69

Сергей Жуковский
«... но, бледнея от боли...» 69

ВНЕ РУБРИК

Андрей Грешнов
«Институт стран Азии и Африки
на Афганской войне 1979-1992 года»
Часть III.
Начало в номерах 2(3) и 3(4) за 2007 год 70

Содержание

Афганистан

Анатолий Сурцук

Генерал-лейтенант. Окончил Саратовское высшее военное авиационное училище летчиков (1974 г.), Военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина (1987 г.), Военную академию Генерального штаба ВС РФ (1998 г.). С 1981 по 1982 гг. проходил службу в 50-м смешанном авиационном полку в Афганистане заместителем командира эскадрильи и командиром эскадрильи. В 1994 г. назначен старшим инспектором-летчиком

Материал подготовлен и предоставлен Владиславом Шурыгиным

КРЫЛЬЯ РОССИИ

Эта музыка будет вечной

...Я хорошо помню день, когда мне пришлось выбрать судьбу. Мне было тогда пятнадцать. Так уж вышло, что от рождения достался мне идеальный музыкальный слух. Это было, так сказать, наследственное. Мой старший брат к этому моменту уже учился в консерватории. И потому кем быть — вопрос не стоял. Конечно, музыкантом! Я с отличием закончил музыкальную школу по классу баяна и готовился к поступлению в училище. Репетировал программу.

Но второй моей страстью была авиация. Я перечитал все книги, какие смог найти в городской библиотеке, постоянно крутился возле аэродрома, мечтал побывать на авиазаводе, где работал мой отец. И я очень хорошо помню тот момент, когда прямо посреди репетиции вдруг осознал, что вот сейчас я должен выбрать. Или музыка, или небо. И я понял, что больше всего в жизни хочу быть летчиком...

Как ни странно, но это мое решение поддержал отец.

Но легко сказать «решил быть летчиком»...

Первые экзамены в училище гражданской авиации я провалил по наивности. Прочел, что экзамен по математике будет устным. Готовился докладывать теоремы, правила, а меня вдруг вызвали решать задачу. Растерялся, запутался. Уже после экзамена по памяти вспомнил задачку. Решил за пять минут. Но поезд уже ушел.

Потом попытался поступать в авиационный техникум. Опять не получилось. Но это даже и хорошо. Я только потом узнал, что название «авиационный» — не значит летающий. В нем готовили инженерно-технический состав... Тогда мой отец, посмотрев на все мои мытарства, мудро сказал: «Что ж, придется тебе идти в вертолетчики...»

Поступил на работу на авиазавод. Работали с отцом в соседних цехах. А по вечерам ходил в вертолетный аэроклуб. Там я впервые поднялся в небо. А потом судьба пришла ко мне в образе офицера военкомата, который проводил набор на службу в вертолетные части лучших пилотов клуба. Так на мои плечи легли офицерские погоны. Правда, на них

Управления авиации Московского военного округа. С 2001 г. — начальник штаба — первый заместитель начальника армейской авиации.

Анатолий Сурцук имеет общий налет 3,3 тыс. часов на более чем 10 типах вертолетов, летчик-снайпер, заслуженный военный летчик РФ. Отмечен орденами Ленина, Красного Знамени, Мужества, Дружбы народов, другими наградами.

было всего по одной звездочке, но главное, что небо, наконец, стало делом жизни.

А музыка? Музыка никуда не ушла. Играл, выступал в Домах офицеров, даже ансамбль, было дело, организовал. Играл на танцах в военном городке.

Но было и еще нечто. Музыка странным образом слилась с работой. И вертолет стал не просто аппаратом для полетов, а совершенным музыкальным инструментом, в котором слита целая симфония звуков. И у каждого свое значение. Я по малейшему полутону могу понять, почувствовать состояние машины, определить отказ еще до того, как на него среагируют приборы. И это дает удивительное чувство единства с вертолетом.

Наверное, поэтому я уже в двадцать один год сел в левую «кашку» командира, хотя тогда стать им, даже в двадцать восемь, считалось удачей. А в двадцать пять я уже был командиром звена...

Самый длинный день

Самый тяжелый день? Был такой. Никогда его не забуду. 17 мая 1982 года. Это был первый день панджшерской операции. Было впервые принято решение всерьез штурмовать это ущелье. До этого лишь однажды в него зашла наша рота и

в считанные часы была там почти полностью уничтожена.

Со всеми отрогами Паджшер составлял почти пятисоткилометровый труднодоступный горный район, превращенный в огромную крепость. Десятки укрепрайонов и фортов, сотни складов и хранилищ, подземные базы, госпитали, тоннели, фактически полная автономность делали Паджшер неприступным.

Под ружьем у душманов было более двух тысяч моджахедов, а ПВО насчитывало около 200 зенитных орудий и пулеметов.

Для ущелья, где максимальное расстояние между стенками составляло один километр, а в большинстве не превышало и несколько сотен метров, такая плотность ПВО была исключительной, можно сказать, сплошной. Неудивительно, что моджахеды поклялись, что никогда нога русского солдата не ступит на эту землю.

К весне 1982 года уверовавшие в свою неуязвимость душманы стали грозой северных провинций Афганистана. Их отряды действовали уже далеко от базовых районов, постоянно расширяя зону влияния. Тогда и было решено провести большую войсковую операцию по разгрому боевиков в их же логове.

Для проведения этой операции на аэродром Баграм была стянута мощнейшая авиационная группировка: более ста вертолетов Ми-8 МТ и Ми-24. Фактически, сюда перелетели все самые современные вертолеты ограниченного контингента. Кроме них, авиационную поддержку осуществляли полки МиГ-21 и Су-17 — основных наших штурмовиков в то время.

Замысел был следующим: с рассветом 17 мая ствольная артиллерия и «Грады» наносят удары по позициям боевиков. Затем штурмовая авиация «расчищает» площадки для высадки десантов, и после этого начинается высадка десантов силами армейской авиации на господствующие вершины. После того как десантники возьмут их и подавят основные очаги сопротивления, в ущелье должна будет зайти бронегруппа, которая уже завершит наземный разгром противника.

Впервые в отечественной военной истории армейской авиации придавалось такое значение в операции.

Общее руководство вертолетчиками возложили на нашего командира полка Виталия Егоровича Павлова. И это тоже был показатель того, как командование оценивало возможности нашего полка. Для нас же такая «оценка» означала только одно — наши вертолеты будут на самом остром ударе...

Неожиданно для себя я получил задачу возглавить поисково-спасательную группу, которая без необходимости в бой вступать была не должна. Честно скажу: этому «назначению» я не обрадовался. И даже усмотрел в этом недоверие к себе. Попытался поговорить с комэской Юрой Грудинкиным, но он только руками развел. Мол, так решили при планировании. И переигрывать все за несколько часов до операции уже никто ничего не будет.

«Ничего, — сказал он мне, — завтра отработаешь в ПСО, а послезавтра я постараюсь тебя заменить...» Это был один из наших последних разговоров...

С рассветом операция началась. Отработала артиллерия, нанесли удары штурмовики. Наконец, в ущелье ворвались вертолетные группы. Одно из ключевых положений в ущелье занимал аул Руха, который был укреплен особенно тщательно. Первую пару Ми-8 вел мой комэска. На борту «восьмерок» десант спецназа, который должен был блокировать Руху и начать ее

зачистку. По замыслу вертолеты должны были сесть на западной окраине, но с утра была дымка, которая закрывала район, и пара, начав снижение, проскочила район высадки и оказалась прямо над аулом. В первое мгновение «духи» растерялись, но уже через несколько секунд открыли огонь. Прямо по пилотской кабине комэски полоснула очередь «ззушки». Оба летчика были убиты почти мгновенно, и вертолет Грудинкина, не снижая скорости, упал на небольшой остров посреди реки

После удара вертолет покатился вниз по склону и загорелся.

Каким-то чудом Погалов уцелел и смог прийти в себя до того, как вертолет полностью охватило пламя.

ниже аула. Его ведомый замполит эскадрильи Саша Садохин успел проскочить аул и высадить экипаж ниже по склону. Начал взлетать и здесь увидел, как «ззушка», сбившая ведущего, разворачивается на него. Садохин еще успел повернуться и накрыть ее «нурами», но тут почти в упор ударила вторая духовская зенитка. Корпус «восьмерки» заходил ходуном от ударов снарядов, и «правак» Петя Погалов вдруг почувствовал, что ручка управления ослабла, он бросил взгляд на командира — залитый кровью Садохин безжизненно повис на ремнях, кабину сразу заволочило дымом, и, чтобы хоть как-то сориентироваться, он открыл блистер кабины, выглянул наружу и увидел, как на вертолет стремительно надвигается склон горы. Инстинктивно он потянул ручку вправо, чтобы избежать прямого удара. А уже через мгновение они столкнулись с горой...

После удара вертолет покатился вниз по склону и загорелся. Каким-то чудом Погалов уцелел и смог прийти в себя до того, как вертолет полностью охватило пламя. Он выбрался из кабины и рыв-

ком вытянул за собой бортехника Витю Гулина. Тот уже горел. Еле его загасил. Вернулся за Садохиным, но огонь уже охватил всю машину... Я находился выше района боя в зоне ожидания. Видел, как наша группа зашла в ущелье, но за стенами склонов гор ничего не было видно. Только радиообмен помогал ориентироваться в происходящем.

Слышу: — Горит! «Зеленый» (так называли вертолеты Ми-8) горит!

— Наблюдаю работу «ззу»! Отработал по ней!

— Горит! «Зеленый» упал и горит!...

Захожу в ущелье. Снижаюсь. Пытаюсь визуально обнаружить, где упал наш вертолет. Проскочил над самой Рухой. «Духи», видимо, после того как сбили пару, не ожидали такой наглости и по мне не сделали ни одного выстрела.

Наконец, обнаружил место падения Садохина. Подсел. Вдруг вижу, рядом садится мой ведомый, Юра Наумов. Я успел подумать: «Ты что делаешь?!» Ведь главная задача ведомого прикрывать меня с воздуха.

Но времени разбираться уже не было.

Гляжу, ко мне бежит Погалов весь в крови и, как куклу, тащит за собой кого-то в куртке и трусах. Подбегает. А это Гулин. Одежда на нем сгорела. Уцелела только кожаная куртка. Она ему жизнь и спасла. Мы его затащили в кабину и видим, что «носки» и «перчатки» — это кожа с кистей рук и с ног, облезшая от ожогов... А Погалов как в бреду одно повторяет: «Сашка сгорел! Сашка сгорел!..»

Взлетаю. Поправился с Рухой, и вдруг мой «правак», Боря Шевченко, кричит: «Дэшека! Дэшека!» Это он увидел, как на нас разворачивается духовская «ззушка». А я как на ладони. Сто скорость, сто высота. Идеальная мишень! Инстинктивно разворачиваюсь к нему хвостом, чтобы хоть как-то прикрыться, ручку управления «от борта до борта», и слышу только, как будто кто-то, как кувалдой, по корпусу бьет. Я до этого знал выражение «смерть в затылок холодом дохнула», но думал, так,

Афганистан

красивая фраза. Но только в этот момент вдруг такой ледяной холод от загровка к затылку пробежал, словно действительно кто-то морозом дохнул...

Как вырвался — не знаю. На инстинкте. В себя пришел уже на высоте. Осмотрелся. Все, вроде, в норме. Движки работают, приборы основные тоже. Только гляжу, моего ведомого на месте нет. Я его по радио запрашиваю: «Двадцать шестой! Двадцать шестой!» — тишина. Один! Меня, как током обожгло: «Сбили!» А кругом «вертушки» носятся. Кто чей — не разберешь. Одни входят в ущелье, другие возвращаются. Толкотня в воздухе. Я в эфир открытым текстом: «Ищите двадцать шестого!» А сам на точку. Раненых отвозить. А на душе кошки скребут. Сел в Баграме и вдруг смотрю, на стоянку мой родной «двадцать шестой» заруливает. Я к нему чуть ли не с кулаками, а Наумов только рукой машет. Посмотрел, а на его «восьмерке» места живого нет. Дыры в кулак. Это его так над Рухой изрешетили,

А потом оказалось, что к месту падения Садохина от Рухи рванула «тойота» с «духами». Пленных брать. И со всего размаха влетела в спецназовскую засаду.

когда я проскочил. И сел он тогда фактически на вынужденную. Рация разбита, навигация разбита, двигатель поврежден. Топливо самотеком поступало...

Только отдышались — команда: сменить вышедшие из строя борта на любые исправные и на взлет, за Грудинкиным. При ударе на его борту, оказывается, несколько десантников выжило. Покаленные, побитые смогли покинуть борт...

На этот раз проскочили к Рухе по руслу реки. Сначала подсели к месту гибели Садохина. Спецназ к этому моменту уже смог его достать. Занесли на брезенте. А затем смотрю — еще кого-то в чалме затаскивают. Я в запарке не сразу понял. А потом оказалось, что к месту падения Садохина от Рухи рванула «тойота» с «духами». Пленных брать. И со всего размаха влетела в спецназовскую засаду. Всю охрану мгновенно перебили, а одного душмана взяли в плен. И он оказался не кем иным, как начальником штаба «духов», да еще со всеми документами...

В этот момент я второй вертолет увидел. На островке посреди реки. Перелетели. Сели рядом. Часть «двухсотых» загрузили. Ждем. Тут ко мне десантник подбегает: мол, пока улетай. Не всех еще «двухсотых» из железа вырубili. А пули кругом, просто как пчелы. Слышу, опять по корпусу замолотили. Я «праваку» кричу: «Может быть, развернемся?» Он ко мне голову повернул: «Чего?» И в ту же секунду пуля,

едва не мазнув его по щеке, попадает бортехнику, сидящему между нами, в челюсть. Тот завалился в салон, кровь ливанула. Я ведомому: «Юра! По мне долбят из «зеленки» на другом берегу. Погаси!»

А он на высоте метров шестьсот. С такой высоты разлет снарядов сто метров. А от меня до «духов» максимум сто пятьдесят...

Слышу заход, пустил. Про себя считаю «раз, два...» На пятой «зеленка» аж закипела от разрывов. Ювелирно отработал. Эх, Юра! Все войны прошел, в таких переделках уцелел. А погиб на земле. В Дагестане под Ботлихом сразу после посадки его «восьмерку» сожгли ПТУРом с горы. Знали, что он Квашнина привез, ловили...

...Вернулись в Баграм. Осмотрели «вертушки» — хана! Редуктор пробит, несколько лопаток компрессора первой ступени выбито. В ремонт! Звоню на КП, а мне командуют: «Бери пару баграмских. Она для тебя уже движки прогревает, и давай за оставшимися!»

Опять прошли по руслу. Сели. И вновь десантура не успела всех достать. «Взлетай, — говорят, — мы тебе ракету дадим! Только ты осторожнее по руслу заходи. Тебя там уже второй раз дэшека обстреливает...» Вот обрадовали...

Взлетел. Нахожусь в зоне ожидания. Время идет. Топливо уходит. Наконец ракета! И здесь меня как заколотило! Страх до самого нутра пробил. Ну, не хочу я опять в это пекло опускаться. Не хочу!

Сколько это продолжалось — не знаю. Наверное, пару секунд, а казалось — вечность. А потом начал снижение. Тут уже инстинкт включился. Сел. И началась загрузка. В кабину убитых затаскивают, раненых, оружие, боеприпасы, сами спецназовцы лезут. Все вперемешку, навалом. Перегруз дикий. Взлетал — передним колесом по воде чиркал. Набрал высоту. Меня Павлов запрашивает: «Всех собрал?» Докладываю: «Всех!» Он опять: «Всех?» Отвечаю: «Всех!»...

Сели в Баграме. После осмотра и эту вертушку в ТЭЧ на ремонт потащили.

А вечером вернулся на свою точку, захожу в наш «модуль» — и тут меня как обожгло. Одни пустые заправленные койки. Мы с Борей одни во всей комнате. Остальные — кто убит, кто ранен...

В ту ночь я так и не уснул.

А утром на построении стоим — экипажи друг другу в затылок, напротив каждого — его группа десанта тоже в колонну по одному. Павлов вышел на середину, помолчал, а потом жестко так:

— Да, потери были тяжелы. Но если мы вильнем, струсим — то опозорим память наших павших товарищей. И лучшим нашим салютом им пусть станут залпы наших НУРСов по врагу.

Тяжело? Да, тяжело! Но задачу мы выполнять будем!

И по вертолетам!

...Американцы хвастливо называют высадку с вертолетов четырех тысяч десантников в безлюдной кувейтской пустыне во время «войны в Заливе» «уникальной» и «первой в истории авиации», но еще за девять лет до этого наши вертолетчики всего за четыре дня высадили четыре тыся-

чи восемьсот десантников. Причем в сложнейшей горной местности, под плотным огнем ПВО. И это наглядный показатель боевых возможностей наших вертолетов и подготовки наших летчиков.

А всего я в Афгане выполнил 522 боевых вылета и провел в этом небе 600 часов...

«Столбы», «кастрюли», «террасы»

Я не уважаю тех, кто летает с психологией шофера. Пришел на полеты, откатал программу, вылез из кабины, вышел за ворота аэродрома — и забыл о небе. Это люди в авиации случайные.

Работа летчика — это постоянный поиск нового. Новых тактических приемов, новых маневров, фигур пилотажа. Иногда они становятся результатом долгого поиска, просчета всех возможных вариантов. Иногда наоборот — экспромта. Но всегда за ними глубочайшее знание машины, ее возможностей. Сильных и слабых сторон. И, конечно, мастерство летчика.

Помню, в Афганистане прохожу над ущельем и слышу запрос:

— Я «Маяк». У меня десять «трехсотых». Нуждаюсь в срочной эвакуации...

Снизился. Вижу, на вершине хребта наши. Судя по всему, десантники. Начал выбирать площадку для приземления. Чистый вариант «лезвия ножа» — так мы называли площадки на острых склонах. Были еще «кастрюли» — когда садишься как бы внутрь каменной «кастрюли». «Столбы» — плоскость на вершине. «Террасы» — здесь понятно без объяснений.

Наконец, нашел площадку. Только начал садиться, как меня поймал нисходящий поток. Ощущение — словами не передать. Все на максимале, а машина стремительно просаживается вниз на скалы. Стенка прямо перед кабиной. Задень лопастями —

и все. До дна ущелья больше километра, но до него вряд ли что долетит. Все размажет по скале. Мы просто замерли, пока машина из последних сил боролась с потоком. Секунда, вторая — и вдруг поймали восходящий ветер. Нас, как мяч баскетбольный, швырнуло вверх. Там поймал момент и сбросил шаг винта, и плюхнулся прямо на каменное лезвие. Нос с одной стороны над пропастью нависает, хвост — с другой.

Движки не выключаю. Начали загрузку раненых. Но, чтобы их ко мне поднять, надо почти по вертикали лезть. Одного затащить — целая операция. А их десять. Смотрю на топливомер. И кажется, что он, как секундная стрелка, бежит к нулю. А на борту только половина «трехсотых». Слышу, мой ведомый заблажил: «Все. Остаток только до аэродрома дотянуть!» Дал команду возвращаться. Только он ушел, удары по обшивке. Бьют из кишлака, что в километре внизу. Хотя и не прицельно, но попадают. А десантура только за девятым пошла...

Наконец, нашел площадку. Только начал садиться, как меня поймал нисходящий поток. Ощущение — словами не передать. Все на максимале, а машина стремительно просаживается вниз на скалы.

Вдруг слышу, кто-то меня спрашивает: — Кто там сидит? — Двадцать пятый, — отвечаю. — Я над тобой. Тебя прикрыть? — Если сможешь. Я ведомого по топливу увел. — Понял тебя. Прикрываем...

Смотрю, а это пара «двадцать четверок». Они с БШУ (бомбоштурмовой удар) возвращались. Правда, из боеприпасов только снаряды к пушке оставались. Но обстрел прекратился.

...Наконец, затащили десятого. Надо взлетать, а мощности не хватает. Можно, конечно, все выжать из движков, но все равно по-нормальному не взлетишь. Мощности на этой высоте не хватит. Ну, я прикинул, посчитал в уме и с большим тангажем свалил машину в пропасть. Аж дух захватило. Пока падал — разогнался до нужной скорости. А потом виражом в сторону. Еще успел напоследок весь боекомплект НУРСов в кишлак вогнать. Рассчитался за свои дырки.

...Потом такой взлет с падением в пропасть стал обычным приемом для наших летчиков...

Вообще, Афганистан вывел нашу вертолетную авиацию на качественно новый уровень. До него на вертолетчиков смотрели, как на какой-то «приданный» и даже второстепенный род войск. Афганистан показал, что вертолеты сегодня являются едва ли не самым основным оружием на поле боя. Без вертолетов не проходила ни одна операция. Они вели разведку, расчищали дорогу пехоте огнем, высаживали десанты, вывозили раненых, спасали от верной смерти, эвакуируя наши подразделения из-под самого носа «духов».

А сколько Афган дал тактических приемов, новых пилотажных приемов!

Философы неба

Каждый вид авиации накладывает свой отпечаток на характеры и взаимоотношения людей. Истребители и штурмовики напоминают средневековых рыцарей: чаще всего — это яркие индивидуалисты. И это понятно. Истребитель в небе один на один с самолетом. Он — и его латы, и его оружие.

Бомбардировщики — мужики артельные. И на службе, и в быту. Всегда вместе, всегда все общее. И победа, и поражение.

Транспортники — это небесные скитальцы. Каждый знает, что ему делать. Кто-то самолет готовит к полету, кто-то на КП пробивает добро на вылет, кто-то едет на местный рынок затовариваться здешними дефицитами. У транспортников четкая кастовость...

А вот вертолетчики — это пахари войны. Особенно «восьмерочники». Мужики простые, без гонора и «звездности». Они спокойно заночуют в палатке или пехотном

блиндаже, позавтракают из солдатского котла. Они видят войну не с высоты нескольких километров и даже не со ста метров. Они ее видят в упор. На полу вертолетной кабины не успевает высохнуть грязь с сапог, кровь раненых, лекарства из капельниц. Здесь вперемешку сидят генералы и рядовые. «Восьмерочники», как никто другой, близки солдату.

В экипаже всегда особые отноше-

Афганистан

ния устанавливаются между командиром и штурманом. За месяцы, проведенные плечом к плечу в небе, вырабатываются полное единство, понимание друг друга с полуслова и, конечно, дружба на всю жизнь.

А вообще, вертолечники — это своего рода философы неба. Никто так крепко не связан с небом и одновременно не близок так земле, как вертолечники...

На войне есть место всему. Иногда даже юмору.

Помню, сел на площадку в Митерламе под Джелалабадом. А, надо сказать, что для афганцев любой вертолет подчас — единственная транспортная возможность. Стоит сесть, как вокруг уже толпа. И все лопочут одно: «Кабуль! Кабуль!..» (В Кабул, мол, надо.)

А у нас категорический запрет на перевозку местных. Но стоило мне отойти от вертолета, как толпа тут же снесла борттехника и расселась по кабине. Вернулся. Все сидят, на меня смотрят.

Конечно, я принялся объяснять. Но куда там! Я языка не знаю. Среди афганцев нет никого, кто бы понимал по-русски. Я им:

— Выметайтесь! Нис! — нет.

А они мне:

— Нис! Кабуль! Кабуль!

Думаю, ну как им объяснить. Вспомнил известный анекдот, начал его цитировать:

— Ду ю спик инглиш?

В ответ опять:

— Нис! Кабуль!..

— Парле ву франсе?

— Нис! Кабуль! Кабуль!

И уже как крайний вариант:

— Шпрейхен зи дойч?

И вдруг один пожилой бородатый афганец в калошах и пуштунке вскакивает с места и радостно бросается ко мне.

— Я! Я! Их шпрахе дойч!

Я чуть не поперхнулся... Это надо было слышать. Смесь немецкого, дари и русского.

«Нис! Цурюк! Ферботен... Шурави... Дост, рафик! Твою мать!» — экипаж просто лежал от смеха.

...Потом подошел переводчик, и выяснилось, что это местный учитель немецкого языка. Партиец. Активист. Добирается в Кабул на совещание. Ну, прихватили его с собой по такому поводу.

Сегодня вертолетная авиация переживает не самые лучшие времена. За годы «реформ» количество вертолетов

Противника по цвету штанов определяют и по тому, кто как руками машет. Те, кто радостно, широко — свои. А те, кто с опаской и чуть-чуть — повстанцы...

сократилось почти в пять раз. Новых машин почти не поступало. Но это не значит, что Россия осталась без вертолетов и что пора на армейской авиации ставить крест. Нет. Сегодня мы еще остаемся вертолетной державой. Наши вертолечники по праву считаются опытнейшими пилотами. Не зря в последнее время ООН все чаще для проведения миротворческих операций старается привлекать именно наши вертолеты и наши экипажи.

Наши «вертушки» пользуются славой неприхотливых, надежных, живучих и очень простых в эксплуатации машин.

Та же «восьмерка» летает уже более 30(!) лет — и до сего дня считается самым надежным и одним из самых массовых вертолетов в мире. А по оценкам экспертов, после модернизации оборудования может еще, как минимум, 15 лет нести службу.

Столько же после модернизации сможет пробыть на вооружении и Ми-24.

Кстати, именно с Ми-24 связана интересная история. Совсем недавно наша вертолетная группа прибыла для выполнения миротворческой миссии в Сьерра-Леоне. И вот в один из дней решили мы выбраться на океан посмотреть — благо до него рукой подать. Лежим, загораем. Вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает «двадцать четверка» и давай над нами пилотаж крутить. Я точно знаю, что в небе наших нет. Покрутилась в небе — и на посадку. Вечером того же дня нам представили единственного вертолечника Сьерра-Леоне, белого южноафриканца Нила. Пожилой мужик — лет за пятьдесят, в очках.

Не выдержал, спросил, где он обучился летать на нашем вертолете. А он в ответ — по надписям в кабине и прилагающейся инструкции. В общем, сам. На ощупь. Самородок. Он же его сам и обслуживает, и ремонтирует.

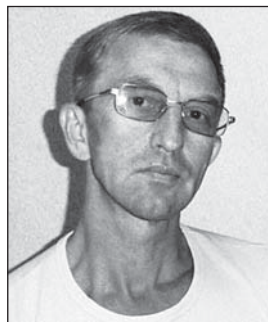
— Ваш вертолет, — говорит Нил, — самая удобная машина из всех, на которых мне довелось летать.

Ну, если сам без инструктора смог изучить, то, значит, точно удобная машина. А на месте оператора у него летает местный негр. Нил обучил его стрельбе из пулемета. Так они и воюют.

Противника по цвету штанов определяют и по тому, кто как руками машет. Те, кто радостно, широко — свои. А те, кто с опаской и чуть-чуть — повстанцы...

Конечно, хотелось бы, чтобы на вооружение быстрее поступили новые типы вертолетов. Раньше была возможность принимать на вооружение «сырые» машины и потом, уже в ходе эксплуатации, доводить их до ума. Но сегодня такой подход — слишком дорогое удовольствие.

Поэтому мы не торопимся с решениями. Сегодня нашими конструкторами разработано несколько новейших типов вертолетов. По своим пилотажным качествам они превосходят все мировые аналоги. Но с навигационным оборудованием, системами управления огнем еще необходимо поработать. Решения, заложенные в них, должны не просто соответствовать сегодняшним требованиям, но и иметь перспективу еще как минимум на десять-пятнадцать лет. Поэтому сегодня принятие на вооружение новых типов боевой техники — дело кропотливое. Но есть надежда, что мы получим, наконец, машины, которые избавят российских летчиков от унижительного чувства зависти к зарубежным образцам.

Игорь Фролов

Старший лейтенант. Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/ff/frolow_i_a/

БОРТЖУРНАЛ N57-22-10

(Отрывки из книги)

Первый боевой

Прибывших летчиков разместили в палатках — старая эскадрилья еще несколько дней ждала «горбатого» (ИЛ-76), чтобы улететь в Союз, и, естественно, продолжала занимать «модули» (сборные шитовые бараки). Ночью грохало и ухало — по горам били гаубицы, над палаткой с шелестом пролетали снаряды, вот спустили воду в огромном унитазе — над головой, казалось, едва не касаясь брезента, с воем и гомоном пронеслась стая эрзсов «Града». Никто не мог уснуть. (Через неделю, уже в модулях, никто не просыпался, когда по фанерным стенкам акустическими кувалдами лупила артиллерия, и от этих ударов с полок валились будильники и бритвенные принадлежности.)

Наутро 23 декабря лейтенант Ф. и лейтенант М. приняли борт №10. Старый его хозяин, беспрестанно улыбаясь, открывал и закрывал капоты, бегал кругами, пинал пневматики, хлопал ладонью по остеклению и, наконец, крепко пожав руки лейтенантам, со словами «не съете, машина хорошая, сильная», унесся со стоянки, не оглядываясь.

После обеда, когда лейтенант Ф., которому выпало летать первую неделю, осматривал новоприобретенный борт, к машине подошли двое летчиков в выгоревших комбезах. Судя по их виду, оба были с большого бодуна — скорее всего, они вообще сегодня не спали, праздно прибывшую замену.

— А где Андрюха? — спросил у борттехника летчик постарше. — Или он уже заменился?

Борттехник кивнул, надеясь, что летчики уйдут.

— Ну, что, брат, полетели тогда с тобой... — вздохнул старший, и оба летчика с трудом полезли в кабину.

Борттехник, ничего не понимая — первый день, предупреждать надо! — полез следом. Запустились, вырулили в непроглядной желтой пыли, запросились, взлетели.

— Садись за пулемет, друг, — сказал командир. — Наберем высоту, сядешь обратно. Летает на потолке, чтобы «Стингер» не достал. Слава богу, это наш крайний вылет, отработали свое. Теперь ваша очередь.

С трудом набирали высоту. «Дохлая машина,» — кривился командир. Борттехник с нагрудным парашютом сидел за пулеметом и смотрел на желтую землю в пыльной дымке.

— Увидишь, если заискрит внизу — докладывай, увидишь вспышку — докладывай, увидишь дымный след — значит пуск, увидишь солнечный зайчик — значит машина бликует стеклами, — бубнил командир.

Набрав 3500, они вышли из охраняемой зоны и потащились на север, добирая высоту по прямой.

— Здесь пулемет не нужен, — сказал командир. — Садись на место.

Борттехник начал вылезать из-за пулемета. Развернуться не было возможности — нагрудный парашют цеплялся за пулемет, и борттехник понимал, что, если он зацепится кольцом, то раскрытие парашюта в кабине никого не обрадует. Он поднялся и занес правую ногу назад...

Но поставил он ее не на пол, а на ручку «шаг-газ» (находится слева от правой чашки и дублирует шаг-газ командира). Несмотря на то, что командир держал свой

шаг-газ, его расслабленная похмельная рука оказалась не способна среагировать на неожиданное нападение слепой ноги борттехника. Ручка дернулась вниз, угол атаки лопастей упал, вертолет провалился.

— Е..., — спокойно сказал командир. — Прими ногу, брат, мне и так тяжело...

Судя по внезапной легкости в телах, они падали.

Борттехник, у которого все скукожилось от страха, упершись левым коленом, отскочил назад, плюхнулся на свое откидное сиденье. Командир потянул шаг, придавили перегрузки, вертолет затрясся и пошел вверх.

Некоторое время молчали, закуривали.

— А все-таки я завидую борттехнику, — вдруг сказал правый летчик и посмотрел на командира. — У него целых два места. Хочет здесь сидит, хочет — за пулеметом.

— Но с другой стороны, — сказал командир, — если борттехник сидит, как сейчас, на своем месте, то при спуске на авторотации передняя стойка шасси, которая находится точно под сиденьем, припиливает борттехника к потолку. Если же он сидит за пулеметом — как на балконе — то является мишенью для вражеских пуль.

— Это точно, — согласился правый. — А если прямо в лобовое остекление влетает глупый орел, то борттехник с проломленной грудной клеткой валяется в грузовой кабине. Да и в случае покидания вертолета мы с тобой выбрасываемся через свои блистера, а борттехнику нужно ждать своей очереди или бежать в салон к двери.

— В любом случае не успевает, — кивнул командир. — Наверное, поэтому потери среди борттехников намного выше, чем у других категорий летно-подъемного состава...

— Ну, все, командир, — сказал борттехник. — Останови, я прямо здесь выйду.

И все трое засмеялись.

Парадоксы войны

С рассвета пара занималась свободной охотой — прочесывали пустыню возле иранской границы к запа-

ду от Шинданда. Летали уже около двух часов, садясь по любому требованию старшего группы спецназа. Охота не складывалась — ни машин, ни верблюдов, ни явных духов. Попадались только черные, похожие на каракуртов, пуштунские палатки ...

Во время очередной посадки, когда бойцы рассыпались по палаткам, борттехник посмотрел на топливомер и увидел — керосина оставалось только долететь до «точки».

— Командир, пора возвращаться, — сказал он, показывая на топливомер.

Командир высунулся в блистер, поманил пальцем стоящего недалеко бойца и крикнул ему:

— Зови всех, топливо на исходе!

Боец спокойно кивнул, повернулся лицом к палаткам и позвал товарищей. Сделал он это предельно просто: поднял свой автомат и нажал на спуск. Очередь — с треть магазина! — ушла вертикально вверх — в небо, как искренне считал боец. Но поскольку он стоял возле командирского блистера, прямо под вращающимися лопастями несущего винта, то и вся очередь — пуль десять! — на глазах у онемевшего экипажа ушла в лопасти!

Борттехник и командир схватились за головы от ужаса, заорали нечленораздельно. Они грозили бойцу кулаками, тыкали пальцами в небо, вертели ими у висков. Боец удивленно посмотрел на странных летчиков, пожал плечами и отошел на всякий случай подальше.

Пока летели домой, экипаж прислушивался к посвистыванию лопастей, приглядывался к кромке винта — но все было штатно.

Прилетели, зарулили, выключились. Борттехник быстро затормозил винт, потом отпустил тормоз, и все трое поднялись вверх. Тщательный поочередный осмотр лопастей показал, что в них нет ни одной дырки!

— Наверное, у этого бойца на калаше установлен прерыватель Фоккера, — пошутил успокоенный (не надо менять лопасти!) борттехник.

— Хорошо, если так, — сказал командир. — А тебе не приходило в голову, что наш спецназ холостыми воюет?

(Всю глубину этой фразы борттехник Ф. не может осознать даже спустя двадцать лет.)

Усталый борттехник

12 февраля 1987 года. Пара прилетела из Турагундей, привезла почту. Борттехник Ф. заправил вертолет и собирался идти на обед. Уже закрывая дверь, он увидел несущегося от дежурного домика инженера эскадрильи майора Иванова. Майор махал борттехнику рукой и что-то кричал.

Борттехник, матерясь, пошел навстречу инженеру.

— Командира эскадрильи сняли! — подбегая, прохрипел запыхавшийся майор.

— За что? — удивился борттехник, перебирая в уме возможные причины такого события.

— Ты дурака-то выключи, — возмущился инженер. — «За что!» За хер собачий! Сбили его! В районе Диларама колонна в засаду попала — командир, пока ты почту возил, полетел на помощь. Отработал по духам, стал заходить на посадку, раненых забрать, тут ему днище и пропорили. Перебили топливный кран, тягу рулевого винта. Брякнулся возле духов. Ведомый подсел, чтобы их забрать, тут из-за горушки духи полезли, правак через блистер

Борттехник и командир схватились за головы от ужаса, заорали нечленораздельно. Они грозили бойцу кулаками, тыкали пальцами в небо, вертели ими у висков.

отстреливался. А командир смог все-таки взлететь и на одном расходном баке дотянул до фарахрудской точки. Теперь, оседлав ведомый борт, он крутится на пяти тысячах, чтобы координировать действия! Не меньше, чем на Знамя замахнулся, а то и на Героя, если еще раз собьют (тьфу-тьфу)! Только что попросил пару прислать, огнем помочь и раненых забрать. Ты борт заправил? — закончил инженер.

Через пять минут пара (у каждого — по шесть полных блоков нурсов) уже неслась на юго-восток, к Дилараму. Перепрыгнули один хребет, прошли, не снижаясь, над Даулатабадом («Какого х... безномерные со спецназом там сидят, не помогут? Две

минуты лету...» — зло сказал командир), миновали еще хребет, вышли на развилку дорог с мостиками через разветвившийся Фарахруд. Между этими взорванными мостиками и была зажата колонна, которая сейчас отстреливалась от наседавших духов. Сразу увидели место боя по черному дыму горевших наливников. Снизались до трехсот, связались с колонной, выяснили обстановку — духи и наши сидят по разные стороны дороги.

— Пока я на боевой захожу, работай по правой стороне, чтобы морды не поднимали! — сказал командир.

Борттехник, преодолевая сопротивление пулемета на вираже, открыл огонь по правой обочине дороги, где, размытые дымом и пылью, копошились враги. Трассы кривыми дугами уходили вниз,

терялись в дымах, и стрелок не видел, попадают ли они по назначению.

— Воздух, по вам пуск! — сообщила колонна.

— Пуск подтверждаю! — упало сверху слово командира. — Маневрируйте!

— Правый, АСО! — сказал командир и ввинтил машину в небо, заворачивая на солнце.

Обе машины, из которых, как из простреленных бочек, лились огненные струи тепловых ловушек, ушли на солнце с набором, развернулись и с этой горки по очереди отработали по духовским позициям залпами по два блока. Справа от дороги все покрылось черными тюльпанами взрывов.

Борттехник палил в клубы дыма, пока не кончилась лента.

— Что за е... твою мать? — вдруг спросил командир, ерзая коленями. — Педали заело, б...! Подстрелили все-таки. И что за гиблое место попало!

Борттехник, возившийся над ствольной коробкой с новой лентой, скосил глаза и увидел, что мешок для гильз под тяжестью последних двухсот сполз с выходного раструба, и крайние штук пятьдесят при стрельбе летели прямо в кабину. Большинство их завалилось за парашюты, уложенные в носовом остеклении под ногами борттехника, но несколько штук попало под ноги командира — и одна гильза сейчас застряла под правой педалью, заклинив ее.

— Погоди, командир, — сказал борттехник и, согнувшись, потянулся рукой к торчащей из-под педали гильзе. Попытался вытянуть пальцами, но ее зажало намертво.

— Да убери ты ногу, — борттехник ткнул кулаком в командирскую голень. Командир выдернул ботинок из стремени, борттехник вынул гильзу, смел с пола еще несколько и выпрямился. — Все, педалируй!

— Ну, слава богу! — вздохнул командир. — Пошла, родимая!

Снизались, зашли на левую сторону, сели за горушкой. За холмом гремело, ахало и трещало. Загрузили убитых и раненых. Борттехник таскал, укладывал. Когда погрузка была закончена, солдат, помогавший борттехнику таскать тела, сел на скамейку и вцепился в нее грязными окровавленными пальцами.

— Ты ранен, брат? — спросил борттехник, заглядывая в лицо солдата. Но солдат молчал, бессмысленно глядя перед собой. Заскочил потный старлей, потряс солдата за плечо, сказал:

— Что с тобой, Сережа?

И коротко ударил солдата кулаком по лицу.

— Беги к нашим, — сказал он.

Солдат, словно проснувшись, вскочил и выбежал.

— Спасибо вам! — сказал старлей, пожимая руку борттехнику.

Высунулся из кабины командир:

— Держитесь, мужики, «свистки» сейчас здесь будут, перепашут все к е... матери. Уходите от дороги, чтобы вам не досталось. Мы скоро вернемся...

Взлетели и низко, прикрываясь горуш-

кой, ушли на север. Перепрыгнули хребет, сели на точке под Даулатабадом, где базировался спецназ ГРУ, забрали еще двоих раненых, которых привезла первая пара, ушли домой.

Сверху навстречу промчались «свистки», крикнули: «Привет «вертикальным!» — «Летите, голуби,» — ответил приветливо командир. Через несколько минут в эфире уже слышалось растянутое перегрузками рычание: — Сбр-р-ро-ос!.. — и успокаивающее: — Вы-ы-во-од!

И голос командира эскадрильи сверху:

— Вроде, хорошо положили...

И голос колонны:

— Лучше не бывает. Нас тоже чуть не стерли...

Долетели, подсели к госпиталю, разгрузились, перелетели на стоянку.

Борттехник Ф. вышел из вертолета и увидел, что уже вечерет. Стоянка и машины были красными от закатного солнца. Длинные-длинные тени...

Его встречал лейтенант М. с автоматом и защитным шлемом в руках. На вопрос

Большинство гильз завалилось за парашюты, уложенные в носовом остеклении под ногами борттехника, но несколько штук попало под ноги командира — и одна гильза сейчас застряла под правой педалью, заклинив ее.

борттехника Ф., что он здесь делает в такое позднее время, борттехник М. ответил, что инженер приказал ему сменить борттехника Ф.. Сейчас обратно полетит другой экипаж.

— Да ладно, — сказал борттехник Ф.. — Я в хорошей форме. Я бодр, как никогда...

Он чувствовал непонятное возбуждение — ему хотелось назад. Он нервно расхаживал по стоянке, курил и рассказывал лейтенанту М. подробности полета.

— Надо бы в этот раз ниже пройтись, если там кто остался. Далековато для пулемета было, ни черта не понятно. Так и

в своих недолго залупить! — размышлял вслух борттехник Ф..

Тут прибежал инженер, сказал:

— Дырок нет? Хорошо. Все, другая пара пойдет. Заправляйте борт по полной, чехлите, идите на ужин.

И убежал.

Отлегло. Залили по полной — с двумя дополнительными баками. Но не успел борттехник Ф. вынуть пистолет из горловины, как к вертолету подошли командир звена майор Божко и его правак лейтенант Шевченко.

— Сколько заправил?

— Полный, как инженер приказал. Он сказал — другие борта пойдут...

— Мудак этот инженер, — плюнул Божко. — Нет других бортов! Темнеет, надо высоту набирать, как теперь с такой загрузкой? Да еще раненых грузить. Ну, ладно, машина у тебя мощная, авось вытянем. Давай к запуску!

Тут борттехник Ф., который успел ослабиться после визита инженера, вдруг почувствовал, что ноги его стали ватными. Слабость стремительно расплзалась по всему телу. В голове борттехника Ф. быстро прокрутился только что завершившийся полет, и борттехник понял, что второй раз будет явно лишним.

— Знаешь, Феликс, — сказал он, — оказывается, я действительно устал. Давай теперь ты, раз уж приготовился.

— Е... твою медь! — сказал (тоже успевший расслабиться) лейтенант М. и пошел на запуск.

Солнце уже скрылось, быстро темнело. Пара улетела, предварительно набрав безопасные 3500 над аэродромом. Борттехник Ф. сходил на ужин, пришел в модуль, выпил предложенные подстакана водки, сделал товарищам короткий отчет о проделанной работе и упал в кровать со словами «Разбудите, когда прилетят».

Ночью его разбудили. Он спросил: «Все в порядке?» и, получив утвердительный ответ, снова уронил голову на подушку.

Утром вся комната ушла на построение, и только борттехники Ф. и М. продолжали спать. Через пять минут в комнату ворвался инженер:

— Хули дремлем, воины? Живо на построение!

— Я ночью летал, — пробормотал лейтенант М.

— Ладно, лежи, а ты давай поднимайся.

— Почему это? — возмутился лейтенант Ф.. — Мы оба вчера бороздили!

— Не пи... давай, — сказал инженер. — Ты на закате прилетел, в световой день уложился.

Афганистан

— Да я потом всю ночь не спал, товарищ майор! — вскричал борттехник Ф. — Я за товарища переживал!

Курить охота

Пара высаживает спецназ в районе боя. Пока ведущий, высадив группу, забирает раненых, ведомый борт №10 работает по духовской позиции. Заходя на второй круг, экипаж ведомого наблюдает, как борттехник ведущего, прапорщик по прозвищу Киса, бежит вверх по склону, на вершину. Там, на переднем крае, растянувшись в цепь, лежат бойцы. Прапорщик Киса взбегает на вершину, нагибается, спрашивает что-то у лежащего солдата. Разгибается, идет к следующему, опять спрашивает, идет дальше.

— Что он делает? — изумленно говорит Трудов. — Его же сейчас снимут!

Вертолет вздрогнул, дым ворвался в кабину вместе с шипением — нурсы ушли в сторону солнца. Ведущий отвалил влево, давая ведомому отработать по слепящей цели.

Он разворачивает вертолет на месте и обрушивает на соседнюю горушку, где засели духи, оставшиеся нурсы. Борттехник Ф. помогает пулеметным огнем.

Тем временем, неспешно пройдя всю цепь, прапорщик разочарованно разводит руками и возвращается на борт.

Дома прапорщика Кису спросили, зачем он расхаживал под огнем противника в полный рост.

— Та под каким таким огнем? — удивился Киса. — Сигаретку хотел стрельнуть, а они все некурящие оказались!

Бой с солнцем

Привезли комдива в Геришк. Сели за городом возле дороги. Комдив уехал.

Солнце еще высоко, жара. Оставив вертолеты под охраной БТРа, летчики идут к речке. Белая мягкая, как цемент, пыль, всплывая, облепляет штаны до колен. Берег обрывист, его серый камень изрезан причудливыми проходами. У самой реки каменные плиты дырявы, как старое гигантское дерево, в дырах плещется вода. Тишина, легкий шелест камыша на другом берегу. Думать о том, что кроме цапель там может быть еще кто-то, не хочется. Тем не менее, автоматы, комбезы брошены у самой воды, один из отдыхающих с автоматом в руках дежурит возле. Летчики долго, с наслаждением лежат в мелкой горячей речке, — у нее каменное, слегка шершавое дно, — потом полощут

снимем — уйдут. Подлетните, обработайте сверху.

Взяли на борт майора, запустились, полетели. Через несколько минут полета показался торчащий посреди пустыни гигантский скальный выступ. Вышли на траверз, увидели — у подножия горят две машины, рядом, задрав стволы вверх, стоят один танк и два БТРа.

— Это называется послеполуденный стояк, — сказал командир. — Вот клоуны! Оставь ты БТРы для перехвата, отгони танк подальше да е... навесом...

— Духи на северном склоне! — прокричал майор. — Ближко не подходите, шарахните вон по той террасе, они там в пещерах, нужна прямая наводка! Эх, жалко, наши танки не летают!

Пара прошла мимо скалы, удалилась километра на два и вошла в боевой разворот с набором, чтобы с «горки» отработать по горе залпом нурсов. И тут случилась неприятность, о которой в спешке не подумали.

— Черт! — сказал командир. — А солнышко-то на стороне врагов!

Распластав свою корону на полнеба, солнце сияло над вершиной горы. Оно било прямой наводкой, заливая кабины идущих в атаку вертолетов жарким желтым туманом. Борттехник пожалел, что не надел ЗШ со светофильтром. Но думать и жалеть было поздно.

— «Воздух», быстрее, они вам в лоб работают! — сказала земля.

Борттехник прицелился чуть ниже солнца и надавил на гашетку. Он водил стволом в разных направлениях, чтобы очередь захватила как можно больший сектор скалы. Навстречу тянулись чужие трассы, но ужас был в том, что ни трасс, ни тех, кто эти трассы посылал, летчики не видели — все заполняло огромное солнце. Борттехник давил на гашетку, пригнувшись к самому пулемету, чтобы хоть как-то уменьшить свою невероятно огромную фигуру. Обидна была внезапность встречи с пулей, которая могла вынырнуть из солнечного тумана в любой миг, и ты даже не успеешь осознать, что произошло. Чмок — и тишина. И ты уже не здесь... Вот тебе и помыслил, постирались...

Вертолет вздрогнул, дым ворвался в кабину вместе с шипением — нурсы ушли в сторону солнца. Ведущий отвалил влево, давая ведомому отработать по слепящей цели. «Кажется, поторопился», — сказал командир.

— Воздух, я — Земля! Чуть выше положили! Еще разок, ребята! Сбросьте этих уродов, а мы уж добьем!

— 945-й, расходимся! — сказал командир ведомому. — Я — влево, ты — вправо. Это бл... солнце нас погубит. Подъем на четыреста, заход под сорок пять, работа по команде.

Бортжурнал №57-22-10

— Понял вас...

Вертолеты разошлись в разные стороны, одновременно развернулись и взяли гору в клещи. Забравшись повыше, наклонив носы, они устремились к горе, которая теперь была хорошо видна. Борттехник прищурился, нашел террасу, различил на ней суесящихся духов. Разделившись на две группы, они возились у двух приземистых треног с пулеметами. Как они их туда заволокли? — удивился борттехник. Через секунду понял по торчащим вверх стволам — выючные ЗГУ. С ведомого борта к горе уже потянулись пулеметные трассы. Борттехник Ф. чуть приподнял ствол, нажал на спуск,

камни, ударяясь о выступы и подскакивая, еще летели вниз и падали прямо возле танка и бэтэров.

На восток уносило бледнеющую грядку сизых тучек.

Вертолеты вошли в правый разворот, ведомый догнал ведущего, пара построилась и пошла по кругу.

— Ну, спасибо, мужики! — сказала земля. — Это класс! Это высший класс, б...! Спасибо вам!

Командир осведомился, нет ли внизу раненых, убитых, не нужно ли кого забрать. Но все были целы, и пара, качнув на прощанье фермами с почти пустыми блоками

Небо усыпано крупными звездами, земля еще дышит теплом, но в воздухе уже чувствуется ночная прохлада. Борттехник расстегивает куртку комбинезона, подставляя горячую грудь легкому ветерку.

увидел, как слегка искривленная огненная дуга соединила ствол его пулемета и край террасы. Приподнял еще, повел стволом, и очередь полетела по террасе влево, выписывая кренделя и разбрызгивая пыль и камень. («Как будто ссу с крыши! — отметил про себя борттехник.) Трассеры свивались в пропасть гаснувшим серпантином. Духи залегли.

— А-атлично! — сказал командир. И, обращаясь к ведомому: — 945-й, полной серией работаем. Приготовился... Огонь!

Оба вертолета сработали почти одновременно. Связки дымных струй с двух сторон воткнулись в скалу — и две цепочки черных лохматых бутонов косым крестом перечеркнули террасу.

Ветер тут же сдернул дымы, и стало видно: террасы больше нет — ее сравняло со склоном. Большие обломки и мелкие

(оставили немного нурсов на обратную дорогу), пошла на Геришк.

— Кандагарцы нам бутылку должны, — сказал командир, — в их зоне работали. А вообще, хорошо сегодня отдохнули. Сначала искупались, потом рыбку поглотили...

Он посмотрел на часы и удивился:

— Представляете — купались-то мы всего пятнадцать минут назад! То-то, я думаю, комбез еще мокрый!

Помолчал.

— Или это я так вспотел? Аж в сандалатах хлюпают!

Через минуту:

— А почему они из ПЗРК не пальнули? Сейчас бы мы уже догорали... Не было, наверное...

Закурил и, повернувшись к майору, сидевшему чуть сзади, на месте борттехника, спросил:

— Ну как, майор, понравилось? — Нет слов! — сказал майор и, подумав, добавил: — Мама, я летчика люблю!

Война

(лирическая зарисовка)

...Если выбирать из картотеки воспоминаний картинку, которая вмещает в себя ВСЕ, старший лейтенант Ф. выбрал бы вот эту:

Ночь. Они только что прилетели. Борттехник заправил машину, закрыл и опечатал дверь. На полу грузовой кабины осталось много крови, но мыть сейчас, в темноте, он не хочет. Завтра утром, когда он откроет дверь, из вертолета вырвется черный гудящий рой мух, собравшихся на запекшуюся кровь. Тогда он подгонит водовозку и, как следует, щеткой, помоем пол.

А сейчас он идет домой. Небо усыпано крупными звездами, земля еще дышит теплом, но в воздухе уже чувствуется ночная прохлада. Борттехник расстегивает куртку комбинезона, подставля горячую грудь легкому ветерку. Он устал — земля еще качается под ногами после долгого полета. Держа автомат в безвольно опущенной руке, он почти волочит его по земле. Курит, зажав сигарету зубами.

Где-то рядом, на углу ангара, вздыхает и позвякивает, как лошадь, невидимый часовой.

Борттехник сворачивает со стоянки, выходит через калитку на тропинку. Справа — большой железнодорожный контейнер. Ветерок доносит запах карболки, в щель приоткрытой двери пробивается желтый свет, слышен смех. Там — женский туалет. Борттехник прислушивается, улыбаясь.

Постояв немного, он идет дальше, раскачивая автомат за ремень. Поднимает голову, смотрит на мохнатые ван-гоговские звезды, видит, как между ними красным пунктиром прорастает вверх трассирующая очередь. Потом доносится ее далекое та-та, та-та-та.

Вдруг что-то ухает за взлетной полосой, под ногами дергается земля, в ночном небе с шелестом проносится невидимка, туго бьет в грудь западных гор, и снова тишина.

Скрип железной двери за спиной, шорох легких ног, опять смех, и — тишина...

Ночь, звезды, огонек сигареты — и огромная война ворочается, вздыхает во сне.

Война, которая всегда с тобой...

10 марта — 7 апреля 2005 года

Афганистан

Александр Арасланов

Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/a/arasanow_a/

Я ВОЗЬМУ ТВОЮ БОЛЬ...

«Обширная, овальной формы, с четко очерченными краями пораженной некрозом отвердевшей ткани, злокачественная опухоль коры головного мозга в правом полушарии»... (Из экспертного заключения вскрытия тела погибшего)

Все было как обычно... Обычная деловая встреча, разговоры только о деле, с привычными шутками и анекдотами. На столе только минеральная вода и сок. То есть вообще никаких причин для отклонений в настроении или здоровье не было и в помине. По крайней мере, он так помнил... Если он вообще помнит, что тогда помнил. Просто последние несколько лет он всегда чувствовал себя абсолютно здоровым. И вдруг это неожиданно началось... Николай не мог вспомнить, был ли какой-нибудь импульс или знак, вообще было ли что причиной, но неожиданно он почувствовал сильную боль в ноге. Так, словно, сидя за столом, он неудачно свалился этажа примерно со второго и попал на камень... Николай четко ощутил, как у него «подвернулась нога». Боль была настолько сильной и знакомой, что он даже не подумал в первый момент, что это невозможно. Он «видел», как падает... От удара боль резко прошла по ноге вверх, и от неожиданности Николай не смог сдержать стон и, вероятно, скривился от этой острой боли. За столом не сказали, чтобы все удивились, но приняли это вполне естественно. Почему бы мужику, хотя и вполне с виду здоровому, но в возрасте «немного за 40 лет», не почувствовать боль во время еды. То есть, все естественно решили, что у него печень, язва или еще какой диабет. А он, очнувшись от этого удара и понимая нелепость ситуации, «извинительно» улыбнулся, но почувствовал, как лоб покрылся холодной мерзкой испариной.

Партнеры за столом вежливо «не заметили» этого и, четко следуя протоколу встречи, продолжили обсуждение. Все было как обычно... Как если бы это было так, как казалось. Потому что даже он в первый момент, прокрутив мгновенно ситуацию и автоматически изобразив извинение на лице: «мол, что там, мелочи в моем здоровье», — для себя уже успел, было, решить, что разберется потом... вдруг с ужасом понял, что все не так просто, что нога сломана, и он просто не сможет встать. А уже в следующий момент Николай явно почувствовал, как горячо запульсировала кровь в месте излома, и понял, что это вообще ОТКРЫТЫЙ перелом: по лодыжке, пропитывая брючину и носок, в ботинок текла кровь... Это ощущение

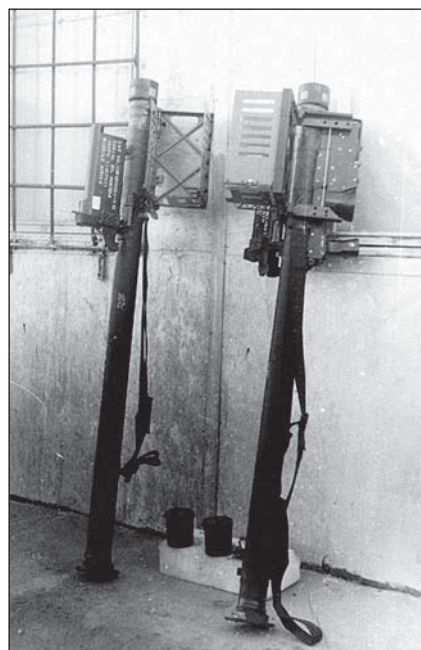
было настолько явно, что он мгновенно успел почувствовать и страх, и стыд, и вообще весь ужас своего положения. Этого просто не могло быть: солидный бизнесмен, директор крупной фирмы получил «открытый перелом» во время обеда с иностранными партнерами!!!! Но в первый раз ситуация дальше не пошла. Просто через какую-то секунду все прошло. Мгновенно. Как страшный сон. Только немножко кружилась голова, и голоса людей за столом слышались как издали, а обстановка в ресторане виделась некоторое время словно сквозь дымку. Николай тогда просто удивился, но не успел додумать об этом «случае» всерьез, только оставил себе заметку в памяти: «разобраться».

Но именно с того дня все началось. Потом он проанализировал, вспомнил все мелочи и неясности своей жизни и ничего другого не нашел. У него всегда была отличная память и способность к самоанализу, вообще, Николай был аналитиком от природы. И вот когда «это» произошло, он безжалостно просчитал даже ситуацию возможного своего сумасшествия. Просчитал и понял, что это «не то». Он понял, что это вообще черта что. Потому, что вся дальнейшая его жизнь была завязана только на «это». Он не мог от этого избавиться, так как «это» нельзя было ни понять, ни исправить, ни излечить. Для себя «по идиотизму ситуации», как Николай себе объяснял, решил, что это «кара божья». Это, конечно, было смешно, так как ни в какого бога, высшее божество или высший разум, как это некоторые любили объяснять, он не верил; но пока не нашел другого объяснения, решил пойти с собой на такой «вынужденный» компромисс.

Николай называл это «ПРИШЕСТВИЯ». Они мучили его с явно выраженной тенденцией: «чем дальше, тем

хуже». Он уже перестал бороться, просто старался как-то обезопасить себя от осложнений, если это можно было так назвать... Некоторое время не подавал виду для окружающих, что что-то не так, что ему все хуже и хуже. Но позже он понял, что это бесполезно скрывать и решил, чтобы не показаться для всех сходящим с ума, просто сделать вид, что есть какая-то болезнь, о которой он не хотел бы ни с кем говорить. А «болезнь» была похожа на странный сон наяву... Он мог ехать по улице и вдруг «увидеть» впереди на дороге то, что он когда-то видел там — скалу, бронетранспортер или рулящий самолет. В общем, потом он начал понимать, что это не просто «сон про Афганистан», а именно Баграм тех лет, когда он и был там. Видение бывало таким неожиданно явным, что Николай реагировал, как и любой человек за рулем: резко тормозил. Он пытался как-то обойти эту проблему, внушал себе: «не тормози, если что-то увидишь!» Но «оно» словно издевалось над ним, создавая ситуацию каждый раз таким образом, чтобы он не мог быть готов к ней. Наверное, с месяц Николай пытался бороться и все же понял, что тут не победить, что нужно просто подстроиться под ситуацию. Вот тогда и пришло решение «принять идиотизм ситуации как есть» и просто изображать каждый раз «приступ болезни». Легко было соврать, легко было принять окружающим. Только ему было все трудно. И тогда он начал вспоминать. С самого приезда оттуда Николай старался никогда Афганистан не вспоминать: просто он не страдал «синдромами», ему не снились ни горящие модули и дома, ни разрывы снарядов и мин, ни раненые и мертвые из того прошлого. Хотя, конечно, всего этого было много тогда. Но он хотел забыть об этом. И не по какой-то особой причине. Нет, он честно отдал свой долг и честно не хотел мусолить воспоминания об этом «героическом» прошлом ни в своей памяти, ни в разговорах или рассказах с кем-либо. Внутренне Николай был горд за себя, за то, что с честью прошел это, так как понимал, что это настоящее испытание для мужчин. Никогда не сожалел об этом, но четко разделял для себя две войны: ту, Афганскую, и Вторую мировую, воинов которой безмерно уважал и не мог себя сопоставить с ними. Никого из афганцев не мог сопоставить с воинами той войны. Это было совсем другое. Это было так же свято, но это было другое: для него та война, Великая, была «единственно правильной».

Николай начал читать свой дневник. Вел его тогда, мечтал (втайне даже от себя) написать об этом, а после войны вдруг «забыл» об этом своем намерении. Память и без того держала все в удивительной ясности, в деталях и красках, но теперь, по записям дневника, по привезенным картам перед глазами вставали четкие картинки, районы ударов, лица людей... Он помнил все очень хорошо, но уже немножко «повспоминав», четко прояснил для себя, что то, что ему «показывают»

он не знал. Николай не мог себе это объяснить, так как «показывали» тот же аэродром Баграм, где он летал на штурмовике Су-25, то же время, те же места ударов... Но он не помнил это так! Профессиональная память летчика-штурмовика однозначно подсказывала ему, что он видел это, но видел не так. Это было словно видение «не его глазами».

А потом пришли сны. Ведь поначалу «это» мучило только днем. Видения приходили на какие-то секунды, или даже доли секунды, но были яркие, в красках и всегда в динамике. То есть, если он вдруг оказывался на аэродроме, то или «влетал» на своей шестерке на рулежку в струю газов впереди рулящего самолета, или вдруг «въезжал» в обваловку оружейников, где

С самого приезда оттуда Николай старался никогда Афганистан не вспоминать: просто он не страдал «синдромами», ему не снились ни горящие модули и дома, ни разрывы снарядов и мин, ни раненые и мертвые из того прошлого.

ему приходилось резко уходить от катящихся на него поездов подъемников с бомбами или РСами. И впереди никогда не было людей... Никогда! Он не понимал, куда все делись? Поначалу даже полагал, что ключ решения именно в этом, когда вдруг, уже во сне, когда все стало более продолжительным, увидел себя вырывающимся на Баграмскую полосу на «Сушке» крайним ведомым восьмерки. И только позже, уже проснувшись, «увидел», что его ведущим, то есть ведущим четвертой пары был «Сухарь» с его номером на борту! Нет, это не получилось сразу... Ведь не было в Афгане жестко закрепленных за летчиками номеров самолетов. Все летали просто на очередных подготовленных. Но у него такой

самолет как бы был. Николай был замкомэской, много летал и, так сложилось, что летал он почти всегда на одном и том же самолете. Это «вычислил» техсостав и, уважая молодого и энергичного майора, старался специально давать ему на удары только этот борт. После этого и он сам принял это как должное и старался летать на нем, на 11-м. Это не было ни «пунктиком», ни талисманом, он даже не считал этот борт каким-то особо счастливым, но как бы случайно оказывался в кабине 11-го. И вот тогда, уже после увиденного сна, он понял, что рулит на полосе к 11-му борту неизвестно на каком «Сухаре», но четко осознавая, что там, в кабине 11-го сидит тоже он.

Тогда он решил, что все понял. Ему стало легко и ясно, для чего все «это» было. Странно, но он решил, что понял все, и успокоился, хотя, спроси его тогда, что понял, вряд ли он смог бы объяснить. А может быть, просто прошли те необходимые (неизвестно для чего) 40 дней, в течение которых все и произошло. Потому что только потом друзья поняли, что «болезнь» продолжалась у него 40 дней». Все просто: кто-то вспомнил, «когда был первый приступ», имея в виду тот случай в ресторане, и, отсчитав от него, получили эти 40 дней. Хотя ни для кого это ничего не прояснило... Просто 40 дней и все... А «все» было через сорок дней в ту ночь так...

Для него это был самый длинный сон... Он увидел тот утренний весенний день, ребят в Баграмском домике для подготовки к полетам на аэродроме. Тогда еще Николай думал, что все это видит он. Какие-то незначительные обрывки разговоров о предстоящем ударе тут же рядышком в Чарикаре... Он четко слышал свой голос, предлагавший кому-то сразу после взлета (курс взлета был в тот день на север, на Панджшер) сделать левый отворот и атаковать как бы с горки сходу. Цель была перед входом

дороги из Чарикарской долины на Саланг, на склоне... Николай уже не помнил, что это была за цель, но подвешены были РСы С-24. «Сходу отработать всеми РСами и, развернувшись на точку, так же сходу на встречном курсе сесть», — говорил он кому-то. Красивый идиотизм. Все понимали, что это просто идиотизм, потому что именно со вчерашнего дня по данным ХАДа там, на входе в Саланг, начал дежурить оператор Стингер. Кроме того, вообще не было необходимости атаковать сходу, потому что это был просто «беспокойший» удар ни для чего. Таких немало было в периоды между серьезными операциями. В общем, не было ничего, что бы заставило кого-то сделать такую чушь. Николай еще успел подумать об этом, как вдруг

Афганистан

сон перенес его уже в кабину самолета на полосу. Он слышал привычный шум эфира в наушниках шлемофона, чувствовал запах керосина в кабине и неприятное давление перезатянутых ремешков маски. Еще успел подумать, что надо бы после взлета ослабить ремешки, как вдруг увидел, что ведущий качнул рулями и тронулся... Он привычно сбросил ноги с тормозов, почувствовал толчок спинки кресла и начал разбег. Как всегда чуть начало подносить к ведущему после уборки шасси. «Опять дал мне лишний запас тяги!» успел подумать Николай и вдруг сквозь режущие лучи утреннего солнца увидел левый разворот ведущего с одновременным энергичным набором! Это было так неожиданно для него, что он еле успел «подскокить» справа, чтобы не отстать, и, конечно, немножко отстал... Хотел посмотреть на высоту: «Не рано ли?» Когда вдруг услышал этот странный и поначалу вовсе не пугающий звук — хлопок и небольшой скрежет... Николай не понял, почему потерял самолет ведущего. А потом вдруг это: он услышал в наушниках свой собственный голос по второй станции, встревожено спрашивающий: «Витя! Что там у тебя?!!!»

И тогда только Николай понял — в полном сумбуре все!.. И увидел плавно вращающийся под ним кусок скал у входа в Саланг и пламя ярко-желтого цвета, беззвучно плавающее в перископе кабины. Услышал крик РП: «427-й — катапультируйтесь!!!» И рванул на себя ручки сиденья катапульты...

Николай не почувствовал выброс сиденья. Наверное, все-таки это произошло, как и обещали, плавно. Он не смотрел вниз пока, только судорожно матерился, повторяя все одну и ту же фразу и так же судорожно, среди всего этого «матного» бедлама, твердил: «Я Витя?! Витя значит?! Черт!?!»... Только тогда Николай понял, что стал, да и был все время в своих снах, Виктором. Вероятно, он прошляпил высоту. Никогда не умел ее точно определять при прыжках с парашютом и сейчас тоже прошляпил. Хотя, если честно, то и было с чего. Но когда он впервые посмотрел вниз, то успел только понять, что сейчас его ударит об землю... Удар был таким необычно жестким, что даже не было чувства боли в первый

момент. Он упал в разлом перед самым входом дороги в ущелье. Потом он понял, что там и не было места для нормального приземления: только маленький пятачок плоской пыльной поверхности у ватуна. Был сильный тупой удар о камни, настолько сильный, что голову тряхнуло как от приличного прямого удара боксерской перчаткой. Наверное, Виктор ненадолго потерял сознание, потому что следующей ударила боль... Как тогда в ресторане: вдоль по всей ноге, потом ожогом в грудь. Он мгновенно покрылся потом и снова потерял сознание, а, уже очнувшись вновь, решил все же хотя бы понять, куда он влип. Виктор увидел себя лежащим между двух крупных камней с ужасно вывернутой, неестественно отдаленной от тела правой ногой. Ниже колена был явно виден излом, пропитанный кровью, наполнившей рану и штанину комбинезона так, что ткань уже распирало. Наверное, только спустя минуту, он понял, что спокойно оценивает абсолютно дикую ситуацию и не чувствует боли. И тогда Виктор решил побыстрее сделать хоть что-нибудь для своего спасения. Он по-прежнему действовал спокойно, но

абсолютно бессистемно. Отстегнул подвесную систему и зачем-то старательно сложил ее под бок. Вдруг вспомнил про автомат, прицепленный где-то на фале НАЗа. И только вспомнив про автомат, начал доставать и перезаряжать пистолет. Потом вспомнил, что надо достать гранаты и аптечку и сделать обезболивающий укол. И тут же получил за это напоминание о боли. Боль дико выстрелила в грудь, голову и сломанную ногу одновременно. Весь покряхтевшись испариной и опять чуть «потерявшись», он очнулся уже с готовым решением обследовать, наконец, себя и место, куда он упал. Быстро и деловито подтянул НАЗ, достал аптечку и сделал укол промедола. Не чувствуя никаких изменений, но понимая, что серьезно ранен, попробовал подтянуть к себе автомат. Он застрелял где-то между камней и не хотел подтягиваться. Затем быстро подготовил гранаты, но попытавшись рассовать их по карманам, неудачно повернулся корпусом и навалился на такой болевой удар в грудь, что снова потерял сознание... Очнувшись, по струйке

крови, капающей с разбитых губ на руки, понял, что, видимо, сломал себе при падении и ребра. От осознания всего ужаса случившегося, Виктор чуть не заплакал... Слезы выступили на глазах, и он бы заплакал, наверно, но тут включился слух и преподнес новые неприятности: по нему явно стреляли из автоматов. Ужасом кольнула мысль: «Ну, все!!! Конеч! Допрыгался!!! Духи уже рядом!!!» Но стрельба прекратилась, и он, подождав немного, успокоился... Нужно было попробовать двинуться. Он отчаянно боялся этого, не зная, чем это может кончиться, хотя, к этому моменту уже «привык» к потерям сознания и даже ждал их, потому что они давали отдых и какой-то смутный, но покой... И все же решил попробовать. Виктор передвинул руки вперед и подтянул себя чуть-чуть. Получилось неплохо, хотя он очень мало продвинулся, но главное, что ждал боль, а ее почти не было. Он решил попробовать ползти к выходу, пока действовал промедол. И даже пополз, было, вполне удачно, но рванувшись к застрявшему автомату, зацепился своей сломанной ногой за камень и отключился, видимо, надолго. Очнувшись, он вытащил все же автомат, передернул затвор и, отчаянно напрягаясь, матерясь и немного поскуливая, преодолел оставшиеся до выхода из разлома три метра. Голова кружилась, ноги невели и Виктор понял, что потерял много крови. «Надо наложить жгут», — подумал он, но нужно было поскорее узнать, что там за разломом... То, что он увидел, выглянув из-за камня, повергло его в шок!

От его камня до дороги было метров, от силы, сто. Пологий склон, покрытый мелкими и крупными камнями, буквально пестрел духами. Внизу на дороге стоял грузовик с ДШК и короткими очередями вел огонь по Ми-24, вертолету поддержки, который уходил с набором в сторону Чарикарской «зеленки». Над «зеленкой» высоко висел спасатель Ми-8, обрабатываемый с двух точек ЗУ. Они его просто отсекали. Группа духов на склоне деловитыми перебежками двигалась к разлому. Никто не стрелял, они даже не очень боялись противодействия: видимо, были уверены, что он ранен. Перекрикивались друг с другом спокойно, радуясь, наверное, такой удаче. Получить летчика, да еще «Грача», стоило многих денег! Виктор смотрел на это с каким-то безразличным ужасом и все повторял эту дурацкую мысль: «Зря вчера согласился идти в Кантин! Этот идиот баченок оказался прав! Не хотел ведь идти! Дурак! Дурак! Дурак!». А вчера вечером на базаре, куда его зачем-то пригласили ребята, один баченок в Кантине кричал ему: «Летчик! Я тебя собью! У меня Стингер есть! Ты на чем летаешь?» А он, даже с какой-то гордостью и уверенностью, спокойно ответил ему: «То, на чем я летаю, Стингеру не сбить! Идиот!!! Вот тебе и не сбить! Что же делать??? Он думал об этом с ужасом и надеждой. Не мог поверить, что выхода нет... И еще, где-то далеко в сознании билась тоскливая надежда-мысль: «Все!

Я устал! Я больше так не могу!!! Хотя бы это был сон!?!»... Потом он решил, что нужно что-то сделать, проявить себя. Виктор вспомнил про маяк. Конечно, нужно взять радиомаяк и выйти в эфир! Он даже разозлился на себя, что так поздно вспомнил про это. Но шарик маяка застрелял где-то далеко в камнях, а ползти к нему не было сил. Он отчаянно дергал фал, злился на себя и снова бессмысленно дергал. В тот момент Виктор не услышал автоматной очереди: слишком много там гремело внизу. Увидел только пыльные облачка разрывных пуль на камне напротив. Очередь хлестнула, стрельнув в лицо градом мелких осколков и камней. Он не испугался, ждал чего-то такого, что бы помогло ему решить: начинать в них стрелять или нет... Теперь он понял это и сразу успокоился. Деловито пристроил короткий ствол и нажал на курок. Автомат грохнул в разломе неожиданно громко. Он видел, что нигде не попал, но сейчас это было неважно: он просто «проявил» себя. Знал, что его не бросят так, что будут пробиваться. Да и Баграм недалеко, бронегруппа наверняка уже вышла, значит, нужно только продержаться. Виктор успокаивал себя этим и приспосабливался к автомату, экономя на коротких, в 2-3 патрона, очередях. Он увидел, как его заметили, как «уважительно» залегли все внизу и начали передвигаться перебежками только под прикрытием 2-3 автоматов. Автоматы у духов были явно китайские, калибра 7,62 и с китайскими разрывными пулями, так что работали они очень мощно, и, прикрывая броски боевиков, патронов не жалели. Его спасало пока только то, что он все же был выше их и хорошо защищен, но все-таки они приближались очень быстро. Виктор начал прикидывать как бы половчей бросить гранату. Расстояние для броска было пока большое, но он все никак не мог решить, как же это сделать?

Потом он понял, что там и не было места для нормального приземления: только маленький пятачок плоской пыльной поверхности у ватуна. Был сильный тупой удар о камни, настолько сильный, что голову тряхнуло как от приличного прямого удара боксерской перчаткой.

Нависший над ним камень и прикрывал его, и мешал броску. Наконец, Виктор решил бросить хоть как-нибудь, чтобы остановить их быстрое передвижение эффектом взрыва и показать, что он неплохо вооружен. Он отогнул усики чеки и рванул кольцо, не рассчитав усилия. Болью ожгло голову и грудь: видимо, все-таки он сильно ослабел из-за потери крови, потому что на секунду потерял сознание. Очнувшись, Виктор увидел зажатую в левой руке гранату без чеки, потом понял, что рычаг он все же удержал и, осторожно, боясь нового всплеска боли, слабо, без размаха, каким-то тычком, выбросил гранату за камень. Он уже не думал ни о каком эффекте и, помня, что чуть не подорвал себя сам, только ждал, чтобы она побыстрее взорвалась. Взрыва не было, кажется, целую вечность, но когда она все же прохнула, он поразился, как

это получилось слабо и негромко. Но, выглянув, понял, что это все же их остановило. Все залегли, и он в тишине четко слышал, как кто-то из духов громко кричал по радиции, все время повторяя что-то типа: «А-але!! А-але!!»

Слабость накатывала волнами, кружилась голова, внутри все дрожало, и кольхалась какая-то нескончаемая тупая боль. «Черт! Как больно!! Как я устал это терпеть!!!» Мысли кружились странным хороводом. Он то решал положить себе на ногу жгут, то поискать еще один шприц с промедолом, хотя сам не понимал, где его можно поискать. Потом он неожиданно для себя вытащил ПСНД, не проверив, какой открывает торец, дернул за шнур и понял, что зажег факел. Матюгнулся, что сделал не то, но потом понял, что вообще ничего этого делать было не надо. Дым, может быть, обозначил бы его для вертолетчиков; но, накрыв полностью, сделал бы безопасным для духов и, в добавок, просто удушил бы его, выдавив своей массой весь воздух

из разлома. Виктор вышвырнул горящий факел ПСНД за камень, в сторону духов, чем, вероятно, серьезно изумил их, и кто-то тут же пальнул по разлому из противотанкового гранатомета. Граната пошла с большим недолетом: не учли его превышение над ними — и разорвалась, не причинив, ему никакого вреда. Но духи тут же начали перекикиваться, видимо, прошли какие-то команды, потому что вся стрельба сразу прекратилась. По нависшей тишине он понял — что-то они решили насчет него. Интуитивно чувствовал, что ничего хорошего теперь его не ждет... Исчезли вертолеты, никто не стрелял, вообще не было видно никакого движения. Виктор решил все же наложить жгут на ногу. Оторвал лямку комбинезона, завязал узел на бедре, и, не найдя ничего путного, использовал вместо рычага для затяжки жгута запасную обойму от пистолета,

предварительно выкинув из нее патроны. Потом подумал, что зря мучился: вряд ли пистолет ему пригодится. У него появились странные ощущения: начали мерзнуть ноги, а от головы до груди он чувствовал сильный жар. Кружилась и звенела голова, и приходили какие-то вялые и глупые мысли... Он думал: «Зачем Николай сделал левый отворот? Они же не были готовы к атаке?» Потом вдруг пришло: «О чем я? Какой отворот? Я же сплю?... Такой ужасный и дурацкий сон!!!» И тут же испугался: «...только бы не заснуть!!» Виктор разбудил себя усилием воли, заставил перевалиться на живот и выплянуть из-за камня. Все расплывалось и странно качалось в глазах. Он никак не мог сосредоточиться и оценить обстановку. Напала ужасная усталость, лень и полное безразличие ко всему. Сознание постоянно пыталось обмануть: он все время подспудно надеялся, что проснется и все будет хорошо... Насколько хорошо, что вообще все сон! Нет никакого Афгана, он просто спит дома и ему это все снится... Он даже начал вспоминать, как выглядит спальня, где он спит. Но постоянно кто-то словно толкал его в спину: не спи! Нельзя спать! В каком-то дурмане он увидел передвижение двух черных пятен внизу недалеко от его камня. Виктор понял, что это представляет какую-то опасность для него, попытался понять, какую же... И тут, наконец, очнулся и четко и ясно увидел всю картину. Короткими четкими бросками в сторону его камня двигалось двое духов в бесформенных черных балахонах. Они, как летучие мыши, бесшумно и быстро, казалось, скользили над землей. Словно крылья, взмахивали в движении рукава балахонов, проблескивая белыми продольными полосами поперек рукава. «Белые аисты!!! Он даже восхитился поначалу тому, что увидел. «Белые аисты», спецназ Пакистана, о которых много рассказывали, о которых ходили легенды, в которых он почти не верил, были рядом с ним! И уже в следующий момент он впервые сильно, до судорог в горле, испугался! «Все! Это конец! Меня решили брать!... Что-то срочно нужно сделать! Срочно! Они слишком быстро двигаются!..» Виктор не знал, что делать и боялся это знать...

Афганистан

Он не мог представить себе плен. Да и какой плен! «Грача» не будут ни держать в плену, ни менять, ни, тем более, раненого лечить. Значит... Значит... Значит... Он все повторял это слово, не решаясь даже мысленно сказать себе, что это уже и правда все. А руки автоматически делали то единственное, что ему сейчас нужно было сделать. Виктор уже даже разогнул усики чеки. Осторожно, будто она была хрустально хрупкой, он вытащил чеку, покрепче сжал рычаг теплой от его руки РГДешки и, подсунув руку под правую щеку, начал осторожно укладываться на своем пятачке на правый бок. Он не чувствовал боли уже, почти не думал ни о чем, просто хотел эти оставшиеся минуты жизни не торопить. Виктор сделал все, осталось только разжать ладонь. Он уже свылся с тем, что придется разжать... Просто хотелось еще пожить. Немного... Может быть, просто увидеть, чем это кончится. Просто лежал и ждал. Он не слушал себя, в голове не было никаких мыслей — как обычно говорят — «и тут он вспомнил всю свою жизнь»... Ничего он не вспомнил. Только один раз... краем мысли... подумал: «Ну вот, теперь придется стать героем... Оказывается, это так вот обычно просто...». Потом Виктор услышал шуршание камешков рядом с его камнем и понял, что они дошли. Услышал негромкий зов этого «спеца»: «Эй, шурави!». Он крикнул почти без акцента и очень спокойно, словно позвал к столу. Но это его спокойствие окатило Виктора холодным, до покалываний в корнях волос, ушатом воды. Он понял, что уже пора, нужно отпускать эту железку. Успел подумать, что, наверное, нужно дожидаться, когда они подойдут. Почему-то успокоился от этого решения и так же, как этот дух, спокойно и деловито ответил: «Да здесь я. Что там тебе надо?»...

«Выходи!» — вполголоса позвал дух. От его голоса Виктор вдруг почувствовал дикий спазм внизу живота, понял, что потерял всякую надежду на спасение и, теряя от ужаса и жалости к себе всякую волю к сопротивлению, разжал ладонь... Громко выстрелил в ухо капсюль взрывателя, и он услышал противное шипение горящего замедлителя. Он горел так долго, что Виктор успел уже сто раз пожалеть о том, что сделал, испугаться, что не дожидается этого «спасения», увидеть появившегося в разломе духа и... Он не слышал взрыв. Просто кто-то словно ударил его сильно по голове, потом вдруг прошла боль.... Впереди вспыхнуло что- то очень яркое, разлетающееся красивым пыльным веером куда-то вверх, и просто стало легко...

Николай проснулся сразу после этого «взрыва»... Дико болела голова. Словно в бреду, разорванными эпизодами всплывали воспоминания того времени. Гибель Виктора. Работа

комиссии по выяснению причин его гибели. Обычный поиск виновного и причины. И, конечно, наказания всех подряд... Только он всегда и без этих разборок чувствовал себя виновным. Долго не мог себе простить этого да и потом не простил, просто забылось и как-то утряслось в голове. Да и не жалел он себя после того случая и «гонял» на все удары и самые сложные задания. И в полку его не винили, потому что время тогда было неудачным и потерь было много и в воздухе, и на земле. И в основном из-за таких вот «неудач» в принятии решений. Казалось тогда, что полк попал «не в струю», или уже просто устал летный состав от бесконечной работы... Но в его сознании надолго засело чувство вины за гибель того парня...

Летчика долго не могли найти. Три месяца никто не знал жив он или погиб. ХАД работал по поиску, но давал самые разноречивые сведения. Постоянно приносили какие-то «вещи летчика»... Их опознавали, но это было не то. Было четко известно место падения и то, что он ката-

самолета Су-25 на следующий день от начала дежурства. Слабоконтрастные кадры съемки без особой режиссуры показывали место дежурства и самого оператора, момент пуска ракеты и попадание ее в самолет. Затем — падающий факел горящего штурмовика и опускающийся на фоне горы парашют. Затем съемка переместилась на место падения летчика. Очевидно они опоздали к моменту начала боя, да и сам бой, видимо, был достаточно скоротечным, потому что далее были коротко показаны парашют и оружие летчика. Место его подрыва со стороны входа было помечено кровавыми пятнами, оставленными ранеными осколками его гранаты духов. Так же коротко показали и останки летчика. В тени камня, под козырьком, мало что было видно, но комментатор сказал, что тело сохранилось хорошо, потому что вся сила взрыва была отражена камнем в сторону входа, поэтому двое вошедших в разлом были буквально раздавлены о скальную стенку осколками и взрывной волной. Считалось, что Виктор погиб легко...

«И вот почти через десять лет ко мне пришла «его» боль!»... Николай лежал и чувствовал себя одновременно и дома в кровати, и летящим в бесконечность боли в том далеком разломе у входа в Саланг. «Неужели «ОН» есть?»... Странно, что даже для себя он называл это «Кара божья». Он не решал для себя этот вопрос. Наверное, даже не особенно думал над этим. Есть, нет... Вот она «его» боль! Это не просто. Это, наверно, действительно кара... и не так важно, чья...

Он тяжело встал, весь словно окруженный этим ореолом боли. Двинулся вперед, не думая ни о чем, словно выполняющая чью-то волю. Вышел на балкон своего десятого этажа и остановился у перил. Свежий воздух ожег жаром пустыни... «Ну да, ведь внизу Саланг», — подумал он... Не было сил подтянуться на руках, и Николай просто перевалился через ограждение. И как только полетел вниз, понял, что сделал то, что нужно. Ему стало легко. Мгновенно отпустила боль. И словно слова молитвы он сказал: «Я возьму твою боль!»...

Ночью никто не заметил падения. У дома было темно, да и прохожих, видимо, было мало. А утром дворничиха, зайдя за дом, увидела лежащего на асфальте мужчину... Уже успела было подумать, что вот допиллся, как обратила внимание на темное и масляно блестящее пятно уже подсохшей крови вокруг головы на земле. Мужчина лежал на спине с открытыми глазами и улыбался. Наверное, поэтому она не испугалась, а просто как-то сразу поняла, что это не случайная смерть. Вскрытия не производилось: тело просто передали семье...

Приговоренный

Глеб Бобров

Рядовой. Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/b/bobrow_g_/

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Этот случай произошел в сентябрьской колонне 1983 года. Третьим взводом тогда командовал лейтенант Быстров. Мы его за глаза звали Серега, хотя ему было хорошо за двадцать пять, для армии возраст уже солидный. А возможно, потому, что Серега был «залетчиком» самого бесперспективного толка — отказником. Он не хотел служить.

Такое в армии случается — поступил в военное училище в семнадцать, учиться думать самостоятельно начал в двадцать... Конечно, можно было приспособиться и в армии, найти тепленькое местечко, но Серега об этом и слушать не хотел — «в падлу!» Уйти из вооруженных сил «по-хорошему» в то время было все равно, что якуту выехать на ПМЖ в Израиль. Поэтому оставалось лишь два пути: либо навсегда заболеть, либо служить так, чтобы сами отпустили — от греха подальше. Серега именно на это и был нацелен.

Но конфликтовал он только с армией как таковой, солдат же берег и, как это ни странно, уважал. Мы ему, естественно, платили тем же. Напоследок, перед своим неизбежным и скорым дембелем Серега решил подготовить нас семерых, «осенников» 1982 года, так, чтобы мы выжили сами и, когда уйдут деды, помогли уцелеть остальным, прибывшим на замену. Для этого он, оставив старослужащих в покое, чему они безмерно обрадовались, и везде таскал нас за собой. А приходилось Сереге несладко: ведь и ротный у нас был залетчиком еще тем. В общем, два сапога — пара. При таком раскладе, известное дело, добра не жди. Мы и не ждали. И в ту колонну половина нашего взвода угодила в боевой дозор.

Три четверти дороги колонна, как правило, идет пешком — опасные участки, мины. Впереди, уступами, движутся саперы; группа номер один — со щупами и легкими миноискателями, снимает противопехотки; вторая — с собаками ищет знаменитые пластиковые «итальянки» (миноискатели их практически не брали — всего грамм металла, какая-то деталь взрывателя) и основная — фугасы.

Страшная вещь эти фугасы. На метр-полтора вкапывается в землю ящик или, еще

чаще, мешок взрывчатки. На поверхность пропускаются две тоненькие проволочки от детонатора и батарейки. Потом немудреная система из двух жестяных полосочек и пары спичек. Вот и все! Люди могут годами ходить — не подорвутся, а от танка оставит такое, что и в металлолом не примут. Да еще и коварно как: несколько машин успевают пройти, а на третьей или четвертой фугас срабатывает. Миноискатель, как правило, его не берет, а вот сапоки находят. Не всегда, к сожалению.

Последняя, третья группа, так и называлась: «последний звонок». Саперы в этой группе работали с импортными, кажется, ГДРовскими, глубинными, особо чувстви-

тельными миноискателями, прослушивали землю на полтора метра. И шли всегда на значительной дистанции друг от друга, чтобы передние не мешали. Саперов подпирали один-два танка, всегда с противоминными трапами. Ну, а следом шли уже все остальные подразделения.

Так и ходили пару лет, пока духи не пришли к глубокому умозаключению: если устроить засаду и перестрелять саперов, то колонна останется без прикрытия и можно будет, не теряя людей на обстрелах, обойтись одним минированием. Замысел их удался — четверых солдат саперной роты отправили в госпиталь, двоих навсегда «домой», а очередную колонну довели с целым букетом подрывов.

Вот после того командование и ввело в практику боевые дозоры. Человек десять, след в след, шли метрах в трехстах перед саперами и, проклиная все на свете, смотрели больше себе под ноги, чем по сторонам. А еще дозорам вменили в обязанность на серпантинах и участках, где дорога опиралась на скалы, выискивать бортовые мины — нечто среднее между одноразовым гранатометом и взрывным устройством, игрушка очень дорогая и очень эффективная.

За три недели до начала операции Серега повел нас в саперную роту к матерому прапорщику-подрывнику на инструктаж. И потом водил ежедневно на два часа. Перед самой же операцией невзначай порадовал:

— Мужики! Мы в колонне — первые.

Кто-то поинтересовался:

— Вместо саперов, что ли?

Серега ответил:

— Не вместо, а впереди.

Деды сразу заартачились и начали стонать про дембель и про маму того, кто все это придумал. Серега долго смеялся, а потом, хлопнув в ладоши, сказал:

— Ну, хватит, хватит! Что вы ноете? Успокойтесь — «черпаки» пойдут со мной, а вы, доходягы, с замполитом.

Старички расслабленно выдохнули, да и мы обрадовались — с взводным по ровной дорожке шлепать, да еще летом, да еще и без пристального ока штабных

отцов-командиров — чего больше надобно? Да и боевой пыл у нас в самом разгаре: до приказа — год, до дембеля — полтора с хвостиком. Пошли...

***

К середине первого дня проскочили точку Карамакар, спешили и потопали ножками. Жара под сорок. Через два часа начисто забыли о бортовых минах, а еще через пару — о минах вообще. До воды бы добраться! Потом вышли из положения — послали гонца к своим машинам. Через час он вернулся весь в пене, пыли и соли. У машин дорвался до воды, а пока до нас добежал, все вышло и высохнуть успело, одна радость — бронезилет изнутри

Афганистан

мокрый все еще, распахнулся — продувает. Мы посмеялись и в один присест выхлестали всю принесенную воду. Послали следующего... Пока до «точки» добрались, до меня очередь быть гонцом так и не дошла — какое счастье.

На другой день было полегче — втянулись. Оказалось, что можно и на такой работенке с умом устроиться. Делали так: отрывались на километр-полтора, находили позицию с хорошим обзором, желательно в тени, и садились

отдыхать, ждать саперов. Им же доставалось больше всех. Собаки у пацанов и те к концу дня работать отказывались — морды в сторону воротили и фляги с хозяйских поясов чуть ли не в наглуую стрыгали.

В той колонне все, правда, было как-то подозрительно спокойно. Всего пару раз, через реку, мы заметили наблюдателей. Одного умудрился шлепнуть из автомата метров за семьсот сержант Куделя, единственный из дедулек, захотевший пойти с нами. Остальные исчезли. Разик обстреляли и нас, но как-то лениво, не заводясь, и не очень прицельно. Саперы же наши не дремали: сняли несколько мин и, кажется, фугас.

А за точкой Артеджелау Серега, шутя, подстрелил огромную птицу...

Поджидая саперов, мы в очередной раз залегли в скалах и вдруг видим — то ли орел, то ли гриф идет на посадку прямо на наши позиции. Лежим, смотрим. Метрах в пятидесяти от нас и в нескольких шагах от обрыва орел сел. Серовато-коричневый, шея длинная, почти голая, и очень крупный — мне почему-то казалось, что они значительно меньше. Серега, недолго думая, осторожно поднял автомат, поднял, не спеша прицелился и попал орлу в шею. Птица дернулась, припала на одну лапу и, как палку, воткнула голову в камни.

Серега заорал:
— Бобер!

Я сорвался и кинулся за добычей.

Недаром говорят — орел гордая птица. Пока я бежал, он с трудом поднял голову, в два приема встал на лапы и, пошатываясь, двинулся к краю обрыва.

Мне, честно говоря, было его откровенно жаль, но охотничий азарт молодого дурака перевесил. Я рванул затвор, вскинул и... не успел — орел ринулся в пропасть. Добежав до края, я уже ничего не увидел. Может быть, ему удалось встать на крыло и уйти, или, скорее всего, орел предпочел погибнуть в ревущей Кокче, но не дать безмозглой солдатне свернуть себе шею.

На четвертый день мы дошли до точки Третий мост. Утром появились машины кишимского батальона — вышли встречать. Мы вздохнули посвободнее. Теперь на каждом километре можно было разжиться водой у рассыпанных цепью по-над дорогой БМПешек боевого охранения.

* * *

Уже под вечер, когда мы подходили к Кишиму, позади нас тяжело и страшно грохнуло. Можно было вообще в армии не служить, чтобы понять — не мина. Но мы все равно остановились и хорошенько осмотрелись. Серега, немного подумав, скомандовал:

— Назад!

И правильно сделал, где подрыв — там и засада, отрываться не резон. Лучше уйти под прикрытие танков.

Мы потрусили назад и увидели жуткое зрелище. Посередине дороги, наискось, стоял развороченный корпус танка. Как издевательство над здравым смыслом на нем выглядели совершенно целые тралы — фугас сработал прямо под днищем. Впрочем, все по правилам: контактные пластины на два-три метра были выдвинуты от заряда, танк наехал передком, а фугас сработал посередине корпуса.

Танковая башня была сорвана и, перевернутая, валялась в десяти шагах от вздутого, покореженного остова. Во время взрыва, и это было видно сразу, сдетонировал находящийся внутри машины боекомплект.

Когда мы подошли, вокруг останков уже стояли саперы, разведчики и одна БМП кишимовцев, находившихся неподалеку в охранении. Собаки поскуливали и тащили поводки прочь, солдаты молчали.

Первый раз в жизни я видел «полный подрыв». Раньше я знал о нем лишь из рассказов стариков, но тут довелось увидеть и самому. Вместе с другими ребятами взвода я подошел к танку и заглянул в башню. Подошел и Серега.

Как описать увиденное, я не знаю... На краю разъявленной, словно колодец в бездну, башни лежал ошметок черепа, именно черепа, а не головы, потому что кожа была

скальпирована, остатки лицевых мышц сорваны и обутлены, мозги куда-то делись, а кровь, почерневшая от жара, копоты и пыли, на кровь уже не походила. И вот посередине этой черно-бордовой обутленной площадки, останки человека в которой мог рассмотреть разве что профессиональный анатом, горел глаз. Непонятно, каким чудом уцелевший, лишенный привычного обрамления и от этого еще более жуткий, устремленный в никуда, зеленовато-серый, подернутый

мутной пеленой мертвый человеческий глаз... правый.

Внутри же танка было во сто крат страшнее...

Но меня от страха не сотрясало, не мутило (это только в бездарном кино случается), я лишь отчетливо в тот момент почувствовал: вот она — смерть! Вот и такой она бывает...

Мы угрюмо закурили, а Серега тут же завелся с лейтенантом, командиром кишимской машины. Начало спора я пропустил. Но потом до моего сознания дошло злобное шипение Сереги:

— Ты, парень, на свою сраку сейчас неприятностей выпросишь! Я — в боевом дозоре, а ты, гуля, в обеспечении. Вот и обещивай! Нет — я выйду на «Мимозу», лично ему сейчас подчиняюсь, и ты тогда ляжешь рядом с этими! Понял?! Делай, что сказали, и быстро! — Серега отошел от побелевшего лейтенантика, в бешенстве швырнул початую сигарету в пыль и сразу же закурил новую.

Мы подошли к нему втроем: сержант Куделя, Валерка Доброхвалов и я. Серега еще не остыл:

— Вот гондон! Не хочет трупы забирать!

Мы выпучили глаза:

— Как это?

— А вот так! Говорит, соберите, сложите у дороги и сообщите по связи — кому надо, подъедут, заберут. Подонок! — Серега длинно и грязно выматерился.

Тут появился Шурик Хрипко, он быстро сообразил, что к чему, и сразу предложил:

— А че мы стоим? Пошли, харю набьем!

Серега взвился пуще прежнего:

— Я тебе сейчас начищу — мама не узнает!

Мы примолкли.

А на машине кишимцев уже началась настоящая битва — решали, кому идти собирать останки танкистов.

Молодой лейтенант, уже хорошо заведенный Серегой, посылал молодого. Остальные солдаты, явно старослужащие, воротили морды в сторону и прятали глаза. Молодой упирался. Тогда осатаневший в конец офицер взревел, выдал серию нечленораздельной похабины

и с нескольких ударов ногами сбил его с брони. Солдатик поднялся с земли. Положил автомат на ребристор и обреченно поплелся к танковой башне. Обошел ее вокруг, примерился, а потом полез внутрь. Мы молчали...

Странно, но я очень хорошо его помню. Маленький, худой, сутуловатый, ноги полусогнуты в коленях — типичная фигурка жалкого чмыря. Лицо узкое, востренькое, посеревшее. Кожа, как плохо промешанное ржаное тесто. Угри... Во всем облике — крик души: «Покою!»

Солдатик копошился внутри несколько минут, потом, выпрямившись, появился над срезом башни и положил нечто на противоположный от обломка черепа край. Вокруг танка стояло человек двадцать, и все почти ошутимо, в голос закричали зубами: «Чмо-о!» А Валера не выдержал и полез вытаскивать из вешмешка свою плащ-палатку. Куделя помялся и нехотя протянул:

— Дед потом шкуру спустит...

Но тут вмешался взводный:

— Ладно, Валерка, давай!

Куделя замолчал, кивнул

Валерке, и тот пошел к башне.

— На! Не мучайся...

Солдатик поднял очумелый взгляд, кое-как принял плащ-палатку и опять скрылся внутри башни.

Минут двадцать мы стояли и смотрели, как он там возится. Никто не порывался ему помочь. Еще через двадцать минут все было закончено. Экипаж из трех человек, находившихся в башне, поместился в одну плащ-палатку, механик-водитель — в другую. Крест-накрест связали концы и закинули узлы на кишимскую БМП. Дальше пока не двигались — ждали комполка.

Солдатик отошел в сторонку. Он напоминал временно ожившего мертвеца. Во всем его виде просматривалась какая-то печать безнадежности. Казалось, он уже не принадлежит этому миру, казалось, что он УЖЕ умер. Все смотрели на него, не отводя глаз. И тут Серега вплотную, почти шепотом, произнес:

— Готов пацан.

Мы повернули головы:

— Что?

— Отбегался, говорю...

Это было настолько созвучно моим мыслям, что я почувствовал, как что-то дернулось и сжалось у меня в груди. Я не удержался и переспросил:

— Как это?

Серега вздохнул и нехотя процедил:

— Покойник он! Увидите...

Мы переглянулись, и, я уверен, еще не один из нас внутренне вздрогнул.

Солдатик тем временем отошел от танка, сел на камень и уставился куда-то за реку.

Шурик немного помялся, а потом направился к нему и, прикурив, ткнул сигарету. Солдатик не увидел ее. Тогда Шурик легонько тронул его за плечо.

Солдатик повернул голову и встал. Несколько мгновений он непонимающе смотрел на незнакомого, вымученно улыбавшегося бойца. Потом все понял и начал вытирать руки. Сначала он провел ими по бедрам, потом, приседая, от ягодиц до самых сапог. Потом пристально посмотрел на руки, вытер их еще раз о бока и лишь после этого аккуратно взял протянутую сигарету и сел на свой камень.

Кто-то с его машины заржал, но тут же, осекшись, заткнулся.

Вскоре примчался Сидоров. Не спускаясь с КШМки, он мастерски выматерил саперов, танкистов, нас, разведчиков, кишимцев, духов и остальную «безмозглую сволочь». Все стремглав кинулись от него в разные стороны.

А через пару часов подразделения пришли на «точку» Кишим.

* * *

Мы, дозорная группа, были освобождены от всех нарядов и тут же завалились спать на первом попавшемся свободном месте. Встали в полдень. Полк принимал колонну, и нас целых двенадцать часов никто не тревожил. Назад колонна должна была ехать, а не идти пешком: боевое охранение до «точки» Третий мост осталось на участке, и дорога назад обещала быть неопасной. По крайней мере, в нашем сопровождении она не нуждалась.

Серега утром смотался в штабную землянку на совещание, а потом куда-то вглубь колонны. Вернулся он через полчаса расхлыстанный, взьерошенный, с бешеными глазами и разбитым кулаком правой руки. Мы подскочили и ринулись к нему, но нас опередил ротный:

— Куда?! Яп-понский бог!..

Ну, если Пухов помянул страну восходящего солнца, то под руку ему лучше не соваться. Через минуту к ним подошел замполит, и они втроем полезли на командирскую сто

сорок первую. Проговорили, наверное, с час. Потом Серега опять куда-то умчался и появился только перед самым отбоем.

Мы несколько раз до этого подходили к Пухову, надеясь узнать, что же там случилось с нашим командиром, но тот в особые разговоры с нами не вступал:

— У него спросите!

Наконец Серега вернулся, подошел к нам и мрачно обвел тяжелым взглядом напряженные наши лица:

— Ночью обстреляли несколько машин охранения...

И после долгой паузы добавил:

— А пацана того, убили...

Никто из нас не спросил, какого. Лишь кто-то хрипло поинтересовался:

— Как?

— Снайпер... Из Баланджери. Снял с идущей машины. Всего один выстрел, в голову... Они даже останавливаться не стали!

Мы только выдохнули, и опять кто-то спросил:

— Как не стали?

— А вот так! С-с-суки зловонные... — Серега яростно выругался. — Ладно, отбой... В четыре выходим. До Третьего на машинах, а потом опять — в том же порядке.

Никто сразу не лег. Мы долго обсуждали новость, гадали и так и эдак, а перед тем как «отбиться», втроем подошли к одинокому Сереге. Залезли на броню, угостились «цивильными»... Несколько минут молчали, не решаясь расспрашивать подробности. Серега начал сам:

— И шанса парню не дала! Хлоп, и приехали...

Тут я не вытерпел и спросил о том, что давно уже вертелось на языке:

— Куда понал?

— Куда?! — Серега резко глянул мне в глаза, потом отвернулся и глухо, как будто говорил лишь самому себе, ответил:

— Вошла в затылок... слева, а вышла у переносицы... Глаз выбила... — после этого снова вспомнил обо мне, смерил меня долгим пронзительным взглядом и медленно закончил:

— В правый... Пойди посмотри — у затыка, где санчасть ихняя...

Мы собрались идти втроем, но Валерка вдруг нарушил затянувшееся наше молчание:

— Был и у него шанс!

От неожиданности мы все, как по команде, сели на места, даже Серега.

— Что ты несешь! Какой шанс?!

— Был шанс, — упрямо повторил Валера. — Один... — И резко, немного неестественным голосом, закончил: — Летеху своего на хер послать!

Афганистан

Владимир Лисовой

Капитан. Участвовал: Афганистан, Чечня

http://artofwar.ru/l/lisowoj_w_i/

Время и пыль

Время

В Афганистане оно воспринимается не так, как на «большой земле». И дело не в том, что каждый, кто сюда приехал, ждет, когда пройдет отведенный ему срок, и он вернется домой к семье, близким, друзьям. Хотя это главенствует, пока находишься там.

Нет, все несколько не так, просто здесь время не банальные, четко отмеренные часы и минуты, в этих краях время ощущаешь физически. Здесь это тягучая, вязкая субстанция, которую не замечаешь в повседневной суете, но стоит остановиться, и оно накатывает на тебя зыбучим песком, засасывает, как болотная трясина, проникает в душу, и от этого твои мысли, желания тоже начинают вязнуть. В такие минуты начинаешь ненавидеть вынужденное безделье, начинаешь искать себе любое занятие, только не останавливаться, только не поз-

А мы? Мы, незаметно для себя пропитались афганским временем, приняли его правила и тоже стали ходить по кругу. Как местный гепатит проникал в кровь, так и оно проникало в наши души.

волить затянуть себя трясине афганского времени. Может, этим и объясняется тот строительный бум, который как лихорадка будоражил военнотружущих. Ведь помимо таких полезных вещей, как бани, была построена целая масса беседок, в которых никто не сидел, таких же курилок, в которых никто не курил, пристроек к модулям, в которых никто не жил, да мало ли еще чего бесполезного. Лишь бы быть занятым, лишь бы что-то делать, не ощущать, как болезненно медленно тянется время.

Бытует мнение, что оно здесь застыло на уровне средневековья, остановилось. Нет, это не так, достаточно взглянуть на часы, там стрелка отсчитывает секунды, движется по кругу, увлекаемая потоком времени, словно колесо мельницы бегущей водой. А значит, время не стоит, оно движется, но куда? Я не раз задумывался об этом. Терялся в догадках, но не хватало какой-то малости, чтобы понять, в чем дело. Поразительно, но именно это кру-

говое движение стрелки, подсказало мне ответ. В детстве мне рассказывал отец про свою службу в армии. Однажды на учениях воинская колонна заблудилась ночью в степи. Поплутав пару часов по проселкам, на главном грузовике заметили впереди красные огоньки. К их радости, это тоже была военная колонна. Это означало конец всем мучениям с ночным ориентированием на местности — надо просто пристроиться в хвост и следовать к месту назначения. Так и сделали. Ехали всю ночь, а когда наступил рассвет, на ведущей машине с ужасом заметили, что впереди них замыкающая машина их же колонны. Они всю ночь нарезали круги, думая, что движутся вперед.

Вот он ответ на мой вопрос — по кругу! Время в Афганистане движется по кругу!

Мне становятся понятными все загадки Афганистана. Как же я раньше не догадался, что причиной всему круговое движение времени. Не надо верить календарям, здесь, в Афганистане, всегда один и тот же год.

Когда-то в средние века, этот год, продвигаясь сквозь лабиринты местных ущелий, заблудился и замкнулся кольцом, как та военная колонна, про которую рассказывал мой отец. И в этом нет никакого противоречия законам физики, как не противоречит движению времени, круговое движение стрелок часов. Неважно, в каком направлении движется время, важна только скорость его движения. Такое вот случайное открытие. По крайней мере, я смог объяснить, пусть даже сам себе, странности Афганистана.

Первое, что удивило меня там — полетные карты, они удивительно совпадали с местностью, до мельчайших подробностей. Каждый дом-мазанка, обозначенный на карте, существовал на земле. А ведь карты сорок второго года издания, и ничего не изменилось. Видел я вблизи эти мазанки: ветхие, утлые строения и сколько лет, а может, и веков стоят. Получается, здесь все от разрушения хранит время.

Рядом с аэродромом есть разрушенная крепость, по жалким остаткам валов уже невозможно определить, кто построил ее — воины Александра Македонского или много позже англичане. Это неважно, не имеет значения. Я сделал любопытный вывод, следствие из своего открытия: афганское время отторгает все чужеродное.

Вот откуда миф о непобедимости афганцев, дело вовсе не в том, что они великие воины, скорее наоборот, просто на их стороне могущественный союзник-хранитель время, это оно изгонит, превратит в тлен все чужеродное.

А мы? Нас тоже?

Я вспомнил свои полеты вдоль дороги на Файзабад. Подбитые танки, машины, все покрыто слоем ржавчины. Потом я с удивлением узнал, что эту технику уничтожили всего год назад, шла операция по доставке груза. Вот так, мощная, тяжелая техника стремительно превращается в труху, а глинобитные дома стоят и все им нипочем.

Но, наверное, самая большая загадка Афганистана — это местные жители. Они живут по своим, только им понятным, законам, обычаям, которые невозможно постичь европейцу. Они улыбаются тебе в лицо, они могут принять тебя в своем доме как дорогого гостя, но при этом они не упустят момента выстрелить тебе в спину. Обычно, это списывают на особое восточное коварство. Так что, афганцы нас ненавидят, а все эти улыбки — игра, маскировка?

Нет, не так, откуда у этих Богом забытых людей актерские навыки? В этом больше преуспели европейцы. А афганцы, они всегда искренни: и когда улыбаются тебе, зазывая посетить свой лавочек, и когда ночью на дороге ставят фугасы. И здесь нет противоречий, просто афганцы — дети своего изуродованного времени. Для афганца главное, чтобы ничего не менялось.

Забавный случай произошел на моих глазах. Офицер убывает домой, заехал на рынок купить необходимый товар. Потерговался с лавочником, сошлись в цене, но когда выяснилось, что офицер хочет у него купить весь имеющийся в наличии товар, не помню точно, по-моему, это были кроссовки, лавочник отказался продавать. Офицер озадачен, все его знание политэкономии опровергает такую постановку вопроса, он пытается выяснить у торговца, чем плохо, если весь товар будет куплен? Ответ лавочника его озадачил еще больше. Тот мотивировал свой отказ тем, что ему нечем будет торговать до прихода следующего каравана. Офицер даже пытается поднять цену, но лавочник неумолим. Ему в первую очередь важна не прибыль, ему важен процесс торговли. Плевать, что никому этот товар, кроме шурави, не нужен, а покупают они на рынке не чаще караванов.

Так и сидят эти дети гор в своих лавочках в ожидании немногочисленных покупателей, пьют чай, ведут неспешные разговоры. О чем беседуют они? Наверное, о том, какие непонятные эти шурави, все торопятся, суетятся. Смешные — за десять минут успевают купить кучу товара. А где наслаждение процессом торговли? Нет, так дела не ведут. Торговля процесс серьезный, ответственный

и спешка здесь ни к чему. Ладно, сами торговаться не любят, а торговцев, почему не уважают? Платят первую названную цену. Даже удовольствия никакого от барышей, торговля, же сродни охоте, где состязаются охотник и дичь. А это, как баранов в загоне резать, мяса много, а удовольствия никакого. И на лицах лавочников появляется улыбка, они смеются над шурави. Но вот, кто-то из них рассказал очередную новость, и теперь торговцы смотрят осуждающе. Наверное, их диалог выглядел примерно так:

— Вчера Максуд пытался рассчитаться со своим кровником.

— Он же беден, у него и винтовки нет.

— А он пришел к шурави на аэродром и сказал, что знает, где банда.

— И что, отомстил?

— Не получилось, шурави ему поверили, посадили на вертолет, а он увидел свой дом и показал на него. Русский летчик решил, что там и прячется банда, открыл огонь. Дом разбило, убило скот, жену.

— Не повезло бедняге...

— Как сказать, когда шурави поняли свою ошибку, они ему за все заплатили.

— Хорошо заплатили?

— Не то слово хорошо, в три раза больше его цены! Теперь у него новый дом, молодая жена и самый богатый лавочек.

— Какие глупые шурави! — вновь смеются торговцы, но на лицах некоторых раздумья. А что, это вариант: жена старая и некрасивая, ишака давно нового покупать надо, этот, гляди, скоро сдохнет. А старших сыновей он к брату на время отправит. Младших? Нет, младших нужно оставить, так он с шурави больше потребует.

А может, они обсуждают, почему шурави так разозлились за подорванный бронетранспортер. Ведь им уже взамен привезли новый, прибыли новые солдаты и офицеры, и все стало, как было. Да и не просто так

бронетранспортер подорвали, нужно было отомстить шурави. Они же перед этим караван уничтожили. Ну и что, что оружие везли, выгодный товар, стоит риска. Брат убитого караванщика лично фугас закапывал — месть дело святое. Но на шурави он больше зла не держит, хоть и жалко брата, но теперь он сам караванщик, уважаемый человек. А убьют и его, на все воля всевышнего, значит, караванщиком будет младший брат.

Вот так, ни больше, ни меньше. Никакого уважения, ни к своей жизни, ни к чужой. Может, потому так распространены здесь пытки, издевательства, что простая смерть никаких эмоций не вызывает. Здесь так живут, так принято.

А мы? Мы, незаметно для себя пропитались афганским временем, приняли его правила и тоже стали ходить по кругу. Как местный гепатит проникал в кровь, так и оно проникало в наши души.

В самом начале моего пребывания на этой земле нашему звену была поставлена боевая задача — подопечный мотострелковый полк выполнял зачистку района. Я с энтузиазмом лейтенанта готовил к полетам

полетную карту, наносил кодировку, расположение войск, цели. Фломастером аккуратно чертил линии, стрелки, все это оттенял карандашами. По окончании работы я стал складывать все лишнее в тумбочку. Там, на нижней полке, стопкой лежали полетные карты моих предшественников. Затертые, пропитанные пылью, я не пользовался ими, клеил свои. А сейчас, сам не знаю почему, я развернул одну из них и попросту обалдел. На карте была точно такая же тактическая обстановка, которую только что рисовал я. Озадаченный, я стал просматривать остальные карты и нашел еще одну такую, более старую. Когда я сказал об этом представителю мотострелков, он ничуть не удивился, плановая операция, каждый год проводится.

Афганистан

Мне такое объяснение показалось вполне логичным. Быстро же меня поставило на место афганское время.

Затем потянулась бесконечная череда похожих друг на друга дней, однотипные полетные задания, привычная декорация горных пейзажей, да что говорить, даже неизменное меню в летной столовой.

Но прошел год, мы завершили свой круг и покидаем Афганистан. Мы уезжаем, но прибыли заменщики, а значит, опять все будет, как было: будут вертолеты летать по проторенным маршрутам, будут плановые операции, а мои затертые карты будут лежать в стопке, и нет сомнений, что тот, кто пришел на смену мне, удивится, развернув их.

А у меня путь домой — ташкентский аэропорт, такси, междугородний автобус и вновь такси. Вот и мой родной дом, полные слез глаза родителей. Отец держится со мной так, будто я старше его. Он показывает мне, что успели сделать за этот год. Немало — посажен новый сад, старенький штакетник уступил место новому забору, к дому пристроена новая веранда, большая, не то, что прежняя, с большой кухней, ванной и прочими удобствами. Такой вот мне сюрприз, почти городскому жителю. Я одобрительно киваю, вслух выражаю восхищение, а самому хочется кричать: «Зачем ты это сделал, отец!» Я желал вернуться в тот же дом, который оставил. Мечтал, как вернусь домой, как поздним вечером поднимусь на плоскую крышу прежней, небольшой, но такой родной веранды, лягу на нагретое за летний день железо кровли и буду смотреть, как в потемневшем небе зажигаются звезды. Искать знакомые созвездия, представлять себе далекие миры, большие и малые планеты. И среди них совсем крошечную, где живет маленький принц,

На другой день, пошарив на чердаке, найду клад — доски, некогда бывшие упаковкой для авиационных ракет. Тут же, в течение дня, я за домом сооружу из них душевую, почти копию той, что была у нас в Афганистане. От досок исходит такой знакомый запах авиационной смазки и пороха, и мне, доселе незнакомому с ностальгией, здесь будет становиться легче. Как будто я снова там, и все по-прежнему. Оказывается, к мирной жизни нужно привыкать постепенно.

Я изо всех сил буду стараться излечиться, отвлечься, стать таким, как прежде. И мне это почти удастся, ведь не одни же родители ждали моего возвращения домой. Но нажитые там привычки будут постоянно проявлять себя. По утрам, проснувшись, я буду искать под подушкой пистолет, неуютно себя ощущать в толпе без автомата, меня охватит ужас,

жизнь принадлежит не только мне. И эскадрилья уйдет за речку без меня, а я уеду служить в прекрасное место в Восточной Европе, но буду завидовать тем, кто в Афганистане, там, где ничего не меняется.

Известие о выводе войск, радостное событие для тысяч матерей, для меня было потерей надежды. Ведь я тешил себя мыслью, что рано или поздно туда вернусь, за той частью своей души, что навсегда завязла там. Но я никому не сказал об этом, тем более близким. Зачем?

У нас, афганцев, теперь есть своя дата, день вывода войск. При всем желании ее нельзя сравнить с Днем Победы. Да и незачем. Это событие мы отмечаем в тесном кругу тех, кто был там, и кто ждал нас оттуда.

А там, за речкой, время продолжает свой бег по кругу. Там ничего не меняется.

Пыль

Пыль, что в ней особого, но каждый, кто прошел Афган, сохранил воспоминания о ней. Собственно, на какую-то частицу мы состоим из этой пыли, сколько ее было проглочено. Здесь, в Афгане, она другая. Неблагодарное дитя войны, афганская пыль. Колеса и гусеницы техники перемалывают в порошок горные породы, порождая ее, а она «благодарит» своих «родителей» тем, что абразивом проникает в смазку их двигателей, забивает фильтры, радиаторы. Она вместе со своей союзницей жарой терзает тех, кто ходит с колоннами или до поры до времени тайком лежит на земле, как в засаде, чтобы наброситься на вертолет, пилот которого неосторожно выберет это место для посадки.

К вертолетам у пыли любовь особая. Не получилось с наскока поймать на посадке, ничего, она свое возьмет измором. Медленно, но настойчиво, как вода камень,

точит она лопатки двигателей, потихоньку ворует мощность. И вот в критическую минуту, когда пилот рванет ручку шага винта, вертолет не отзовется привычным гулом набирающих обороты двигателей. Вместо этого хлопки, словно кашель астматика. Помпаж! Изуродованные пылью лопатки двигателя не в силах загнать воздух в камеру сгорания, и тот с шумом выплевывается обратно. Летчик сбрасывает шаг в надежде, что с меньшей нагрузкой двигатели «успокоятся», так его учили, и так написано в рекомендациях, в общем, правильно. Но на этот раз «болезнь» оказалась слишком запущенной. Хлопки нарастают, и вот с очередной порцией воздуха двигатель «выплевывает» остатки лопаток... Потом смятые от удара двигателя увезут в Союз, где их изучат, напишут рекомендации, а обломки вертолета будут лежать на краю аэродрома. Первое время они будут восприниматься как свидетельство трагедии, но пройдет несколько замен, и это будут просто обломки.

Мы только прибыли в Афганистан, нас везут на стрельбище. Армейский Урал с открытым кузовом, грунтовая дорога. Толстый слой пыли, мелкой, словно пудра, как вода растекается под колесами грузовика. Водитель-солдат старается ехать как можно медленней, по все равно пыль клубится за кузовом, мешает дышать, противно скрипит на зубах, смешивается с потом, воротник нового комбинезона мгновенно чернеет и противно прилипает к шее. На полигон мы приехали уже все серые от пыли.

Утром более сотни вертолетов на аэродроме Кундуз производят газовку двигателей, проверяют исправность систем перед летным днем. Поднятая винтами с грунтовых стоянок пыль несколько часов висит в воздухе. Стало понятно, почему в жилом городке все покрыто белесым налетом.

Пыль, ее можно и не замечать, порой кажется, что ее и нет, но сегодня в первый раз в Афганистане поднимается на потолок вертолета. На четырех тысячах резко обрывается полоса пыльного воздуха, словно выныриваем из воды. Оказывается, над Афганистаном тоже синее небо, а не белесое и выцветшее, как казалось там, внизу. От величественных, заснеженных хребтов Гиндукуша невозможно оторвать взгляд. А там внизу — Афганистан, его почти не видно сквозь толстый слой пыльного воздуха.

Дальний пост охранения, высокогорье. Восьмерка садится на крохотный пятачок. Пыль бубликом крутится вокруг винта. Вертолет почти не видно. Но вот пыль опадает, вертолет спокойно молотит лопастями на малом шаге, суетятся солдаты разгрузочной команды. Доставка груза, обычное дело в этих краях.

Внизу ползет цепочка колонны. Поднятая гусеницами, колесами пыль плотно окутывает колонну. Чистый воздух достается только головной машине. К сожалению, не только воздух... То здесь, то там, на обочинах, под откосом — изувеченные взрывом остатки техники.

При запуске начал помпажировать пусковой двигатель. У него нет защитных устройств, пыль сожрала его. Хорошо вовремя успел выключить, иначе бы сжег вертолет. Делать нечего, иду запускать дежурный борт. Молодцы технари, нашу ласточку починили оперативно.

Я давно оставил попытки вывести пыль из своей кабины. Но вид покрытых «пудрой» пультов продолжает раздражать. Попробовал не закрывать кабину

Время и пыль

что пыль лучше. Хотя грязь, та же пыль только с водой.

Пыль, оказывается, и к ней можно привыкнуть и не замечать. Приехал в отпуск, мать удивляется, что я и мои вещи пропитаны пылью. А я и не замечал. Хотя, одной ночи на пересылке в Хайратоне, было достаточно, чтобы насквозь пропитаться ей.

Возвращаюсь из отпуска. На Ми-восьмом пассажиром лечу из Хайратона в Кундуз, внизу под нами пустыня, царство песка и пыли.

Весна, прекрасное время, грязь уже высохла, а пыли еще нет. Жаль, продлится это недолго. Пройдет месяц, солнце убьет зелень, высушит землю, техника перемелет дороги, все вернется на круги своя.

Занесло пролетом в один из гарнизонов. Да, зря я называл Кундуз царством пыли.

Что может быть хуже пыли? Пепел. Знакомая площадка, садились не раз. Заходим с ходу, и перед самой землей оказываемся как в молоке. На второй круг уходить поздно, плюхаемся вслепую. Повезло, не опрокинулись. Оказывается,

чья-то добрая душа решила сжечь сухой бурьян. А через час мы уже забыли про это.

Странно, снова начала раздражать пыль, чем ближе замена, тем сильнее. Впрочем, начинает раздражать все. Скорей бы отсюда.

Сегодня улетаем в Кундуз. Замена. Два лишних дня проторчали в Файзабаде. Шла пыльная буря. Афганистан и его пыль не хотели отпускать нас.

Через год после Афгана сломался мой фотоаппарат «Зенит». Отнес в мастерскую.

— Им что, в песочнице забавлялись? Ремонт не подлежит! — вынес вердикт мастер.

Хотел последовать его совету. Не получилось. Не смог выбросить верного друга, верой и правдой служившего мне там. У нас одинаковое число вылетов. Лежит в шкафу.

Сегодня, перебирая вещи, нашел свою афганскую панаму. И хотя она стирана-перестирана, она все равно пахнет афганской пылью. Особый этот запах. В курсантскую пору, в заволжских степях, тоже было много пыли. Но та пахла польностью, ковылем, простором. Эта — гарью солырки и керосина, пороха, тротила и, кажется, немного юностью. А может, мне все просто почудилось, и разыгралось воображение. Ведь сколько лет прошло. И все это просто пыль.

пока винт не выйдет на обороты. И точно, поток воздуха вымел старую пыль. И тут же нанес новую.

Разгрузка восьмерки затянулась, у нас топливо на исходе, высота и вес позволяют, решаемся тоже сесть. Находим ровный участок на берегу реки. Заходим, внезапно теряем видимость. Пыль набрасывается на нас как кобра, резко и без предупреждения. Спасибо машине, выручила. Сами виноваты, не подумали, что пыль сюда могла нанести река.

Зимой затянули дожди, пыль превратилась в не менее противную грязь. Налипает на обувь, тянется за ногами в модуль. И только стоит ей высохнуть, снова переходит в привычное состояние. Помесив месяц грязь, начинаешь думать,

Интервью

Лев Горелов

КАК ЭТО БЫЛО

Беседовал Артем Шейнин

С 1975 по конец 1979 года — Главный военный советник Вооруженных сил Афганистана. Награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды. Во время Великой Отечественной войны воевал на 3-м и 2-м Украинских фронтах в должности командира автоматной роты. В 1968 году командовал 7 ВДД в Чехословакии. В октябре 1975 года после беседы с маршалом Куликовым был назначен главным военным советником при президенте в Республику Афганистан.

В этом номере предлагаем вашему вниманию его уникальные воспоминания о том, как и кем принималось решение о вводе войск в Афганистан, о штурме дворца Амина, а также личностные характеристики Дауда, Амина, Бабрака. В следующих номерах читайте рассказ генерала Горелова о событиях Чехословакии.

— Вы были Главным военным советником в Афганистане с 1975 по 1979 год. Как произошло Ваше назначение?

— Для меня назначение стало полной неожиданностью. И в то же время я представлял себе, как сложно будет работать в Афганистане. Я в Великую Отечественную немного в Альпах повоевал и больше опыта войны в горах не имел. А тут сплошь «особенности». Сразу стало понятно — надо и самому приобрести опыт работы в горах, и вести туда офицеров, и уже там, в горах, их готовить. Познакомился с людьми, они приняли меня хорошо. В первую очередь Дауд. На второй день он меня принял, сказал: «Основной противник у нас — Пакистан, которому помогает Америка, поддерживает его во всех антиафганских «начинаниях». Положение усугубляется тем, что в Пакистан ушли те, кто поддерживал Захир-Шаха. На западе, с Ираном, у нас отношения ровнее. Я думаю, что впоследствии они будут нормальными».

— Дауд каким-нибудь образом обозначил, какая угроза для Афганистана исходит от Пакистана?

— Захват территории, захват природных ресурсов. Они думали, что Пакистан может напасть. Но и сами подумывали о том, как напасть на Пакистан с определенной целью (улыбается)... Но, этого впрямую он мне не говорил, конечно.

— Вы часто встречались с Даудом. Как он относился к западным странам, Европе,

США? Насколько был верным союзником СССР?

— Во всех наших разговорах он очень тепло и дружески отзывался об СССР.

В Афганистане все, от гвоздя до самолета, из СССР. Танкисты, вертолетчики тоже учились у нас. Летчики учились все поголовно. И Дауд, искренне-неискренне, но завязан был на тесном сотрудничестве с нами. Что у него в сердце было, трудно сказать. Но отношение к нам, военным советникам, к Советскому Союзу было самое хорошее. Потом, позже, мы узнали (по данным разведки), что он входил в контакт с американцами. Один раз принял посла США, второй раз принял... Может быть, это и была дипломатия, но пошли данные, что он идет на контакт с американцами. Но на разрыв с Советским Союзом и вообще на ухудшение отношений намеков не было.

— Как революция отразилась на армии, на Вашей работе, как это вообще случилось?

— Сама революция началась... переворот, не революция... Посол поехал на аэродром, кого-то встречал, я был в посольстве. И вдруг, говорят, танки вошли в Кабул и сделали несколько выстрелов по министерству обороны и дворцу. Мы в недоумении. Я выхожу на связь с советниками. Они говорят — да, получили приказ. Одна бригада в готовности выйти в Кабул. Другая уже вышла. Приезжает посол: «Везде стрельба». Ни он не знал об этом, ни наши органы не знали. Потом приезжает представитель Тараки: «Атаковали дворец, успеха не имеем, что делать?» Ну, что делать? Посол даёт мне право говорить с Кадыром. Представителем Тараки был именно Кадыр. Он возглавлял военную операцию. Я им говорю: «Отводите войска

Организовал и провел ряд военных операций по освобождению городов Файзабад, Асадабад, Барикот, Хост, Ургун. В январе 1980 года Л.Н. Горелов назначен заместителем командующего войсками Одесского военного округа по вузам и вневойсковой подготовке. С 1984 года в запасе. До настоящего времени ведет большую общественную работу. С 1992 года является заместителем председателя комитета Одесского областного Совета ветеранов. Оказывает посильную помощь ветеранам войны в Афганистане. Проживает в Одессе.

от дворца и наносите авиационные удары». Они нанесли удар звеном. После этого группа офицеров ворвалась во дворец. Дауд выстроил семью и своих приближенных во дворце. Когда офицер афганской армии сказал: «сдавайтесь», двоюродный брат Дауда выстрелил в этого офицера. Тогда те, кто пришли, группа из 5-6 человек, всех перебили: Дауда убили и всю семью, и всех остальных. Вот так убрали Дауда.

После этого был арестован командир Кандагарского корпуса, командиры дивизий. Армия обезглавлена. Нет руководства. Ставят на корпус командира роты. На второй корпус — командира батальона. А в каждом корпусе три дивизии. Что делать? Я докладываю в Москву. Мне отдают команду — внимательно присматривайтесь, кто — «Парчам» или «Хальк» — приходит к руководству в армии. Не вмешивайтесь, но советуйте. Принимайте посильное участие в назначении кадров на руководство армией.

Это был тяжелый момент, очень тяжелый. Тараки провел ряд совещаний с высшим офицерским составом. Кадыра отстранил, армию стал курировать Амин, а министром обороны назначил Ватанджара. Словом, все новые пришли. Вот в такой обстановке мы начали работать, очень было тяжело.

— Вы пытались каким-то образом противостоять репрессиям против руководства армией, что-то от вас зависело?

— Да. Когда сняли командира Гардезского корпуса, я пришел к Тараки, мол, так и так, надо командира корпуса восстановить в должности. Но Тараки был против, предложил назначить на эту должность кого-нибудь другого: «Кого Вы рекомендуете?» — «Я рекомендовать не

имею права. Но, если хотите знать мое мнение, по деловым качествам подходит командир 12-й дивизии. Он может пойти на корпус».

То же с Кандагарским корпусом. Там хороший был командир корпуса. Мы тоже пытались его оставить. Нет, убрали.

Мы влияли, но влиять было тяжело. Деловые качества человека мы ещё знали, а вот какое у него настроение, какое его отношение к нам, знал, наверное, только черт. По министру обороны я сам выходил на Тараки, просил оставить Кадыра. Это истинный друг Советского Союза, хороший летчик. И он руководил этим мятежом, переворотом. Его оставили, но через несколько месяцев все равно убрали. Они с Амином не нашли общего языка. Потому что прежние командиры были при Дауде, если можно так выразиться — при буржуазном строе, а пришел новый строй, коммунисты. Поэтому и снимали.

— Что стало происходить в стране? Спротивление какое-то началось?

— Внутри сопротивления не было. Но началось активное вторжение извне. Со стороны Пакистана. Усилилось его влияние на бандформирования. Началась активная агитация против Тараки и Амина. Засылались банды, стали организовываться акции протеста, имели место и нападения на Вооруженные силы. Конечно, было много недовольных политикой Тараки. Но, в основном, вся подрывная работа против него, против коммунистического режима, как они его называли, организовывалась из Пакистана.

— Как Вы познакомились с Тараки, с Амином?

— Пятого мая я был приглашен на обед к послу. Неожиданно появляется Тараки с Амином. Посол меня представил. Тараки поинтересовался, откуда я, коммунист или нет, про семью спрашивал, как мы здесь устроились, как работаем, какие взаимоотношения с офицерами, каково количество советников. Мы сели отдельно в сторонку, стали говорить... Он пригласил Амина, сел и Амин рядом. В последующем я с ним много раз встречался, мы проводили операции — Ургунскую, к примеру, когда туда пакистанцы вторглись. Я Тараки про каждую операцию отдельно докладывал. Как я потом понял, к этим моим докладам очень ревниво относился Амин. Потом он как-то сказал мне: «В последующем докладывайте мне, не обязательно докладывать Тараки». Было дело...

На меня Тараки произвел очень хорошее впечатление: добродушный человек. Добрая о нем осталась память. Амин — работоспособный, мог работать по 18 часов в сутки. Имел большое влияние в армии, авторитет. Он и раньше, когда еще в подполье был, курировал армию. От халькистов. Тараки ему доверял, звал

Как это было

Рота почетного караула президентской гвардии, 1976 г.

своим сыном, а тот звал его своим отцом. Амин — грамотный мужик.

Когда вопрос стоял о штурме дворца, о вводе наших войск... Если бы мне приказали убрать Амина, и если бы вопрос о вводе войск стоял только из-за Амина, я бы мог отравить его в любую минуту. Выполнить это решение у меня возможность была. Мы с Павловским частенько сидели вместе с Амином — готовили ургунскую, барикотскую операции. В общем, дружбу с Амином можно было бы и закончить, если, повторю, вопрос о вводе войск в Афганистан упирался бы только в него.

Амин был сложный человек.

— Было много предположений по поводу того, являлся ли Амин американским агентом или нет...

— По этому вопросу я переговорил с десятками офицеров афганской армии. Из этих разговоров вынес для себя, что никаких официальных данных, что он был завербован разведкой США, нет. Но он там учился. В связи с этим и появились разного рода домыслы, что, якобы, он работает на США. Но я так не думаю. Его надо было придержать, назначить ему хорошего политического советника, удержать на какое-то время. Потом, может быть, и снять, но на время становления режима надо было его удерживать.

— Вы так говорите, как будто главным был Амин, а не Тараки.

— Основное влияние в стране имел Амин. И главное — это влияние в армии. У Тараки возраст уже был преклонный, а этот — энергичный, работоспособный. Тараки — это символ. Когда он пришел к власти, в саду на каждом шагу поставил телевизор, везде развесили его портреты, начали увековечивать его имя. В общем, культ личности: Тараки, Тараки,

Тараки... Это тоже повлияло на отношения с Амином, хотя Тараки всё время звал его своим сыном.

— Когда вводили наши войска, ссылались на договор 1978-го года о Дружбе и сотрудничестве. Из того, что вы рассказываете, получается, что угроза со стороны Пакистана действительно была. У афганцев был повод просить о вводе войск?

— Я информировал Брежнева о том, что возможно вторжение подразделений, сформированных при помощи пакистанской армии и оснащенных американским оружием. Из числа тех полтора миллионов человек, которые ушли за границу после свержения Дауда и Захир-Шаха. Но прямого вторжения пакистанской армии на тот период не было. Афганская армия могла прикрыть свою границу и не допустить его. Дополнительно формировались и пограничные войска.

— Вы доводили до Амина и Тараки свою точку зрения о том, что афганская армия в состоянии сама отразить вторжение?

— Да, я им говорил об этом. Понимаете, все-таки они колебались. Не были уверены в том, что смогут отразить вторжение. Хотя мы им и доказывали. Ну, и, конечно, закулисная игра присутствовала. Мол, если придут советские войска — пусть они дерутся в первом эшелоне, а мы, по возможности, поддержим их во втором. Такой был замысел. И он осуществился, как ни верти! Мы дрались в первом эшелоне, а афганская армия — во втором. Дралась так себе. Я говорил об этом Леониду Ильичу. И еще я говорил Брежневу, что вводить армию в Афганистан нельзя, потому что она не готова драться в горах. Информировал его и о возможных последствиях: как только мы войдем, американцы немедленно начнут формировать боевые подразделения

Интервью

из числа афганских беженцев, и тогда уже вторжения точно не избежать. Ввод войск послужит отличным поводом. И мне все это время шла лишь одна директива — указания Николая Васильевича Агаркова: “Ввод советских войск невозможен! Внушите им, что надо готовить свою армию, отстаивать рубежи, границы. Нашу армию не вводить!” И так все время. И Епишев приезжал ко мне. То же самое говорил — надо афганцам свою армию готовить, у нее есть все основания для успешного ведения боевых действий. И Громыко говорил то же самое: войска не вводить!

— **Вот интересно: июнь — нет, июль — нет, август, сентябрь — нет. И вдруг начали думать о том, чтоб вводить войска. Что это было — какое-то событие или развитие ситуации в целом?**

— Хорошо сработала дезинформация США. Они создали впечатление, что придут и займут нишу в Афганистане. И это сработало. Наши клюнули и пошли сами. Ввели войска.

— **Вы с этой дезинформацией как-то сталкивались? Что это была за информация?**

— От нас эта «деза» не шла. Мы не думали, что американцы там высадятся. Мы думали, что они вполне знают опыт англичан, которые там когда-то высаживались и все это уже прошли.

— **Говорили, что если бы не мы, то были бы они, что их самолеты чуть ли не кружились над Кабулом и так далее....**

— Нет. Я думаю, это чьи-то выдумки.

— **Очень важным моментом был мятеж в Герате в сентябре 1979 года. Что Вы об этом знаете?**

— Две трети дивизии выступили против правительства, одна треть — за. Танковый батальон оставался нейтральным. Но экипажи танков ушли, хотя и были на стороне правительства. Я переговорил с советником, он мне доложил обстановку: дивизия вышла из-под контроля, командование отстранено, надо спасать положение. Выступление было продаудовское, направлено против Тараки. Но ведь и самого Дауда уже в живых нет. Что делать? Встречаемся с начальником Генштаба: «Сколько у вас есть преданных водителей танков?» Никто ничего точно не знает, сказать не может. Мы уже думаем над тем, как собрать группу и вылететь с десантом в район мятежа, как захватить танки и с помощью этого танкового батальона разоружить восставшие подразделения. Собрали с двух бригад: с 4-й и 15-й, которые дислоцировались в Кабуле, 30 водителей. К ним командиров подобрали таких, чтобы они могли одновременно быть и заряжающими, и наводчиками, чтобы могли стрелять. Больше людей не собрали. Переправили их самолетом

в Герат. Они танки захватили и этим танковым батальоном восстановили порядок в мятежной дивизии. Все стало на свои места. Восстание было подавлено, правда, погибли два наших советника.

— **Вот Вы — Главный военный советник. Главный советник Политического управления. Командующий сухопутных войск. Начальник Генерального штаба. Военный с такими погонями, с такими звездами, с боевым опытом. Вы все понимали: что нельзя, что неправильно, что будет хуже — вы об этом докладывали. Как же тогда и кем «продавилось» решение о вводе войск?**

— Я все-таки уверен, что основную ответственность за это должно нести ведомство Андропова, то есть КГБ. Это они сумели убедить в необходимости ввода войск Устинова и Громыко. Потом эта тройка — Андропов, Громыко, Устинов — сумели убедить Брежнева.

— **КГБ все-таки ошибался, или у них были свои планы, интересы?**

— Я не знаю, какие у них были интересы. Может быть, поднять свой престиж. В их беспомощности я убедился, когда брали дворец Амина, когда Амина били. Руководили же они, организовывали штурм они. И это при живом военном советнике, генерал-полковнике, заместителе командующего округом Магомедове. Ему не доверяли, все руководство взяли на себя. И дорукеровались. Стали атаковать дворец-форт. А там же наш батальон — при мне ещё был введен, охранял резиденцию Амина. Они все ходили в афганской форме. Во дворце и афганцы были — внутренняя охрана Амина. Их всех стали атаковать. Наши думают, что их атакуют какие-то мятежники. Атакующие думают, что атакуют афганцев. Все позалегли, не успев ничего понять. Тогда вводят в бой уже десантный батальон. Десант стал бить и тех, и других. Сколько людей погибло! Это ж они руководили той операцией. Они армейцам не доверяли.

— **Когда Тараки сняли, как на это реагировала армия?**

— Ну, халькисты ясно как отреагировали. А парчамисты, конечно, были против. Они все время думали, что придет Бабрак. Все время думали только о нем, они его боготворили, Богу молились за него.

— **Вы с Бабраком встречались?**

— А как же. Он был человеком грамотным, но пьяницей. Руководить страной в силу этого не мог. КГБ на него делал ставку. Он руководил так: спал в одной комнате, а рядом, в соседней, спал наш человек, помещенный туда лишь для того, чтобы не давать ему пить водку.

— **У Бабрака был какой-то авторитет в Афганистане?**

— Был, конечно. Среди своих сторонников. Богатых-то много. «Парчам»

— это богатая прослойка. «Хальк» — это мы с вами.

— **Важный момент, в результате которого Амин решил устранить Тараки: когда, якобы, один покушался на другого, а тот в свою очередь на него. Насколько я знаю, Вы были непосредственным участником этих событий.**

— Тараки улетел к Фиделю на Кубу. На обратном пути остановился где-то в Москве. В это время здесь Гулябзой (министр связи), Ватаджар (министр обороны) и Наджиб доложили, что располагают информацией, что против него готовится заговор. Они его и встречали по прилету. Привезли во дворец. Амин стал Тараки докладывать, что за время его отсутствия «пятерка» министров — я только троих назвал — готовила против него, Амина, заговор, хотела его снять. Потребовал от Тараки, чтобы тот убрал этих министров. Создалась такая обстановка, что всю вышеназванную «троицу» отстранили от руководства и работы. Те приехали к нам в посольство просить защиты. На следующий день, 14 сентября, я, посол и Тараки едем вместе в машине к Тараки. Пытаемся убедить его: «Послушайте, в стране такая обстановка..., надо руководить страной, восстанавливать хозяйство, восстанавливать армию, а у вас опять между собой драка». Он говорит: «Какая драка?» Мы отвечаем: «Смотрите, Амин отстранил этих пятерых, требует их ему выдать». Он говорит: «Да не может такого быть. Амин — это мой сын. Давайте позволим его и обо всем расспросим». Организовали встречу.

Когда Амин шел на эту встречу, в него стали стрелять. В него ли самого, или в его порученца, сейчас уж не упомню. Помню только, Амин к нам врывается и кричит: «На меня покушение!»

— **Вы видели, слышали, как стреляли?**

— Всё слышали. Потом он выскочил, мы смотрим в окно — он бежит, у него кровь с руки капает, и он бежит к машине. Тараки в недоумении — как так, что произошло? Опять повторяет: это мой сын, мой сын! На следующий день Амин собирает Пленум Центрального комитета НДПА, проводит заседание правительства и принимает решение: снять Тараки. Увозит Тараки там же, во дворце. Как Амин мне сказал на следующий день, Тараки умер от сердечного приступа. На самом деле, и это подтверждено, его задушили.

— **Как Вы объяснили Амину, почему поставки вооружений почти прекратились?**

— Сам Амин этот вопрос не поднимал. Правда, настойчиво просил вертолеты, средства связи. И я все время настаивал, чтоб в Афганистан поставили в достаточном количестве средства связи, так как их действительно не хватало. Я вам говорю, он нас поддерживал. Я убежден, что Хафизулла Амин хотел укрепить дружбу с Советским

Союзом. Это мое твердое убеждение. И я уверен, что американцы в Афганистан влезать не хотели. Но поставки тогда при тормозили. Как было потом, после моего отъезда, я не знаю точно. Я вернулся в Союз 4-го декабря. Разместился в гостинице, доложил начальнику Генерального штаба, начальнику 10-го управления ГШ, что прибыл. Начальник ГШ спросил: «Ну, как дела в Афганистане?» Я доложил: «Внешне все спокойно. Но все-таки прослеживаются различные каверзные ходы «парчамистов». Обстановка в общем нормальная. Новый Главный советник принял должность».

Десятого декабря было принято решение. Для меня это стало неожиданностью.

Министр обороны ДРА 1978 год, в окружении военного атташе и гл. военного советника

Я не был информирован об этом. Наши уставы войну в горах не предусматривали. Времени на обучение армии в этих условиях было мало. Сейчас формируются погранвойска. Укрепим ими армию, сделаем ее более многочисленной. Нам нужны средства связи и вертолеты на случай развертывания боевых действия, вторжения банд.

Он на меня посмотрел и говорит: «Так войска надо вводить или нет?»

Я говорю: «Леонид Ильич, моё, и не только мое, мнение таково: вводить войска не нужно! Не нужно, Леонид Ильич!» — «Но почему?» — «Армия способна контролировать границу. Это первое. Второе — если мы, Леонид Ильич, введем туда войска, американцы предпримут все, чтобы сформировать вооруженные отряды. Придет время, когда они вторгнутся в Афганистан. И третье — наша армия не готова драться в горах».

Устинов тут встрял, прервав меня: «Вы не расписывайтесь за армию!» Я говорю: «Дмитрий Фёдорович, у меня есть основания так говорить. Ко мне же в группу приезжают офицеры-совет-

ваться. Садись», — говорит Брежнев. Сел. «Вызвали Вас, чтобы Вы доложили обстановку в Афганистане», — говорит Леонид Ильич. Я отвечаю: «Леонид Ильич, политическую обстановку в стране, я уверен, Вы знаете, потому, что посол недавно у Вас был. Я лишь задержу Ваше время. Я доложу Вам обстановку с чисто военной точки зрения».

Ну, и рассказал ему, что афганская армия находится в стадии формирования. В наличии 10 дивизий, 300 самолетов, из них МИГов — 21 штука. Шестьсот танков, из них современных Т-62 — 92 штуки. 1500 стволов артиллерии. Армия обучается. Трудность состоит в большой протяжен-

ности с наших внутренних округов. Вы их собираетесь ввести в Афганистан? Они понятия не имеют, что такое горы! Я пробыл в Одесском округе столько лет, но ни одного учения в горах не провел. Такое положение дел во всех внутренних округах. Они не готовы! Ну, и четвертое — ввод войск потребует колоссальных материальных затрат. Кроме того, будут людские потери. И еще одно — хоть и говорят, что войска наши собираются расставить по гарнизонам, могу сказать, что так вряд ли получится. Придется воевать первым эшелонам, а афганцам — вторым».

Он говорит: «Спасибо, товарищ генерал. Идите, чайку попейте в соседнюю комнату. Если хотите что-то посушественней — выбирайте, пожалуйста, по здоровью». Я пошел в другую комнату, а Иванов стал докладывать после меня. Что он говорил, не знаю, но когда мы сели потом с Агарковым в машину, Николай Васильевич мне и говорит: «Лев (он меня только так звал), мы проиграли». Я понял, что Политбюро приняло сторону Иванова.

— **Как Вы узнали, что Вас снимают с должности Главного военного советника?**

— Я отслужил в Афганистане с 1975 по 1979 год. Посылали меня на три года, а меня все время то Дауд не отпускал, писал телеграммы — оставьте военным советником Горелова — то Амин. Я уже хотел заместиться. Но Тараки тоже стал писать — оставьте нам этого Главного военного советника. Я и Агаркову сказал: «Целесообразно меня заменить». Он говорит: «Лев, понимаете, такая обстановка, побудьте ещё, мы Вас заменим». Возможно, это мои домыслы, но все же, как мне кажется, убрали меня из Афганистана именно из-за моей позиции по вопросу ввода войск. Убрали сразу по прилету в Афганистан после моей московской поездки, после Политбюро. В Москве меня начальник ГШ принял. У министра не был — не пригласили даже. Вот и весь сказ.

— **Когда ввели войска, к Вам потом за помощью не обращались?**

— Как-то в конце 80-го года позвонил начальник Генерального штаба: «Как Вы смотрите на то, чтобы вернуться в Афганистан?» Я как был у телефонной трубки, так и встал по стойке «смирно». Отвечаю: «Категорически против! Категорически! Как я туда вернусь?! Все, с кем я работал, расстреляны. Начальник Генерального штаба расстрелян, а это был мой лучший друг. Он же был полностью просоветский человек! И других постреляли. Семьи всех расстрелянных живут в Микрорайоне, они никуда не делись. Как я буду смотреть им в глаза? Они подумают, что войска ввели с моей подачи. Я туда не поеду!» Отказался, и все.

Чечня

Виталий Носков

Участствовал: Дагестан, Чечня
http://artofwar.ru/n/noskow_w_n/

СНЕГ НА БРОНЕ

Виталий Носков родился в Кургане в 1950 году. Закончил Литинститут им. Горького, отделение прозы (семинар М.П. Лобанова). В качестве обозревателя газеты МВД РФ «Щит и меч» находился в длительных командировках в Чечне и Дагестане. Участвовал в спецоперациях в составе СОБР (Кизляр-Первомайское, мартовские бои в Грозном 96-го года, операции по освобождению военнопленных). Автор книг «Дорога домой», «Теплое крыльцо», «Любите нас, пока мы

живы», «Книга Памяти о собровцах, погибших при исполнении служебного долга», «Рассказы о чеченской войне», «Спецназ: Любите нас, пока мы живы». Соавтор документального фильма «Миротворцы», консультант документального фильма «Живи и веруй». Лауреат всероссийской литературной премии «Сталинград», дважды лауреат премии МВД России в области литературы. Секретарь правления Союза писателей России.

В рассказе моего друга, офицера-десантника, прошедшего через ад новогоднего, с 1994 на 1995 год, штурма Грозного, нет воспоминаний о падающем снеге, декабрьском и январском холоде. «Почему?» — думал я. Зима в Чечне — испытание снегом, дождем, каленым ветром. И понял, что для офицера-разведчика, интеллектуала, самым мучительным истязанием в те дни была не зима, а то, о чем он поведает сам...

I.

«Мы служили. Служили как могли: честно, с десантным фанатизмом, преданностью голубому берегу и Родине. С начала девяностых годов участвовали практически во всех разгоревшихся в России международных конфликтах (Приднестровье, Северная и Южная Осетия, Ингушетия). Получали орден и медали, внеочередные звания, росли по служебной лестнице. Костями ложились, если кого-то не брали на очередное боевое задание. Потеря практически не было.

Мы не знали, что нас ждет Чечня. Хотя в душе у меня росло беспокойство... В конце 1992 года, участвуя в Осетино-Ингушском конфликте, после «триумфального» наступления на территорию Чечено-Ингушетии, я стоял на аэродроме: то ли в Моздоке, то ли в Беслане — и рассматривал подбитую БМД-2 десантного батальона (наших соседей), точнее, что от нее осталось: груды железа, пропитанную кровью и раздробленными костями двух членов экипажа. Я начинал понимать, что все еще впереди...

В 1993 году один из офицеров спросил меня: «Почему у тебя личный состав на занятиях выполняет упражнения по перебежкам, переползанию и изготовке к бою на асфальте? Это же ужасно больно! Солдаты тебя возненавидят». Я ничего не ответил. Я предчувствовал Чечню...

О штурме Грозного в новогоднюю ночь с 1994 на 1995 год написано много. Но недавно в одной книге о той бойне я прочитал: «Восточная группировка, не выполнившая поставленную задачу, была выведена из Грозного». Стало обидно и горько за погибших в те дни.

«Как поступить?» — размышлял я. Да, правда часто испепеляет, может унижить, лишить иллюзий. Но она, правда, единственное, что осталось в моей памяти о днях и ночах Восточной войсковой группировки, обогнанной в книге, название которой — и это справедливо — не сохранилось в сознании.

Наше десантное подразделение прилетело в Моздок в начале декабря 1994 года. Расквартировались на аэродроме — в отдаленной его части и, обеспечив охрану территории, стали готовиться к выполнению специальных задач. Проводились плановые занятия, шла подготовка к ведению боевых действий.

Первую свою задачу мы получили в 20-х числах декабря. Нас разбили на так называемые сводные группы, вошедшие в состав войсковых группировок, идущих на Грозный. В нашей сводной группе, нацеленной на восточное направление, было 25 разведчиков: офицеров и солдат. Я командовал группой солдат.

У групп, подобной нашей, задачи на бумаге были разведывательные, диверсионные. На самом деле нам «нарезали» прикрытие особых участков, обеспечение безопасности командования и выполнение специальных задач.

25 декабря 1994 года мы в составе колонны начали выдвижение по маршруту Моздок — Толстой Юрт — Аргун. Заночевали в Толстом Юрте. Здесь стояло порядка 20 «Градов» и «Ураганов». Я до сих пор помню глаза одного из моих солдат, который радовался залпу мощных реактивных установок: «Командир! Вот это салют!»

— «Это не салют, Андрей, — сказал я. — А первая в твоей жизни война. Настоящая». Я тогда не знал, что для Андрея эта война будет и последней в его жизни, которая оборвалась через несколько дней на мятежной чеченско-российской земле.

Получив задачу, мы 26 декабря вышли в район сосредоточения Восточной группировки под Аргун. Эта огромная машина из людей и техники представляла из себя неорганизованную, голодную массу. Новые бэтэры, артиллерийские орудия соседствовали с покоренной и разорванной техникой. Солдаты, замученные, изможденные, хаотично передвигались по «чистому» полю среди сборища ратной техники, ошетилившейся стволами в разные стороны. Это был рой людей, измазанных в грязи. Они давно здесь стояли: немывые и не евшие помногу суток. Периодически сюда прилетали вертолеты: забирали убитых и раненых. И улетали. Самое страшное наступало ночью. Ни у одного из подразделений не было места, где бы личный состав отдыхал: никаких укреплений, блиндажей и землянок. Только окопы, свежевырытые ямы и воронки от разорвавшихся чеченских мин и снарядов. Солдат не был защищен и прятался либо в боевой машине, либо сидел в окопе, а война — не только стрельба из автоматического оружия. Поэтому я заставил свою группу зарыться в землю. Весь день и вечер мои солдаты сооружали блиндаж на случай минометных обстрелов. Люди устали, чертыхались, плевались, проклинали меня, но истово копали землю. Сделали перекрытие, достали печку-буржуйку... К ночи блиндаж и окопы были готовы.

Самое страшное наступало ночью. Ни у одного из подразделений не было места, где бы личный состав отдыхал: никаких укреплений, блиндажей и землянок.

За весь день — редкие выстрелы. Дарев техники. Ночью все преобразилось. От начавшейся канонады и автоматнопуметных очередей стало светло, как днем. Вся группировка стреляла... Куда? Неизвестно.

Моя группа, заняв позиции, включилась в общий механизм «пальбы». К полуночи, израсходовав немало боеприпасов, стало ясно, что огонь по нашей группировке чеченцы ведут со всех сторон, и не только из стрелкового оружия. По нам работала чеченская артиллерия, а с востока от Аргуна — сначала было удивительно, странно — даже «Град».

Про взаимодействие, какое-либо руководство нашей Восточной группировкой лучше не вспоминать... Его не было вообще.

Я дал команду своей группе из двенадцати солдат прекратить беспорядочный огонь и работать по обнаружению огневых

точек противника — благо приборы ночного видения у нас имелись.

К утру все стихло. Прилетели вертолеты. Группировка снова грузила раненых и убитых. Артиллеристы за ночь расходовали немислимое количество боеприпасов. Стреляли и стреляли в места вероятного нахождения противника, а снарядные ящики у них забирали пехота, потом и мы, чтобы согреться у замаскированных костерков.

Вечером 27 декабря моей группе была поставлена задача выдвинуться на окраины Аргуна, чтобы выявить огневые точки и реальные силы противника. Уяснив задачу, боевые

стреляем», — отвечает. Я прошу: «Дальше как пройти? Как мне выйти к Аргуну?» — «Никак, — говорит. — Мы мины вокруг себя разбросали». Спрашиваю: «А схемы минных полей есть?» — и понял, что спросил зря. Не было их. Из рассказа лейтенанта следовало, что в первый же день они расставили все мины и растяжки, какие имелись, между своими позициями и Аргуном. «А у духов есть мины?» — «Есть. Они тоже набросали».

Территория между нашей Восточной группировкой и занятым боевиками Аргуном была непроходима ни в коем случае. В ее пределах невозможно было вести разведку, делать засады. Люди просто отвечали на огонь, сами наносили огневое поражение.

Возвратиться моей группе назад — означало невыполнение задачи. И я отдал приказ на обстрел указанных лейтенантом вероятных позиций чеченцев. Через пару минут Аргун, как дракон, выдохнул в нас залпами из чеченских артиллерийских орудий, танков и стрелкового оружия. Сидя в окопе, нам было жутковато от количества разрывов, фонтанчиков от пуль противника.

Три моих наблюдателя, заранее заняв позиции левее от нас, вычислили несколько огневых точек боевиков...

Мы вернулись утром, оставив в окопах парашютно-десантной роты все, что было с собой из еды. Солдат с солдатом всегда поделится, а на войне и подавно. Группировка снова собирала убитых, раненых, разбитые машины. Прилетели тяжелые вертолеты, нанесли огневое поражение. Непонятно куда.

Днем группировка начала выдвигаться в район Ханкалы. Предстояла битва за этот важный для штурма Грозного плацдарм. А в тылу оставался Аргун с вооруженной, около 600 боевиков, бандой с танками и артиллерией. Аргун брать почему-то не стали. Наверху

Чечня

было виднее. А именно аргунские боевики потом, первого января 1995 года, расстреляют первую колонну раненых нашей группировки, выходящей из Грозного. Вся колонна погибнет. Но это будет потом.

А тогда, 28 декабря 1994 года, «марш» на Грозный продолжался, ведомый «великими» военачальниками конца 20 века. Военачальниками когда-то могучей страны, победившей во многих войнах с внешними врагами, но почему-то напрочь забывших командный опыт последнего столетия, напитанный кровью наших отцов и дедов. Все, в чем мы на рубеже 1994-1995 годов участвовали, было похоже на плановый, учебный марш с боевой стрельбой. История должна была наказать нас, и она это сделала.

Оставив Аргун в тылу, мы ушли к Ханкале. Подтянулась остальная часть группировки. Заняли позиции. Была организована круговая оборона. Все шло к постепенному овладению Грозным.

Двадцать девятого декабря 1994 года Восточная группировка представляла из себя два кольца обороны и в центре штаб. Подошли танки, другая тяжелая техника, артиллерия. И тут моей группе ставится несвойственная нашему подразделению задача — обозначить ложный, якобы основной удар Восточной группировки на населенный пункт в километрах пятнадцати от Ханкалы — к югу. Приказали получить на группу имеющееся носимое тяжелое вооружение: гранатометы, огнеметы, крупнокалиберные пулеметы, гранаты. Данной группой нанести удар по населенному пункту и держаться сколько сможем. Никаких разведсведений, что там находится, не было. Ставилась одна задача: наносим удар, а когда поймем, что держаться больше возможности нет, израсходовав боезапас, мы должны были уйти на два километра к юго-востоку, где в определенной точке нас должна была забрать разведрота десантников.

Мы прекрасно понимали, что нас ждет. Мне все-таки удалось получить кое-какие данные по этому чеченскому населенному пункту. Там находилось до восьми единиц артиллерии, около четырех танков, неплохая группировка, и я представлял, что бы было. По каким-то чрезвычайным обстоятельствам разведроту десантников перекинули на другое направление. Поэтому приказ отменили. Нас спасло чудо.

В ночь на 30 декабря нам снова поставили несвойственную задачу — на удержание правого фланга. Моей группе на одном бэтээре придали самоходную зенитную

установку и БМД-2 из десантного батальона. Когда руководство ставит задачу, не принято переспрашивать. Получи задачу, а как решить — проблемы твои. Перед штурмом Ханкалы с тремя единицами техники и личным составом я выдвинулся на правый фланг и, как картежник, рокируя зенитную установку, БМД-2 и мой бэтээр, все-таки кое-как выставил их. Еще на ходу я уяснил, что из себя представляет зенитная установка: как она стреляет, каков ее радиус. Выбрал ей место. Закопали БМД-2, поставили бэтээр. Правый фланг, как нам с моим заместителем думалось, мы закрыли, обеспечив охраной возможные опасные направления.

Когда мы выставлялись, мимо нас постоянно, как муравьи, ходили солдаты, нося на себе ящики с патронами 5,45 мм. Это было, как потом выяснилось, отделение пехотных связистов. Они заняли позицию в ложбинке где-то в 30 метрах северо-восточнее от нас. Их позиция представляла из себя глубокую яму, куда они натащили ящики с патронами.

Окопаться мы, разведчики-десантники, не успели, а лишь перекрыли вероятные подходы противника. Вся местность в этом районе была изрыта арыками, по которым духи подходили к нашим позициям, обстреливали их и беспрепятственно уходили. Достать их было невозможно: у нас ни минометов, ничего в таких случаях результативного... Практически нельзя было сделать засады: ходить по арыкам мы считали смертоубийством. Мы не спали третьи сутки. Употребляли таблетки от сна: такие скорее всего были только у нас.

Ближе к полуночи произошло то, о чем мы даже не смели подумать. Те солдаты-связисты, которые на наших глазах перебрались в ложбину, устроили там круговую оборону, позаряжали все боеприпасы и стали вести беспорядочную стрельбу по кругу — во всех направлениях, в том числе и по нам. Велся плотный огонь. Пришлось около часа лежать лицом в грязь, есть ее, нюхать всякое дерьмо. Автоматный огонь с 30 метров в упор... Над тобой все сверкает, летит... Бэтээр где в пробоинах, где в осколках... Стрельба чуть стихла. Я, наконец, разобрался, откуда она ведется. Поставил задачу своему заместителю выдвинуться к связистам и уяснить, в чем там проблема. Он продвинулся только метров на двадцать. Опять стрельба. Снова все залегли. Наш правый фланг был полностью деморализован. Свою задачу мы выполнять не могли. Встать во весь рост и идти к связистам было безумием. Связаться с ними тоже невозможно. Они не работали ни на одной вызываемой частоте.

Ползком с половиной группы мы выдвинулись к ложбине на расстояние броска гранаты. Стали кричать. Никакие окрики, что мы свои, связистов не останавливали. Казалось, у них никогда не кончатся патроны. И только после угрозы забросания гранатами стрельба стихла. Было не до маскировки. Зрелище, при подсветке фонариками, было сюрреалистическим. Люди представляли из себя реальное воплощение ужаса. Перекошенные рты. Раскалившиеся стволы автоматов, из которых связисты-мотострелки за это время выпустили не один ящик боеприпасов. Ими командовал сержант. На вопрос: «В чем дело?!» — он отвечал только одно: «Мы боимся!»

Мы просто боимся! У нас погиб командир, еще один офицер ранен. Я остался один на восемь человек. Мы боимся». — «А вы знали, что мы, десантники, там?» — «Знали. Но мы боимся. Откуда нам знать: вы это или не вы? Ночь!» Хотелось их бить прикладами до утра, но в это время из арыков по нам стали работать духи, и нам, десанникам, пришлось занять позиции связистов. Воевали до утра. Без потерь. На этой войне молодыми, необученными мальчишками правили ужас и страх.

Этой ночью шел штурм Ханкалы. Он был успешным. Ханкалу брали навалом, массой. Поэтому потеряли немало людей. Стали проводить зачистки. Опыта в таких мероприятиях оказалось мало. Оставляли в тылу мирных, невинных жителей с лопатами, узлами в руках, которые ночью превращались в автоматы, гранатометы.

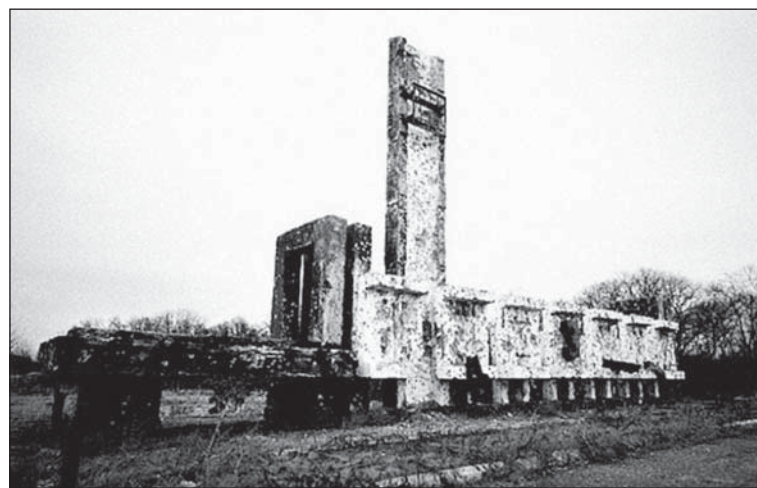
Штурм закончился днем. Тридцатого декабря наше подразделение обошло взятую часть Ханкалы, аэродром и уже в составе группировки остановилось перед военным городком, который вплотную примыкал к мосту, соединяющему с окраиной Грозного.

Переночевали. Ночью с 30-го на 31 декабря ставилась задача на штурм Грозного. Нашему подразделению было приказано: выдвигаться в составе колонны, прикрывая ее командование двумя бэтээрами — спереди и сзади. Что конкретно: как будем штурмовать, с каких рубежей, кто нам противостоит в Грозном — мы не знали. Когда я подошел к одному из старших офицеров группировки и спросил: «Какая у нас задача?» — то он, полковник в летах, отвел глаза и сказал: «Умереть». — «А можете разъяснить, в чем суть этой проблемы — умереть?» — «Понимаешь, старлей, я тебе действительно говорю, что у нас задача — умереть. Потому что мы изображаем основной удар всей группировки российских войск. Мы должны показать противнику, что именно с востока федеральные войска будут брать Грозный».

Я знал: есть еще два направления для ударов — с севера, северо-запада. Восточная колонна, по замыслу командования, должна была войти в Грозный, изобразить удар, охватить максимум территории имеющимися силами и средствами, продвигаться внутри Грозного, а потом выйти из города.

...Прошли мы военный городок, и начались потери. Потому что колонна представляла из себя длинную змею. Никакого боевого прикрытия — обеспечения справа и слева. Изредка над нами проходили вертолеты. Колонна представляла из себя: впереди около пяти, шести танков, бронетранспортеры, командно-штабные машины, остальная техника. Колонна состояла только из подразделений Министерства обороны — ни внутренних войск, ни МВД. В основном пехота, артиллеристы, танкисты. Мы, десантники-разведчики, в середине колонны. Замыкая ее, шла рота десантников на БМД-2.

При подходе к мосту нас начали расстреливать из крупнокалиберных пулеметов, четко работали боевики-снайперы. Нашему взору предстало: первый танк идет по мосту, а его обстреливают где-то с семи, восьми направлений. В перекрест. Повезло первому танку. Прошел. Так через мост проходила каждая единица: будь то танк или боевая

машина пехоты. Живая сила всегда на броне, никто внутри не сидел. Колонна шла через мост, неся потери. Ведь десять — двенадцать человек на каждой броне, не обойтись без потерь. Колонна потеряла два бэтээра, были взорваны танк и кошеэмка. Мы, разведчики, прошли более-менее успешно: только двоих ранило. Не прошла мост только отдельная рота десантников, что мы узнали только потом. Связь практически не работала. У меня слышимость была только между моими двумя бэтээрами и «Уралом», да сла-

Наш правый фланг был полностью деморализован. Свою задачу мы выполнять не могли. Встать во весь рост и идти к связистам было безумием. Связаться с ними тоже невозможно

бый, постоянно прерывающийся контакт с колонной. В связи был сплошной бардак. Никто большей частью не представлял: кто с кем говорит. Одни позывные в эфире, доклады лишь о «двухсотых» и «трехсотых» — сколько убитых и раненых. Десантная рота, замыкающая колонну, не прошла. Ее отсекли и расстреляли — всех. Как потом рассказывали, чеченцы и наемники добивали раненых десантников выстрелами в голову, а наша колонна об этом даже не знала. Выжили только прапорщик и солдат, которые с неимоверным трудом, с перебитыми ногами выползли за военный городок, откуда колонна начинала движение. Ползли, тяжело раненные. Доползли. Один потом вроде умер.

Зашли мы в Грозный и сразу попали под сильный огонь — практически со всех мест, со всех высотных зданий, со всех укреплений. Только зашли в город, колонна затормозилась. Где-то мы стояли, спешившись, не продвигались. За этот час у нас подбили пять танков, шесть бэтээров. У чеченцев был закопанный — видна одна башня — танк Т-72, который уничтожил весь авангард колонны. Пошли дальше. Колонна, постоянно обстре-

Счет на броне

ливаемая, ошетилившаяся, как еж, тоже отстреливалась. Солдаты спешили, бежали — занимали позиции. Опять сажались на броню, спешили, снова бежали. Вести какие-то действия по занятым противником зданиям, как это положено, как мы учились в военных училищах, как это делали наши деды в 1941-1945 годах, не получалось. Колонна змеей шла по городу, оставляя в своем тылу боевиков, уничтожая только то, что уничтожалось. Спешиваться и вести разведывательные действия было невозможно

ввиду беспредельного поведения мотострелков. Практически в каждом подразделении у них где-то отсутствовал командир, был убит или ранен. Подразделениями в основном командовали сержанты, прапорщики, кто остался жив. Солдат-пехотинец, не хочу мотострелков унижать, прыгивал с бэтээра, нажимал на спусковой крючок и вел автомат до тех пор, пока не кончался рожок, — стреляя вокруг себя. Потом опять вставлял рожок и... Ужас перед происходящим у мотострелков был настолько силен, что, спешиваясь,

наша группа десантников, вместо того чтобы вести разведку, была вынуждена залегать. Мы поднимали головы и опять опускали, потому что соседние, приданные пехотинцы снова и снова молотили по нам. В таком хаосе было просто невозможно идти. Но все же мною ставилась задача выявлять цели и уничтожать их. Конечно, все было через мат, вопли, через биение прикладами по головам некоторых пехотинцев. Для меня это были не первые боевые действия. А для основной части солдат и некоторых офицеров — первые. Мы, десантники, искали противника, уничтожали цели, но еще должны были успеть спрятаться от своих.

Мне один из наблюдателей докладывает, что в доме напротив две огневые точки. Ставлю задачу на выдвигание. Спешиваемся, выдвигаемся к этому дому грамотно, как учили. Не хочу хвалиться — подготовка у моих людей была очень сильной. Зримо было видно, что мои десантники действительно на голову выше всех остальных. Они перебежками подошли к стене дома. Метров десять оставалось, как послышалось урчание... Я обернулся. Сзади подошел наш танк, направил ствол

Чечня

прямо на стену, вблизи которой мы находились, и выстрелил. Стена стала падать на нас. Дом был пятиэтажный. Максимально, сколько смогли, мы ушли, но получили ушибы, переломы. У одного из солдат каска расплющилась, как у волка из фильма «Ну, погоди!». Еще двое получили сотрясения, контузии. Мы отошли. Танк повернул и поехал дальше. Согласованности никакой. Опять все сели на броню, продолжили движение. Выявили еще огневые точки чеченцев, остановились, стали вести огонь. Я был на втором бэтэре с группой солдат. Вглубь города мы углубились на три километра.

Мы знали, что наступает новый 1995 год. В сознании это фиксировалось как дата, и только. Есть такой праздник — Новый год, и все...

II.

Офицер-десантник разведподразделений, состоящих только из офицеров и прапорщиков, офицер-спецназовец отряда «Витязь» внутренних войск МВД РФ, спецназовец офицерской группы «грушной» бригады — это офицеры-бойцы. Это люди, которым поставлена задача, и они ее в составе групп выполняют. У них одна философия...

У меня, командира группы солдат, была другая философия. Мне думать о Новом годе, о чем-то постороннем — нет никакой возможности. В боевой обстановке думаешь только о подчиненных тебе солдатах. Вспоминаешь, как полгода назад ты стоял на их присяге. Перед тобой ряд родителей. Тебе дарят цветы, шепчут на ухо: «Берегите сына». «Сохранить солдат» — вот моя философия. Нет такого, что ты как командир находишься в эпицентре действия и сам ведешь огонь, ни о чем больше не думая. Стреляешь, когда надо

Шли, как немцы, в психическую атаку. До нас им оставалось метров пятьдесят. Шли перебежками. Когда был уничтожен дот, они оказались в чистом поле без прикрытия.

помогать, давать целеуказания тем, кто не может попасть. Ну, руки у солдат трясутся. Кто должен постоянно находиться в поле твоего зрения? Все двенадцать человек группы. Если кто-то пропал, нужно все прекращать и искать его. А взять пехотное подразделение — там был хаос.

...У меня уже было трое раненых. Убитых нет. Вышли на какую-то площадь. Кинотеатр. Открытое поле между домами. И на этом пространстве стоят врытые в землю бетонные плиты. Именно сюда, начав нести существенные потери, под плотным огнем боевиков устремилась Восточная группировка. В нашем эфире звучало только одно: «Двухсотый, двухсо-

тый, двухсотый»... Проезжаешь возле бэтэров мотострелков, а на них и внутри одни трупы. Все убиты.

Мы стали заходить в пространство между врытыми в землю плитами. При отсутствии общего руководства все это напоминало игру ребенка с машинками, когда у несмышленища все в хаосе... Танк мог врезаться в наш бэтээр, повести ствол и придавить моего связиста. Припечатать солдата, вдавить в броню. У бойца брызнула кровь из ушей. Он весь побелел. Мне пришлось прыгать на танк. Под огнем противника стучать в люк, который не открывался, а когда приподнялся, я сунул в люк автомат. Было желание выстрелить. Определенный барьер уже был перейден. Из танка вылез измученный боем солдат. Развел руками, дрожащими губами сказал: «Что я сделал... Я все сжег. Связи нет!» В колонне шли напичканные

Главным было выполнить задачу и выжить. Личный состав был рассредоточен, всем поставлена задача. Связист, придавленный стволом танка, был положен на доски. Он не мог двигаться. Еле дышал. Кроме уколов промедола, мы больше ничем не могли облегчить его страдания. Наши санитарные машины с экипажами были уничтожены боевиками еще при входе в Грозный. Медицинской помощи никакой. Только в боковом кармане камуфлированной куртки был пакет с промедолом, бинт в прикладе автомата, перемотанный кровоостанавливающим жгутом, — стандартный набор. И кроме как всадить промедол раненому человеку в ляжку или в руку, мы ничего не могли. Мой связист выжил. Всю ночь от него, утянутого бронешилетом, не отходил кто-то из солдат. Дежурили, ни на секунду не бросая, чтобы он не то что не умер, а чтобы не упустить этот момент. В любую минуту хоть чем-то помочь. Чем? Совершенно не понимали. Но десантник-разведчик четко выполнял задачу. Меняясь, лежали рядом с ним и «держали» его, слушая пульс на шее и на руке.

Вдруг перед нами вышло чье-то подразделение мотострелков на восьми бэтэрах и БМП-2. Остановились по фронту метрах в ста пятидесяти от нас. Под плотным огнем чеченских боевиков из техники выскочили солдаты, побежали в нашу сторону. Весь личный состав. И, как горох, посыпались к нам в окопы. Это был молчаливый навал деморализованных людей. ...Подбегает солдат, бросает автомат и ныряет к тебе в окоп, как в воду. Разобрать, кто у этих ошалелых от страха мотострелков командир, было практически невозможно. Поймав первого попавшегося бойца, я с трудом добился, кто старший. Он указал на человека, который, упав к бетонной плите, бросил автомат, закрыл голову в каске руками и сидел, не шелохнувшись. Я подполз, спросил его звание. Он оказал-

ся майором. Он повернулся ко мне. Я весь камуфлированный, уже с бородой. Похож на духа. И он не понял, кто перед ним. Но моя тельняшка, хоть и грязная, вернула его в сознание. На вопрос: «Какого х... вы бросили технику и прибежали сюда?» — он сказал: «Мы ехали. Мы потерялись. Издалека видим, десантники... Мы бросили технику, побежали к вам, потому что ни к кому, кроме десантников, бежать нельзя. Все другие перестреляют!» Я кричу: «А техника? Техника! Пожгут ее! Прямо сейчас». Человек был совершенно неадекватный. Не мог командовать. Просто забился в угол и трясся. Уговорить его подчиненных вернуться к технике было немыслимо. Я дал команду своим — выбрасывать мотострелков из окопов! Может, это было неправильно. Может, этих людей надо было спасать. Но техника закрыла мне весь обзор. Уже в следующую минуту она могла быть сожжена противником. И тогда под прикрытием горящих БМП и бэтэров духи пошли бы со мной на сближение — атаковали бы. Пока передо мной было чистое поле, чеченцы не могли подойти. А теперь такая возможность у них появлялась. Насколько хватало сил, мы выбрасывали мотострелков из окопов. Можно сказать, отбивались от них прикладами, кулаками, перебрасывали их через себя. Они цеплялись в нас мертвой хваткой. Хватались за оружие. Могло начаться противостояние... Так мотострелки остались лежать в наших окопах. Заняли некие позиции. Я собрал их всех на левом фланге. В течение получаса все восемь единиц бронетехники мотострелков были сожжены чеченцами. Естественно, они подошли из соседних домов, укрепились за этой подбитой техникой. Практически передо мной.

По фронту, правее сто метров, был чеченский дот — что-то типа кирпичного домика, откуда велся непрерывный огонь из крупнокалиберного пулемета. Невозможно было поднять голову. Колонна наша входила хаотично. Поэтому даже у себя в хозяйстве сразу найти неиспользованный гранатомет или огнемет было крайне трудно. Такую задачу я поставил. Нашли. И периодически вели огонь из гранатометов по этому чеченскому доту. Встать на колено либо прицелиться лежа было очень опасно. Ведь огонь по нам велся не только из дота, но и из тех сгоревших бэтэров и БМП. Мы же были лишены возможности вести прицельный огонь. Пришлось вылезти из укрытий, подползти к маленьким холмикам, чтобы, спасаясь за ними, хоть как-то, лежа или сбоку, выстрелив, уничтожить чеченского пулеметчика, засевшего в доте, а точнее в блиндаже — очень, очень маленьком, попасть в который было сверхзатруднительно. Справа от меня лежал мой заместитель, как и я, старший лейтенант. Помню... Послышался голос сзади: «Командир, я

приполз!» Оборачиваюсь. Лежит боец-пехотинец из тех, которые к нам в окопы, как лягушки, попрыгали. Кричит: «Я готов уничтожить его!» — «Чем?» — говорю. У него был огнемет «Шмель». Лежит и трясутся губами сообщает: «Только целиться я не могу». Кричу: «Как не можешь?!» В ответ: «Сорвано все. Есть только труба». Прицельные приспособления были сбиты. По внешнему виду огнемет находился в рабочем состоянии. Я отдал команду: «Ползи к моему заместителю. — Тот был в более выгодном положении. — Стреляй лежа!» К моему удивлению, он пополз. Я находился в метрах пяти — семи. Мотострелок, несмотря на огонь противника, дополз. Я ему достаточно четко все объяснил: «...Стреляешь либо лежа, либо чуть встав на колено». Он встал на колено. Я лежал и видел, что он наводит на цель по трубе огнемета, как было оговорено. Но я-то смотрю сбоку и вижу, как он, прицеливаясь, вдруг опускает «Шмель» вниз, прямо перед собой. Я еще успел крикнуть своему заместителю: «Уши закрывай! Откатывайся!» Шел бой. Он не услышал. Помню, меня первый раз в жизни подняло над землей. Я полетел вправо. Врезался головой в каску в бетонную стену и упал в

чье-то дерьмо. В глазах звездочки, красная пелена. Потом окружающий мир принял какие-то очертания. На том месте была воронка. Солдат лежал с окровавленной рукой — безумный, раненый. У моего заместителя из ушей текла кровь. Он был напрочь контужен. До сих пор переживает контузионные боли, воюет во сне. Этим выстрелом офицер был выведен из строя. Теперь он на штабной деятельности.

Подполз мой сержант-разведчик. Спросил у меня разрешения выстрелить из гранатомета, встал на колено, под огнем чеченцев навел гранатомет на цель и, красавчик, попал точно в амбразуру дота. Разнес его, как карточный домик. В это время с чеченских позиций, от сгоревших

бэтэров и БМП, на нас шло порядка двадцати, двадцати пяти боевиков в маскировочных белых халатах. Шли, как немцы, в психическую атаку. До нас им оставалось метров пятьдесят. Шли перебежками. Когда был уничтожен дот, они оказались в чистом поле без прикрытия. Огонь мы сосредоточили только на них. Восемьдесят процентов наступающих чеченцев были уничтожены. Ушли, кто успел. ...Яркие, красные вспышки, разорванные халаты, крики, вопли...

Опустилась темнота. На Новый год, когда о нем вспомнили, к нам приползли танкисты, принесли спирт. Разлили. Рассказывают. ...По связи на них вышли чеченцы. На их, танкистской, волне сказали: «Ну что, Иван, отметь Новый год десять минут. А потом по новой...» Без десяти минут двенадцать 31 декабря 1994 года до пяти минут первого января 1995 года была передышка. Опрокинули чуть-чуть спирта. После этого начался массированный минометный обстрел. От другого вида оружия можно укрыться. От падающих мин — нет. Оставалось уповать на судьбу.

Обстрел длился часа два. Полностью деморализованные, мы все же удержали

свои позиции. Чеченцы не смогли пробиться к нам, даже осыпая минами. Мы вывели всю технику на прямую наводку. И она стреляла в направлениях, без целей. Два часа такого противостояния! Минометы прекратили огонь. Пошли перестрелки. Видимо, произошла перегруппировка чеченских сил и средств. Стали работать наши и чеченские снайперы. Так до утра.

III.

Из Грозного мы снова уходили колонной. Шли змейкой. Я не знаю, где, какое было командование. Никто не ставил задачи. Мы просто кружили по Грозному. Наносили удары — там, там. А нас обстре-

Чечня

ливали. Колонна действовала как бы отдельными вспышками. Колонна могла стрелять по какой-то легкой машине, едущей в трехстах метрах от нас. Никто, кстати, не мог попасть в эту машину — люди были настолько переутомлены.

И вот колонна начала сворачиваться, уходить. Пехота выходила комом, хаотично. В этот день мы, десантники, не получили никакой задачи. Но я понимал, что мотострелков никто, кроме нас, не прикроет. Все остальные были просто не в состоянии. Часть моих людей грузилась, другая вела стрельбу в направлениях — прикрывали отход. Мы выходили последние.

Когда покидали город и снова прошли этот проклятый мост, колонна встала. У меня автомат от грязи, набившейся в магазины с патронами, заклинило. И тут голос: «Возьми мой». Я опустил глаза в раскрытый люк бэтэра — там лежал тяжело раненный прапорщик, мой друг. Он, насколько мог, протянул мне автомат. Я взял, а свой опустил внутрь люка. Начался очередной обстрел наших подразделений с нескольких направлений. Мы сидели, прижавшись к броне, отстреливались как могли... Истекающий кровью прапорщик снаряжал пустые магазины патронами и подавал их мне. Я отдавал приказы, стрелял. Прапорщик оставался в строю. Он белел от большой потери крови, но все равно снаряжал магазины и все время шептал: «Мы выйдем, все равно выйдем»...

В этот момент так не хотелось умирать. Казалось, еще несколько сот метров, и мы вырвемся из этого огненного котла, но колонна стояла, как длинная, большая мишень, которую на куски кромали пули и снаряды чеченских орудий.

Мы вышли 1-го января. Был какой-то хаотический сбор отчаявшихся людей. Чтобы всем собраться на месте сбора, такого не было. Ходили, бродили. Потом все же поставили задачу. Стали собирать раненных. Быстро развернули полевой госпиталь.

На моих глазах из окружения вырвался какой-то бэтэр. Просто вырвался и мчался в сторону нашей колонны. Без опознавательных знаков. Без ничего. Он был расстрелян нашими танкистами в упор. Где-то метров со ста, ста пятидесяти. Наши наших же расстреляли. В ключья. Три танка разнесли бэтэра.

Трупов и раненных было столько, что у врачей развернутого полевого госпиталя на ортосохраниющие действия не было ни сил, ни времени!

Мои солдаты — десантники, у кого осколок был в бедре, у кого в заднице, у кого в руке, не хотели в госпиталь. Приводишь их, оставляешь. Через пять минут они снова в подразделении, снова

в строю. «Я, — говорит, — не пойду назад. Там режут только так! Вырывают все! Кровь, гной везде. Где без обезболивания, где как...»

Пошли подсчеты. Очень много людей осталось там, в Грозном, многих бросили на поле боя. Своих я всех вывез, еще и часть пехотинцев, которых успел. Остальные? Было брошено немало людей. Восточная колонна выстрадала и это...

Своих раненых я не отдал. Выбор был: либо ждать до вечера вертушку — должна была прийти. Либо колонна уходила с убитыми и частью раненых в грузовых машинах. Прекрасно осознавая, что в тылах у нас остались боевики, я раненых не отдал, а стал ждать вертолет. Хотя тяжелые были...

Так и получилось. Первая колонна с ранеными под Аргунем была полностью уничтожена. Расстреляна боевиками. Под вечер прилетели вертушки, погрузили раненых, убитых, сопровождающих. И ушли... Мои легко раненные отказались от эвакуации, остались в подразделении. Наша сводная группа из офицеров и солдат была практически небоеспособна: двое убитых, трое тяжело раненных, остальные контуженные, легко раненные.

Группировка, как могла, окопалась, представляя из себя небольшое соединение людей. Как потом говорили, в Грозном Восточная колонна потеряла около шестидесяти процентов личного состава только убитыми.

Обстреливали уже не сильно, но продолжительно. Мы отошли еще на несколько километров. Третьего января 1995 года по специальной связи мне был отдан приказ о возвращении группы в Толстой Юрт на замену. Там нас ждали другие подразделения нашей части.

IV.

Когда мы вышли в Моздок, нераненные офицеры были назначены сопровождающими к десяти недавно погибшим офицерам и солдатам одной из рот нашей части. Мы полетели в Ростов-на-Дону. Там, в будущем Центре погибших, как раз первую палатку поставили.

Летим. Трупы в фольгу завернуты, на носилках лежат. Потом надо было найти своих. Оpoznать. Некоторые из убитых уже несколько дней лежали в палатках. Солдаты, назначенные на обработку тел, сидели на водке. Иначе рехнешься. Офицеры порой не выдерживали. Здоровые с виду мужики падали в обморок. Просили: «Сходи! Опознай моего».

Это была не первая моя война. Заходил в палатку, опознавал. Я сопровождал прапорщика нашей части. Достойного человека. От него остались только голова и тело. Руки, ноги были оторваны. Пришлось не отходить от него, чтобы никто ничего не перепутал... Опознал, а бойцы отказались моего прапорщика одевать. По нашему десантному обычаю погибший должен быть одет, чтобы тельняшка... Ну, все, что полагается: трусы, камуфляж... Берет должен быть сверху на гробу. Солдаты отказывались одевать разорванное тело. Пришлось взять палку и заставить людей. Одевал вместе с ними... То, что осталось... Все равно одели. Положили в гроб. Я еще долго от него не отходил, чтобы не перепутали. Ведь я же вез родным — сына, воина.

А того солдата-связиста, которого стволом танка придавило, — он был представлен к медали «За отвагу», — так и не наградили. Потому что в штабе группировки ему написали, что травма получена не в результате боевых действий. Такие бюрократические, поганые закорючки. Это обо-

ротная сторона войны. Как и проблема списанного на войну имущества. Это и не дошедшие до Чечни миллионы денег, повернувшие или застрявшие в Москве. Обратная сторона войны на совести тех, кто сидит в пиджаках и галстуках, а не тех, кто воюет.

Обидно за то, что тебя годами учили в военном училище, потом ты с фанатизмом обучал «науке побеждать» личный состав своей роты, верил в непобедимость нашей тактики ведения боевых действий, в методы выживания, привитые нам на специальных занятиях, служил, гордился своим родом войск — и все зря. На этой войне нас попросту сделали мясом. Как в песне поется: «...Не надо мясо делать из нас, а после искать виноватых. Нам важно, чтобы четко звучал приказ, и не сомневались солдаты...»

Все мы — от рядового до генерала — выполнили отданные нам приказы. Восточная группировка решала задачу, поправ все правила (написанные кровью)

от куска к куску. Завоевывается каждый пятачок. Так брали Берлин. По Грозному, скорее всего, сверху был жесткий приказ — сосредоточенный только на временном промежутке. Дескать, это надо взять завтра, другое послезавтра. Не отходить, держаться. Взять. Жесткая постановка задач сверху ставила командных людей в недозванные для войны рамки. Что такое временной фактор? Данный населенный пункт должен быть взят к пяти часам! А по всей логике боевых действий этот приказ невозможен для исполнения. За назначенное время можно было только подготовиться, сосредоточить средства, провести разведку, уяснить задачу, оценить обстановку, поставить задачу, отдать боевые приказы, наладить слаженность подразделений, радиосвязь, радиообмен, уяснить динамику развития события, определить пути отхода... На это при штурме Грозного времени не давалось. Сегодня пока никто не признает это преступлением... Но человек в больших пого-

У меня автомат от грязи, набившейся в магазины с патронами, заклинило. И тут голос: «Возьми мой». Я опустил глаза в раскрытый люк бэтэра — там лежал тяжело раненный прапорщик, мой друг.

ведения боя в городе. Она изобразила мощный и несурзанный удар федеральных сил, стремительно вошла в Грозный, держалась как могла и, растерзанная, разгромленная, также стремительно вышла из города. А где-то совсем рядом в это же время погибала еще одна группировка, поменьше численностью — «Майкопская бригада», заходившая в город с другого направления.

Авысший командный состав — выпускники академий? Они знали, как воевать. Знали, что город берется от дома к дому,

нах шел на преступление — против своей совести, против своей морали, губя жизни солдат и офицеров. Безумство. Что же это за командование было? Что за руководство операцией?

А если говорить о пехоте... Еще в Моздоке ко мне подошел солдат, и, видя три лейтенантских звезды на погонах, спросил, как к автомату подсоединить магазин? Из этого случая можно сделать серьезные выводы. И вообще больше ничего не говорить. Солдат подходит не к своему командиру, а видя десантника-

офицера, спрашивает, как подсоединить: так или с другой стороны?

На момент начала боевых действий в Чечне армия уже деградировала. У солдат не было не только теоретических, практических навыков. Большинство не имело навыков механических действий, когда солдат собирает, разбирает автомат с закрытыми глазами, умеет выполнять элементарные упражнения. Например, подготовка для стрельбы лежа... Он даже думать не должен — как? Все должно исполняться механически. А у него... хаотичные, недуманные действия, что я видел и пережил при новогоднем штурме Грозного. Страшные, какие-то полусумасшедшие движения мотострелков, а в руках оружие, извергающее свинец, которым убиваются свои же солдаты...

Касательно наших десантников, то сегодня мы собираемся на день ВДВ, 2 августа. Подходят солдаты, благодарят. «За что?» — спрашиваю. «Спасибо за то, что в два часа ночи мы ползли по асфальту, за то, что на учениях не шли по дорогам, как другие, а ползли через ручьи, падали в грязь, бежали по несколько десятков километров. За это спасибо. Тогда, до войны, мы вас ненавидели. Люто ненавидели. Сжимали кулаки в строю. Готовы были... Радовались бы — случись с вами что-то недоброе. А когда вышли из Грозного и практически все остались живы, сказали: "Спасибо"».

Я помнил их окровавленные, повзрослевшие за несколько дней боев лица. Да, поседевшие, злые, контуженные, раненные, но живые тогда, в 1995-м, разведчики-десантники говорили мне: «Спасибо!». А я был счастлив, что они живы.

Звонят теперь...

Тяжесть воспоминаний не опустила офицера-десантника на житейское дно. Пройдя первую чеченскую кампанию, сделав из нее личные выводы, он снова воюет с духами, уничтожает наемников в горах. Делает то, что хорошо умеет. За его голову ичкерийские боевики обещают огромные деньги, но материнские молитвы хранят этого русского воина, по-прежнему верящего в справедливость и ...в боевую учебу, без которой армия — не армия, а собрание обреченных на смерть людей.

Один из многих тысяч офицеров, благодаря которым Россия не сгинула, он неприкрыт в толпе, в московской подземке. И в этом его преимущество. Ничего не требуя от Отечества, исповедуя мысль: «Кто на что подписался», этот офицер — за ответственность, за умение государства спросить с тех, кто уполномочен на стратегические решения. Ни у государства, ни у друзей, ни у суженой он не попросит любви. Но — потребует ее для тех, кто погиб за Россию.

2000 г.

Чечня

Вячеслав Немышев

Вячеслав Валерьевич Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал фотокорреспондентом в ведомственной газете Министерства Атомной промышленности, оператором на кабельном телевидении г. Электросталь Московской обл. С августа

2000 г. корреспондент НТВ программы «Забытый полк»; с марта 2001 — спецкор программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» (о контрабасниках-саперах в Грозном) для программы «Профессия репортер». С февраля 2005 по июль 2006 — спецкор ГТРК «Россия» (Вести).

БУЧА

Дорогие читатели. В этом номере мы продолжаем публиковать отрывки из повести известного военного журналиста Вячеслава Немышева «Буча», написанную по следам его чеченских командировок.

Глава вторая

На Грозный с севера шла тяжелая техника.

Боевики потрепали части Внутренних войск, милицию и ополченцев: в первых числах января штурм города, превращенного в крепость, был приостановлен, так как, по мнению командования, «потери объединенной группировки неоправданно возросли».

После вынужденного затишья, 17 января 2000 года по Грозному выпустили первую тысячу тонн снарядов; штурмовые армейские группы, прикрытые с флангов огнем артиллерии и снайперскими парами, вновь начали наступление на позиции боевиков.

В Старых Промыслах, на Катаяме, грозненском «Шанхае», что с картой, что на месте по ориентирам, заплутать плевое дело. Стемнело быстро. Зимние вечера за хребтом коротки, а ночи долги и тревожны.

— Савва, я говорил... — шепчет Иван, — вечно тебя, чурбана, послушаю... Туда, туда! Дубина...

Звонкий собачий брех заставил Ивана пригнуться еще ниже; он распластался вдоль забора, бесконечно тянущегося в конец улицы. Ночью не только кошки, но и заборы серы. Во дворах тихо, безжизненно. Иногда затыкает псина, брошенная хозяевами, кинется с той стороны, хрипом зайдется. Савва одну пристрелил из пистолета. Хлопок — визг на всю округу. Иван за кучу песка так и рухнул. Савва доволен. Иван ему — чурка узкоглазая! Смеется калмык. Хладнокровный, одно слово.

— ...и есть дубина.

— Э, брат, ти злой, как собак! — коверкает Савва русское произношение.

Савва через «ночник» оглядывается вокруг себя. С Саввой воевать спокойно, потому что задница твоя будет прикрыта, если Савва взялся ее прикрывать. Так и сейчас: по левую сторону — Савва, по

правую — Иван. Оглядываются, тысячу раз оглядываются: один неверный шаг и все — смерть — мина или пуля.

— Глянь-ка, чего там? — Иван указывает рукой туда, где в рыжих всполохах вырисовался силуэт бэтера, выдохнул облегченно. — Наши!

Закопченный лейтенант Ивану понравился сразу, хотя, конечно, он не девка, чтобы нравиться. Летеха пехотный и есть: на щеках щетина окопная, шапка-таблетка несуразная на голове, кирзачи в колено. Но бравый летеха — растоптался на войне, наверное, еще с Дагестана топает, и все на переднем крае.

У кострища человек десять солдат такие же закопченные. Намерзлись — тянут черные пальцы к пламени, того и гляди, опалит: задубела кожа — дымком не согреешь — так и суют прямо в огонь.

— Мы вас еще днем ждали. Ротный сказал, что снайперов нам придадут. Мы ждали, ждали...

Лейтенант говорит, словно торопится куда, рукой трет шею. Бинт у него вокруг шеи. Шея длинная, подбородок над ней торчком — вперед.

— А... это? — заметил лейтенант Иванов взгляд. — Сегодня вованы... Не-е! Вованы не вояки, менты и есть! Жаль пацанов... Шли вованы на тот дом, — он махнул неопределенно, — прикинь, за бэтером в колонну по двое. От снайпера

прятались. А по ним из миномета ка-ак шмякнули. Две мины — двенадцать трупов. Ранены-ых! Вытаскивали... Меня и шмякнуло осколком, — он снова потер шею, — так шмякнуло!

У костра потеснились.

Иван присел на снарядный ящик, упер приклад в ботинок, тот самый — «натовский». Ствол — на плечо. Потянуло с боков знакомой солдатинкой: прокисшими портянками, давно не мытыми телами, горелым порохом. У войны свой запах — специфический.

— Чего по ночи... а если б пароль сменили? У нас часто бывает.

— Заплутали, — сдержанно ответил Иван, скоился на Савву.

Савва папироску достал. Запахло коноплей. Едко — как с осенних жженных листьев. Бушлаты у костра заворочались, глаза загорелись жадно.

— Да-а... А так бы шмальнули, угробили б вас... Мои деваху местную притащили. Плечо — синяк, и дырка в руке. Она, типа, ранило шальной пулей. Беженка, типа! Прикинь... — лейтенант вдруг подобрался весь. — Но я глумиться не дал, сам застрелил.

Заволновалась «солдатинка». Послышалось хриплое, брошенное с обидой:

— Интеллигент!

Громко дрова трещат — сосна: стулья, столы из дворов по округе натащили и жгут.

Но услышал Иван, и лейтенант услышал.

— Попиз...те там!

Савва братанов-срочников не обижает — передал косяк по кругу.

Лейтенант фляжку достал.

— Мои водки ящик надыбили... Жрать хотите?... Ротный забрал себе, а я вот отлил немного. Тебя как? Меня — Перевезенцев Роман, — и протянул руку.

— Знамов... сержант, — чтобы не было конфузов, сразу обозначил свое звание Иван. Лейтенант, хоть и интеллигент, но простоват был.

— А-а... понятно. Контрабасники? У меня тоже... двое контрабасов во взводе... были, — хотел, да не стал дальше рассказывать лейтенант.

— Тот, узкоглазый... Савва калмык. Мы с ним на первой под Аргунем...

Не для форсу, хвастовства сказал Иван про первую войну — мельком лишь упомянул. Завтра им придется вместе с этим лейтенантом и его «сроками» идти в бой. Лейтенанту так будет спокойнее — стреляные, значит надежные.

Лейтенант понял Иванов расклад.

Закурили.

Пухает в городе, но лениво. Вдруг, будто гороха рассыпали, защелкало, все громче и громче. Взрыв, второй. Понеслось.

— У Дома Печати где-то, — предположил Перевезенцев. — Нам на завтра приказано продвинуться левее от бензоколонки, вглубь квартала. Сегодня до обеда тыкались, тыкались... а у них позиции.

Спали у костра. Впоевалку. Ящиков снарядных вокруг набросано в беспорядке. Длинные, как гробы — те от ракет. В костер все идет, что горит — не взрывается.

Соснули и Иван с Саввой час-другой до времени.

На самом деле — как повезет. Одного сразу приголубит пулей в лоб. Другого покалечит. А третий, как заговоренный. Может, молятся за третьего крепче других? Не ведомо то...

Договорились с лейтенантом Перевезенцевым, что даст он им сапера, тот проведет их через свои мины. Хорошего даст сапера. Идти решили по самым ранним сумеркам.

Утром на войне, как перед долгой дорогой — присесть нужно. Не чтоб хорошо встретили, а чтоб пуля мимо пролетела, чтоб свои не обстреляли, чтоб... да много на войне всяких «чтоб». Заворошились идти. Савва и не спит уже. Иван ботинки перешнуровал, попрыгал — не звенит нигде, не стучает. Перевезенцев у костра. Фонариком водит по солдатским лицам, матерится неинтеллигентно. Один поднялся, закашлялся.

— Где Ксендзов? — спрашивает лейтенант.

Солдат — сквозь кашель:

— У себя... в гробу Ксендзов, — и обратно завалился.

Тут лейтенант Рома выдал такого отборного мата, что Иван подумал: интеллигентность Перевезенцеву не идет, а вот так по-боцмански, хоть святых выноси, даже очень к лицу закопченному пехотному лейтенанту.

Лейтенант стал хвататься за ящики — те, которые длинные, от ракет — хлопал крышками, будил спящих вокруг. Наконец, открыв очередной, нашел то, что искал. Иван заглянул через лейтенантское плечо. В ящике, обхватив руками автомат и прижав грязные ладони к груди, лежал солдат. Иван сначала подумал, что это двухсотый, так блаженно покоилось его тело в затасканном сальном бушлате — убрали, чтобы не на глазах.

Тело издавало булькающие звуки, не шевелилось.

Перевезенцев пнул ногой по ящику.

Безрезультатно.

— Ну-ка...

Вдвоем с лейтенантом — Иван икал от давящего его смеха — они снизу подхватили ящик и, поднатужившись, перевернули...

Крепок солдатский сон. Спит мальчишка безусый, не разбудить его ни матом, ни автоматной трескотней, канонады ему, как баю-бай: переспшишь с войной в обнимку ночь- другую, и ничего страшней тишины не будет в твоей жизни. Ветра, ветра! Бешеного, рвущего перепонки, горячего ветра. И будь что будет! Сколько было

таких вот ночей у Ивана — не сосчитать. «Ну, здравствуй, война! Наскучалась по свежему мясу, шалава?»

— Я тебе сколько раз говорил, Ксендзов, чтоб ты не ныкался, мать...

Стряхнуло лейтенантским рыком сентиментальные мысли. Солдатик, кулем вывалившись из ящика, чуть не вкатился в костер. Вскочил, как ошпаренный.

— Ну, что с ним делать? — лейтенант шею тронул. — Ноет зараза... Вот ваш сапер, — говорит он Ивану. — Иди, иди Ксендзов, рожу потри снегом.

Перевезенцев задумался, посветлел лицом. Куда вся суровость делась? С какой-то обидой в голосе, отчаянием больше, стал рассказывать:

— Прошлый раз мы ночью меняли позиции, а этот... уснул в своем гробу. Так что ты думаешь — его местные нашли. Спасибо, не боевики. Дед один в папаше. Пришел и говорит: там ваш — в ящике. Мы понять не можем — в каком ящике? Когда разобрались, аксакалу тушняка насовали. А этого... ротный пообещал заживо похоронить. Реальный был бы двухсотый. Прикинь... Шевели копытами, Ксендз!

Обтерся Ксендзов снегом, шапку на лоб надвинул, набывившись, стоит за лейтенантом.

Смешной был солдатик Ксендзов — мелкий, незаметный. Таких война жалеет. Война в первую очередь здоровяков прибирает — кто покрупней, в кого попасть легче. На самом деле — как повезет. Одного сразу приголубит пулей в лоб. Другого покалечит. А третий, как заговоренный. Может, молятся за третьего крепче других? Не ведомо то.

На Ксендзовском «гробу» и уселись. Лейтенант выложил на планшетке карту, фонариком водит.

— Вот здесь мы. Тут — духи. Вашу позицию Ксендз покажет. Он там прошнырялся,

Чечня

как у себя в огороде. Я без него не хожу. Секреток поставил. Черт, а не сапер!

Сопит Ксендзов. Заахало тяжело. По ушам давануло.

— С Карпинки... саушки. Там и госпиталь. Близко от передка. Пятнадцать минут всего и на стол. Так бы половину раненых не вытащили. Ротный водку хирургам отдал. По врачихам духи из миномета долбили... А че, я думаю, правильно, что отдал — сколько пацанов... с того света!

Грохнуло в городе, взорвалось утро фугасным эхом. Перевезенцев не обращает внимания на частые взрывы, снова тычет пальцем в карту.

— Ксендзов знает. Там не больше ста метров до духовских позиций, можно совсем плотно подобраться. Квартал мы начнем чистить, вы услышите. Тарарама будет! После артподготовки и пойдем...

Когда с ночи низкое небо просветлело до серого, и бесформенные тени поползли по городским развалинам, начался бой.

Первый дом, который стоял на пути атакующих, зиял черными провалами окон и рваными дырами от прямых артиллерийских попаданий. В доме во многих местах дымилось и горело. Когда пехота мелкими группами по двое-трое, хоронясь за броней бэтеров и бмпэшек, двинулась вперед, боевики, выбравшись из подвалов, рассредоточились по нижним этажам и открыли по наступающим сильный огонь.

Иван с Саввой оборудовали позиции в пятиэтажке, стоящей параллельно с направлением атаки роты.

Маленький солдатик Ксендзов оказался болтливым не в меру. Бубнит и бубнит над ухом. Савва обосновался на крыше, Ивану одному пришлось терпеть доставу чего сапера.

— Когда через хребет шли... ух, красиво. Кавказцев видел, мама не горюй,

настоящих... собак, кобелей. Горбатые! Мужик там, пастух, овец своих собирал в кучу. Нам подарил одну.

«Угу, подарил», — ухмыльнулся Иван. — Слышь, заноза, отвали. Сиди, и чтоб не шевелился... Оп-пачки! Пошли... — Иван прильнул к прицелу. — Так вы не с Дагестана идете?

— Не-а, с за хребта... Терскава. — Тоже путевое. Все, Ксендз, нишкни. Паси выходы. Сзади подберутся — хана всем!

Ксендзов, сообразив, что шутки кончились, прихватил автомат, скатился вниз на один пролет, пошебуришал там немного и притих.

Танк и огнеметы загнали ожесточенно сопротивлявшихся боевиков в подвалы. Дом блокировали. Там, внутри, откуда валил дым, рвалось наружу пламя, слышались еще выстрелы.

Первым выполз на пустырь между домами танк.

Иван еще с первой войны с уважением относился к танкистам. Реальные смертники: сидят в консервной банке, и никуда из нее не деться! По тебе — из гранатометов, мины — под гусеницы. А ты — первым! А за тобой — голая пехота. Куда ж пехота без танка, куда танк без пехоты! За танком БТР вырывает, бэха — по левому флангу.

У Ивана рация на груди в разгрузке. Слушает Иван войну.

— Коробочка... кхрр... дай карандаш право... третий проем...

— Бу-бухх! — через пару минут в ответ с пустыря.

— Еще дай... левее ориентира... — Сухатый, шмеля... крайнее... шшш... на первом этаже...

— Тах-тах-тах... та-та-тахх...

— Таблетка, бля... штишш... Бутузу.. У меня трехсотый... двое... епта, ползи быстрее!

— Коробочка, по тебе выстрел... Мимо... Сдай назад! За угол, за угол...

— Сокол... Сокол первый!

— Началось, — вслух подумал Иван, надавил кнопку. — Я, Сокол первый.

— Гранатометчик... Ориентир два на фасаде один. Лево по окнам — раз, два, три...

Иван нашел нужное окно в фасаде дома. Чернела дыра, пусто внутри. Ниже, в оконных провалах копошится автоматчики, но то не его работа, то огнеметчики с фронта — запустят «шмеля» — всех выкурят. Мелькнуло в окне. Иван как пружина весь подобрался, но тут же по привычке, наработанной в снайперской школе, задышал ровно, пальцем, фалангой тонко коснулся курка.

— Вижу, работаю... Все произошло в считанные секунды.

Гранатометчик, расслабившись от безнаказанности, близко придвинулся к окну. Иван поймал его в окуляр прицела как раз в тот момент, когда тот, вскинув гранатомет на плечо, целил по рычащему, пятившемуся назад танку. Иван разглядел черные усы, короткую бороду и красный рот, открытый как в крике. Гранатометчик замешкался всего на мгновение, поднял голову. Иван навел острие галочки на горло с синим выпирающим кадыком. Оскалился хищно — и плавно нажал на курок.

Случается так в летний зной...

Когда духота кроет тело липкой влагой, когда уже нечем дышать, думаешь только об одном: скорей бы... скорей бы грянул ливень! Дождь прольется на землю, и свежий ветер, сорвавшись с небес, оттуда, где могучие восходящие потоки поют свои нескончаемые песни, принесет долгожданную прохладу. Стихнет ветер. Сжатое свинцовой грозой небо вдруг расколется надвое рыжей молнией. И грянет гром! Рухнет с ветвей испуганная птица, распластается по ветру; а которые слабы крылом, стукнутся о камень и сгинут в мутных дождевых потоках.

Иван увидел — отчетливо увидел, как враг, пораженный его пулей, вскинув руки, повалился назад в черноту проема.

— Первый!

И снова хрипела рация голосами войны. И не было Ивану времени торжествовать; он отпрянул от окна, пригнувшись, выбрался из пыльной комнаты.

— Сокол один, Соколу второму...

«О, Савва проснулся», — мельком подумал Иван, переваливаясь через груды развороченного взрывами бетона и кирпича. — На приеме Сокол...

— Работаю по крыше, тут засел один, да...

Оглушительно стрелял на пустыре танк, ожесточенно тяфкали пушками бэхи, заливался крупнокалиберным лаем пулемет бэтера. Продвигалась пехота. Вот уже подобралась к крайнему подъезду, ворвались внутрь. Может бойцы Перевезенцева, а может и не его — из другого взвода. Иван машинально искал глазами лейтенанта, но все не находил.

Засек Иван автоматчика-боевика. Снес ему голову — прямо в лоб.

— Второй...

За спиной послышался шорох. Иван замер — нащупал пистолет у пояса. Сзади раздался знакомый голос:

— Ша подвалы станут рвать... мои с саперного.

Иван оттер со лба выступивший обильно пот.

— Ну, ты ду-ура! Завалил бы тебя... Тебе чего сказали делать, хрен ли лазаешь за спиной? Присядь от окна, душара!

Ксендзов привалился к стене в тень, навинул на лоб каску, обиженно пробубнил:

— Мне на дембель весной.

Штурм дома подходил к концу. Иван глянул на часы и удивился. Три часа боя прошли как одна минута. Наступала развязка. Танк и огнеметы загнали ожесточенно сопротивлявшихся боевиков в подвалы. Дом блокировали. Там, внутри, откуда валил дым, рвалось наружу пламя, слышались еще выстрелы. Бой переместился на пролеты и этажи здания. Но скоро и там затихло.

Иван связался с Саввой.

— Сокол... Сокол второй, первому.. Ты где, чурка? Спускайся...

— Тшкрхх... Сокол... злой, как собак, — не обижается Савва. Савва хладнокровный. — Иду... лезу, да...

Бой закончился. У брони суета. Грузят раненых. Тяжелых укладывают внутрь бэтера, тех, кто сами двигаться могут, высаживают на броню. Бэтер взревел и, не разбирая дороги, через пустырь понесся к шоссе.

Ксендзов потянул Ивана за рукав.

— Гляньте, вон — мои! Ша подвал рванут. О, потащили...

К дому, пригнувшись, побежали двое солдат. Один волочил длинную палку с примотанным на конце зарядом. Запалив шнур и всунув заряд в подвальное оконце, саперы сразу же махнули обратно. Ксендзов комментировал над ухом:

— На минималку поставили.

Он не успел договорить, дом трянуло от мощного взрыва.

— Бб-бухх!..

Отдало по перепонкам. Из оконца повалил белый дым.

Ротный своим — подвалы зачищать.

Группа собралась и цепочкой — к первому подъезду. Ныряют внутрь по одно-

му. Савва потащил Ивана: пойдем глянем, разживемся трофеями. В это время из соседнего подъезда вывели троих. Черные. Шеи, заросшие густой щетиной. Шапки вязанные натянуты до подбородков, руки прихвачены сзади.

Быстро все, быстро...

Майор что-то сказал своим, как будто отмахнулся: само собой разумеется, чего спрашивать, воздух сотрясать?

Солдаты тех троих повели. Скрылись за броней. Очереди короткие стрекнули...

Темно в подвале, дымно, дышится с трудом. Впереди голоса:

— Переверни... Твою мать, это же наши!

— Перевезенцева взвода... контрабасы. Черт их потащил!

— Вовик... краснодарский пацанчик. Оскал у него выколот был на плече. Точно, он! Три дня как стинули...

— Хорош базарить! — раздался знакомый Ивану простуженный голос. — Чего смотрите? Называется, бухнули... Вытаскивайте что ли! Ксендз, ты чего тут шариться?

Иван прижался к подвальной перегородке. Лучи крест в крест. Шаги, топот.

Подсвечивая фонарями, солдаты проволокли два полураздетых безголовых тела. Он вспомнил Перевезенцева: когда тот заикнулся, но не стал говорить про контрактников.

— Слышь, Савва, заскучили пацаны, нарвались по пьяни, видать. Слышал чего бакланили? Духи поглумились...

Буча

— Мы тоже поглумимся. Там раненые...

— Какие... наши? — не понял Иван.

— Духи... духи, брат... пленные! — хохотнул Савва.

Они перебирались через месиво камней и человеческих останков: разможенные фугасами тела, стволы, бушлаты. Хрустит под ногами.

Впереди кто-то закашлялся.

— Сколько их? Пять... восемь... десять... Двоедохляки? Документы пошарь.

«Перевезенцев, — узнал Иван. — Осип совсем летеха».

— О-оомм... алля... мах... алла... — из угла не то стон, не то молитва.

Иван видит теперь спину Перевезенцева. Солдаты спуют по подвалу — фонарики шнырь, шнырь.

— Арабы!.. — Ксендзова голос. — Ксива не наша. Билет на самолет давнишний, — читает по слогам: — Аб-дул-ма-ли... какой-то. О, еп... да он негр! Нормально... Слышь, негр, ты откуда? Мы с Африкой дружим! Попутал?..

Заржали.

Перевезенцев снова закашлялся.

На полу вповалку лежало десять тел. Мертвых не стали долго ворошить, только карманы вывернули. С одного стянули ботинки.

Ухмыльнулся Иван.

Фонарик вырвал из темноты молодое искривленное болью, страданиями лицо. Раненый застонал. Его пнули с двух сторон. Он вскрикнул, но подняться сам не смог — потерял много крови, почернели бинты на руках. Тогда двое солдат подхватили его, вздернули наверх. Так держали перед лейтенантом.

— Аааа! — взвыл раненый. — Шяйтаны! Кяфи... собаки! Алла... акба... Рез-аать будим!

— Ну ладно, ладно... чего ты орешь? Че орешь, говорю?!

Куда вся интеллигентность лейтенантская делась. Вот она, война — сука!

— Откуда форма? С нашего снял? — спрашивает Перевезенцев.

Иван заметил, что на боевике солдатский бушлат, пятнистая хэбэшка, даже сапоги армейского образца — кирзачи. Вдруг закричал молодой истерично. Куда весь акцент делся!

— Да-а... я ваших резал! Как свиной... они визжали, скулили-ии! А-ааа...

Солдаты с двух боков прижали говоруна за раненые руки.

— Товарищ лейтенант, — Иван тронул Перевезенцева за плечо. — Да он обдолбанный! Тут шприцы кругом...

Засипел Перевезенцев:

— Все. Нечего говорить. Валите всех, — и потянул на себя затвор автомата.

Савва вдруг подал голос:

Чечня

— Э, лейтенант, не надо стрелять. Зачем боеприпасы тратить — да? Злой боевик, как собак.

Замерли все, кто был в подвале. Только стоны из угла — пленные зашевелились, услышав шоркающий звук вынимаемой из ножен стали. Затянул Ксендзовский негр свою молитву...

Возопите, люди! Возопите святым на небесах! Может, услышат они и скажут Богу, чтоб простил он нас — неразумных!

Говорят, смерть от ножа — страшная смерть. Мучительная. По-научному, по-медицински — вовсе нет. По-научному быстро и как в тумане: провел острием ножа по горлу, по жилке, по артерии — освободится кровь, вырвется наружу. И стихнут все звуки. Уснет обескровленный мозг. Тело еще дрожит, сердце стучит в груди, ноги сучат по осклизлой земле. Но уже не страшно: спит мозг — туман в глазах.

Кто знает — кто проверял на себе, но те уж не расскажут, как на самом деле.

Второй без шлема — глаз подплыл свекольным шишаком — зубами рвет пачки бинтовые, держит голову товарища на своих коленях и крутит, крутит бинты.

Людам видеть страшно развороченную шею, сломанный кадык. Голова!.. Страшна человеку отсеченная человеческая голова. Так не должно быть на нашем свете.

Но бывает.

Склонился Савва над тем, молодым, блеснул в желтом луче клинок. Молча все делал Савва — захрипело, забулькало под ним. Развернулся лейтенант и пошел прочь. Иван остался, как привозило его. Вопли, хрипы, хруст... Темно в подвале, только лучи тусклые. Не видно Ивану, но слышно все. Вдруг голос — Ксендзова голос:

— Ну, чево, негр, попутал?

— Алла... ахрсус... ссуукаа...

— О, ты глян... Не рыпайся! — слышно, как тужится, кричит Ксендзов. — По-нашему ругается. А еще негр! Не трепыхай-ся...

Полк выполнил поставленную на день задачу: развернувшись во фронт, роты обустраивались на ночевку. По позициям боевиков теперь почти беспрестанно работала артиллерия и минометы.

Стемнело.

Запыхали костры.

Солдаты тащили в огонь все, что горело и плавилось. Грелись, сушили портянки, терли снегом натруженные за день ноги. Офицеры докладывали по команде, что и как было, кто выбыл по ранению, сколько нужно боеприпасов на завтра. Ивану с Саввой объявили от ротного благодарности за того гранатометчика и снайпера с

крыши, что сбил Савва. Успел снайпер раз только стрелнуть — положил сержанта, того самого, Сохатого. Пили за Сохатого и второго погибшего: кто — хоронясь от лейтенанта, водку, кто — чая из сухпаев жидкого, но горячего. Помянули горячим и стали укладываться. Ушли солдаты в охранение. Иван почистил винтовку, бросил Савве масленку, тот вечно терял мелочи хозяйственные.

Ксендзов — как репей. Савва к нему тоже проникся. Несут всякую дурь, гогочут.

— А че, я думал первый раз... там страшно, как говорят... это, убивать. А мне пофиг было, мама не горюй! Только трахей у этого... негра, хрустела. Противно! Как по пенопласту ногтем.

— Га-га-га, — смеется Савва. — Душара, да!

— Мне на дембель...

Маленький солдатик — Ксендзов, таких война жалеет.

Роту Перевезенцева на следующий же день сняли с переднего края и отвели в тыл на доукомплектование.

Савву с Иваном откомандировали прикрывать «вованов», штурмовые группы Внутренних войск. Потом снова притулились к своим пехотным «слонам». Так и крутились по городу: оглохли от канонад, тело от грязи даже не чесалось уже — зудело с пяток до ушей.

Нашкрывал Иван восемь зарубок.

Укатало его — постепенно развоевался Иван: и уже не так билось его сердце, когда падал поверженный им враг. Стучало ровно — тук-тук, тук-тук.

Девятым стал мальчишка-подросток, лет двенадцати — не больше.

На Черноречье у детской больницы, где водохранилище, завязались тяжелые бои.

День, второй. Не

могут выкурить бое-

виков. Вроде, видела

разведка, как зани-

мали бородачи дом.

Пехота совершает

маневр. Команду

— артиллеристам.

Разнесут саушки в

прах хрущебу. Пошла

пехота зачищать. И

— на мины! Раненые,

убитые как водится.

А в доме пусто — ни

тел, ни следов. Потом

сообразили. Боевики

в дозор выставляли

салажат — шнырей. Кто станет по мальчишкам палить? Люди ж тоже — не звери.

Иван выстрелил.

Мальчуган прыгал по развалинам, ковырялся в носу, всем видом давая понять, что он беженец, каких тысячи, что он просто еще одна жертва войны...

Иван выстрелил. Он видел, как точно вошел стальной наконечник мальчишке в висок, как бросило голову, а затем дернулось вслед тело — землю из-под ног вырвало бедовым ветром, сорвавшимся с небес.

Боевиков зажали в клещи под Ермоловкой. Остатки банд загнали на минное поле, где и легли многие из оставшихся непримиримых — арабов, наемников, проклятых своим народом глупцов, вставших под знамена убийцы и маньяка Шамиля Басаева.

Но это уже материал для документальных изложений...

Басав уходил. Его и кучку обезумевшего сброда преследовали штурмовые отряды армейской пехоты и Внутренних войск. Кружили над Катыр-Юртом боевые вертолеты. Крыла «коврами» артиллерия. Здесь, у самых предгорий, отчаянно сопротивлялась группа боевиков — оставленное умирать прикрытие.

Полковник от разведки нервно мял пальцами сигарету, раскрошил — выбросил, достал другую. Иван, догнав патрон в патронник, щелкнул предохранителем.

— Броню видишь? — полковник указал в сторону села. Метрах в ста от крайних домов дымился бэтер. — Мои на противотанковую... наварались. Оттуда из посадок снайпер работает. Не подобраться...

На село заходила в боевом порядке пара вертолетов. Полковник поднял голову. — По селу.. Снайпер тот с лесочка, с края... Вертолеты выпустили заряды. Ракеты, оставляя тонкий дымный шлейф, с диким воем впивались в дома. Загрохотало. Над селом поднимались думы. Где-то сбоку, свалившись на снарядный ящик, орал оглохший, одуревший от бессонницы авианаводчик:

— Полсотни первый, зайдя еще раз. Замечено движение... уходят к лесу... азимут сорок, дальность тыща... две группы...

— Там раненые тяжелые. Каждая минута дорога. Пока вертушки загрузятся, да зайдут по новой... — продолжал мять сигарету полковник. — Там пацаны мои. Я с ними от Дагестана...

Рассыпалась сигарета смокшимся табаком на ботинки полковника.

Они поползли.

Вдоль поля тянулась канава — ложбина неглубокая, но от пуль укрывала. Метров через сто канава уходила правее, здесь и было самое близкое место до подбитой бронемашины.

Голое поле впереди.

Калмык, перевалившись на бок, прижал к груди винтовку. Бронежилеты и разгрузки они скинули, чтобы легче было. Иван поджал колени, напрягся.

— Савва, слышь...

Метров тридцать. Добежим?

Савва оттер с выпирающих скул земляную кашу, ощерился.

— Я первый, брат...

— и рванул из-за бугра.

Бежал Иван, и ветер бил в лицо; они бежали, почти не пригибаясь, что было сил, словно зайцы петляли по снежному полю, сбивая берцами жухлые травяные стебли. Прилетели пульки... Мимо, снова мимо! Десять метров, пять... последний рывок! Рухнули оба под искореженные миной мосты бэтера; запахло жженой резиной, чем-то едким, тошнотворным.

Петлял проселок через поле к селу. На проселке и подорвалась разведка. Хотел водитель быстрее проскочить по ровному. И наварались. Двое в живых только и остались.

Воронье — над головами, над полем. Кружат, кружат. Им что ветер, что грохот кругом. Ниже, все ниже кругами ходят — кормежка на земле. Уже напробовались человечины. Чуют свежее...

Один в изодранном комфляже был тяжелый совсем. Второй без шлема — глаз подплыл свекольным шишаком — зубами рвет пачки бинтовые, держит голову товарища на своих коленях и крутит, крутит бинты. У самого рука плетью висит. Иван потянулся помочь ему.

— Са-аам!.. — горлом навзрыд; трясет его. — Кххыр, пхух... — ему, видать, все ребра переломало, дышит — выхрипывает кровавую мокроту. — Акве... Хху, тыфу!.. Акведуки видишь?

— Что?..

— Система орошения... арык... бетон... там он, они... двое, — на бред слова похожи. — Костика сбросило, он кричит... Пополз... Нету Костика! — намокают бинты, не успевает мотать одной рукой. — Дыши, Вася! Пацаны вытащат...

Иван понял. По краю поля пролегала оросительная система — акведуки — бетонные желоба. В них и прятались стрелки.

Вот оно — полюшко солдатское — и вдоль, и поперек перед Иваном. Сколько песен пелось про него, стихов слагалось: как ложились солдатские головы и на запад, и на восток, а ложились с незапамятных времен. И будет так до века. Чем Иван лучше Костика того или майора доходившего? Тем, что жив пока, кровью не харкает, голову носит на плечах. Да в чем же дело? Только и есть в нем, что рубаха прокис-

шая, да шкура, прилипшая к костям. Бери, смерть, если такое добро тебе сподится! Ты уж сегодня натешилась, старая. Потешься еще: погляди, как без нужды, но по собственной воле — так, как должно сделать это солдату — выйдет он в поле и станет умирать.

А Иван уже решил.

Савва — снайпер. А он, кто он — мститель, мытарь? Все едино теперь...

Но не наобум, а точно все рассчитал Иван, что этот выстрел, десятый, пусть сделает за него Савва. Савва не промахнется. Савва хладнокровный. У Саввы глаза — нитки. Не повезет Ивану — Саввина пуля пойдет за Жорку в зачет. Повезет — он свою зарубку потом нацарапает. Будет время.

— Ну что, чурка, сыграем в кошки-мышки?

Савва не скалится, глядит на Ивана, вдруг брови сдвинул, заходил калмычками своими скулами, ухо рваное почесал.

— Брат, ты злой... но ты брат... Давай я — да? Я быстрый, ты стрелять будешь...

Буча

Не дал Иван договорить Савве, вдохнул поглубже.

— Работаем!

И выскочил на поле. Приник Савва к прицелу, замер, врос в раскаленное, залитое кровью железо бэтера. Тут проще было и не придумать: Иван вызывает огонь на себя, Савва бьет навскид. Промажуться Савве нельзя, тогда конец Ивану, точно конец.

С двух стволов забили по Ивану...

Но были то дурные стрелки — пастухи, деревенщина. СВД штурмовая — не игрушка. Не везет пастухам.

Успел Иван домчаться до взгорочка. Савва положил двоих: два выстрела — два трупа.

Нету у Ивана времени на передыхи: Вася-майор обливается кровью. На минуты его жизнь мерится, на секунды.

Савва из-за брони высунулся: отбой — кранты духам!

Иван поднял голову и в ответку машет — расслабуха навалилась:

— Слышь, чурка, тебе сказали одного, а ты...

В следующее мгновение случилось обычное для всякого сражения: тот колокол, который гудел две войны в Бучиной голове, который не давал ему спать, который будил его, как не разбудят взрывы и выстрелы, вдруг с дикой нечеловеческой силой загудел и лопнул внутри под каской. Но еще успел Буча почувствовать, будто бы этой нечеловеческой силой разорвало ему голову на миллионы частей,

успел понять, осознать, что вот и он умер — убит... как другие. Он упал, неестественно откинув голову и выпустив винтовку из рук.

Третьим выстрелом Савва добил раненого стрелка из акведука.

С того конца поля бежали бойцы с носилками. За бойцами пер, не разбирая дороги, запоздалый медицинский бэтер.

Грозный горел от края и до края. Черный дым от полыхающих нефтяных скважин застилал горизонты.

6 февраля 2000 года командующему объединенной группировкой федеральных войск доложили, что сопротивление бандгрупп в Грозном полностью сломлено: освобожден последний дом и над городом поднят российский флаг.

Войска праздновали победу.

В наградных отделах уже готовились представлять за храбрость, мужество и отвагу...

Продолжение следует...

Чечня

Алексей Муратов

Связист. Участвовал: Чечня.

http://artofwar.ru/m/muratow_a_i/

ЧАЙ

«Который день мы чешем Грозный всем отрядом...»

Борис, ОМОН Московская обл.

Мы познакомились с ним просто.

— Генка! — сказал он.

— Сергей! — сказал я.

Просыпаться окончательно страшно не хотелось, но я чувствовал, что это все просто так не закончится.

— Ну, и что дальше? — спросил я, рывком сев на втором ярусе кровати.

— Надолго к нам? — ехидно поинтересовался он.

— Нет! Месяца на полтора. Раньше что-то возвращаться не хочется! — в тон ему ответил я.

Со сном приходилось явно расставаться на неопределенное время.

— Тебя сюда кто положил? — мой новый знакомый был явно озадачен создавшейся ситуацией.

— Не меня, а нас! — поправил я. — Да, из ваших кто-то! Я у него что, фамилию спрашивал?

Знакомый задумался.

— Спальник мой отдай... А впрочем, спи! Я себе место найду, — наконец выдал он, но уходить, кажется, не спешил.

— Ладно! — успокоился я и спросил: — Чай есть?

— Чай??? — такой удивленной реакции на подобный вопрос я еще нигде не слышал.

Возникла очередная пауза, чтобы она не была слишком долгой, я осторожно произнес:

— Если сумку найдем мою, то у меня там еще спирт остался.

Он вздохнул, оглянулся через плечо и сказал:

— Пошли! Сейчас все найдем.

Потом рассмеялся и уточнил:

— Может быть, только кроме твоей сумки.

Я приготовился оправдываться, но он предостерегающе поднял руку, прислушался...

Через пару секунд я услышал шорох, за спиной моего нового знакомого выросли несколько темных фигур. Еще секунд через пять послышались негромкие возбужденные голоса...

— Тихо! — почти в голос сказал он.

— Это не гости, это к шефам замена приехала. Ищите свободные места и спать!

— Саня! — наудачу толкнул я ногой одного из своих, по-моему, занявшего соседнюю со мной койку.

— Я не сплю, — послышался ответ.

— Сумка моя где? — перешел я на шепот.

— Да у меня тоже есть! — ответил Саня тоже шепотом, — во фляжке!

— Вставай давай, — прошипел я, — а то сейчас и отсюда выкинут.

Попытка искать новый ночлег в полной темноте, в новом для нас месте, среди совершенно незнакомых людей была схожа с попыткой храброго таракана прогуляться по полу троллейбуса в часы пик. Попадать в кандидаты в самоубийцы для первого дня командировки казалось несколько преждевременным не только мне. В районе Санькиной кровати что-то булькнуло. Врубившись в ситуацию, он явно нашел свою фляжку.

— Эй! — раздался чей-то голос. — Кто чай просил?

— Я! — ответил я громко и чуть тише добавил: — только не просил, а спрашивал!

— Кати сюда! — послышалось в ответ.

— Нас тут двое таких! — сказал я, начиная слезать с койки.

— А нас так вообще дохрена! — услышал я смех, здорово треснувшись обо что-то коленом. Следом за мной прыгнул Сашка.

— Эй! Спичку зажгите!

В ответ зажглись три-четыре зажигалки. От некоторых из них прикуривали. Глаза к темноте привыкли, да и зажигалки давали какой-то свет. Рядом с железной печкой-буржуйкой сидели четверо. Я протянул руку:

— Сергей.

— Тетка, тетка, Саня, Шурик, — услышал я, по очереди пожимая руки.

— Саня, — протянул после меня руку Сашка.

— Серега, Серега, тетка, тетка, — перечислили голоса в обратном порядке.

— Тоже неплохо! А что? Других-то нет? А то хрен запомнишь вас, — проворчал я, — а Генка где?

— Генка нам кровати ищет, работа у него такая, — сказал кто-то из Сашек и Сергеев.

— Что, по кроватям специалист? — снова проворчал я, делая вид что, хочу сесть, но не знаю куда.

— По всему специалист, — чуть помедлив, ответил мне кто-то из наших новых знакомых, двигаясь, — взводный наш, вот и все.

— Ребята, я стаканчик не взял, у кого есть? — раздался Сашкин голос.

— На! — кто-то посветил зажигалкой, и в воздухе возник пластмассовый, такой помятый, что даже смотреть на него было больно, как на всю Россию, вместе взятую.

— А вода есть? — задал очередной вопрос Сашка.

— Вода? — реакция на Сашкин вопрос новых знакомых была схожа с реакцией Генки на мой вопрос насчет чая.

— Да где-то была... Только где ее сейчас найдешь? Перебудим всех... А зачем тебе вода? — забеспокоились наши тезки.

— Да у меня... — Сашка не договорил.

— Спирт! — раздался за его спиной уже знакомый мне голос.

— Значит так! Спирт потом, сегодня мы угощаем. Триплекс! На! Зажги! Зажигалка уткнулась в свечку. Стало так светло, что вдруг стало видно всю нашу компанию.

— Во втором взводе кроватей десять свободно, — продолжил тот, который был Генка. По чуть командному тону чувствовалось, что обращается он не к нам.

— Хм! Хм! — закивали те четверо головами. Я присмотрелся. Я когда-то умру. Скорее всего, что в рай я не попаду точно. Но таких, с позволения сказать, рож, я до этого момента не ожидал увидеть даже после смерти.

— Ну, ребята, у вас и вид!!! — смог все-таки сказать я, непроизвольно показывая рукой на то, что меня так удивило. Рожи посмотрели друг на друга и начали сдавленно хихикать.

— Понятно! — сказал один из чертей, пошарив за спиной рукой. На свет появилась литровая бутылка водки. Водка полилась

в подставляемые ладони. С четвертого или пятого наклона бутылки рожи превратились в обычные, хотя и бородатые, но мужские лица.

— Черти. Опять от печки прикуривали? — прокомментировал стоящий сзади нас Генка.

Те вяло попротестовали, не переставая хихикать и толкать друг друга локтями, но другой версии в оправдание представить не смогли.

— Газопровод взорвали, газа нет, с неделю уже, — объяснял нам, больше некому, Генка. — Приловчились сворачивать тряпки, мочить в солонке и топить.

Скорее всего, что в рай я не попаду точно. Но таких, с позволения сказать, рож, я до этого момента не ожидал увидеть даже после смерти.

Неплохо, в общем, только чадит сильно. А привычки остались прежние...

Тем временем наши тезки достали вторую такую бутылку. Пили по очереди, за знакомство. Закусывали чем-то из пластикового пакета. После второго захода бывшие черти тихо ушли, а взводный довел нас до места, где мы раньше спали, и ушел тоже. «А чай?» — подумал я, укладываясь.

Второй раз мы встретились с ним также случайно дня через три-четыре. Я узнал его по голосу. Он сидел, привалившись к стене, положив на колени автомат и что-то говоря в радиостанцию. Я подошел к нему, сел рядом на валяющуюся автомобильную покрывку и вежливо сказал:

— Кто-то чай обещал?

— А кто-то спирт... — ответил он, искоса взглянув на меня. Мы оба замол-

Чай

Чечня

чали. Он поднялся, посмотрел на меня.
— Ты тоже едешь?
Я кивнул головой.
— С меня чай, с тебя спирт, когда приедем.
— Идет, — согласился я.
Он протянул мне руку, я протянул свою, он помог мне встать. Мы приехали обратно. Нас даже ни разу не обстреляли. К слову сказать, что мы этого не сильно и просили. Ни чая, ни спирта в этот день не было.
Прошло еще сколько-то содержательных и не очень дней.
— Ну. Как спирт?
— Да так же, как и чай, — ответил я.
— Сразу не попили, не стоит и начинать, — сказал он.
— Ага. Я понял, — кивнул я. — А предлагать это уже традиция?
Он рассмеялся.
— Ты тоже едешь?

— Тоже, — ответил он, смеясь.
Мы опять уехали и приехали обратно. Еще через день, после обычного нашего приветствия его посадили на другой БТР по имени «Ленка». Едва успев тронуться с места, «Ленка» безнадежно заглохла, заводиться вновь категорически отказалась. Прикрытие с «Ленки» пересело, было, к нам на «Светку», тоже БТР.
— Что-то тут дохрена вас, — удивился комендант, увидев двойной состав прикрытия.
— Ты, ты, ты! — тыкал он в неуспевших угнездиться на броне ОМОНовцев. — Слазь!

В Генку он ткнул первым.
— Да и тебе сегодня там делать нечего. Завтра поедешь, — показал он последним на меня...
В этот день мы потеряли семь человек убитыми, еще троих ранеными. Мина МОН-100, направленный взрыв. Четверо от осколков погибли сразу, зажав своими телами пулеметную башню «Светки». Уже раненного пулеметчика, сидевшего сзади, в два выстрела добились снайпера. Еще двое прожили чуть дольше. Один минут сорок, второй до вечера.
Генка и я поехали на следующий день. Мы уже не смеялись, спрашивая друг друга о чае и спирте, а, приехав, стараясь...

Мы остались. Потом уехали и мы, пожав на прощание руки тем, кто пришел вместо нас. Некоторым не довелось ТАК пожимать руки...

второго», «Группа крови». Что мы только не пили: водку, спирт из Сашкиной фляжки, забравшегося внутрь БТРа за пять минут до подрыва из-за начавшегося дождя. Был даже коньяк не из обычных трехлитровых банок, а из бутылки! Когда мы уже чувствовали себя достаточно хорошо, в дверь негромко постучали. Генкины подчиненные принесли аж два чайника чая и сели вместе с нами.
— Ну, что? Сдержал я все-таки слово? — обратился он ко мне.
Я не успел ответить. Он встал и, указав на вновь прибывших, обратился ко всем сразу.

— Вот свидетели. Из-за него я эту песенку написал, — он показал на меня и запел...

*Дым костра и огонь сигарет,
В котелке закипает чай.
Жизни нет, но и смерти нет,
Только чай, только крепкий чай...
Забываемся мы от войны,
Кто с гитарой, а кто с вином.
Перестрелка и шум стрельбы —
Это завтра, это потом...
Не пугают разрывы нас,
Не услышишь, когда в тебя.
Каждый час, как последний час,
Проживи его как всегда...*

Всем нам еще предстояло многое. Им меньше, завтра приезжала их замена. Нам больше, так как они уже прошли то, что, может быть, предстояло пройти нам. Он уехал со своим отрядом, живой и здоровый. Мы остались. Потом уехали и мы, пожав на прощание руки тем, кто пришел вместо нас. Некоторым не довелось ТАК пожимать руки... Их могилы разбросаны от Москвы до самых глухих деревень. Их хоронили по-разному. Кого-то под троекратный залп воинского салюта, кого-то только под причитание родственников, плач невесты или даже бормотание приходского попа. Некоторых все еще ждут. Ждут, не теряя последней надежды, упрямо ставя «за здравие» свечи в церквях...

Когда-нибудь я встречу его. Я подойду и спрошу:
— Ну, и как же чай?
— А как же спирт? — может быть, ответит он мне.
Конечно, ответит. Ответит при условии, что не побывает больше ни на какой другой войне...

Февраль-апрель 2000 года

Как не сбываются мечты

Денис Бутов

Ефрейтор. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/b/butow_d/

КАК НЕ СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

Огони! Дым режет глаза. БТР горит. Я горю! Рвутся коробки с патронами. Вылезти, немедленно выпрыгнуть! Не могу! Ноги! Ноги зажало! Горю!!! Больно!!! Не хочу!!! Харлей! Харлей, сука!!! Вытащи меня!!! Не могу больше!!! Не могу!!!
— Денис! Денис!
Я сажусь рывком на кровати. Дома. Простыня мокрая, я тоже мокрый. Вспотел, блин.

— Ты мне опять спать не даешь. Ты опять кричишь во сне.

Это мой брат. У нас с ним одна комната на двоих. С тех пор, как я уволился в запас, спокойный сон у него кончился. Если, конечно, не считать случаев, когда я не ночую дома. Впрочем, таких случаев немало.

— Извини, Серега.
— Да ладно...

Иду в ванную, сую голову под струю воды. Спать уже совсем не хочется. Моя бы воля, так я бы вообще не спал. Мама спрашивает, почему я так много пью. Ха! Да потому, что когда я сваливаюсь пьяный, я не вижу снов. Вот почему.

На кухне прохладно, там всегда открыта форточка. Встаю у окна, закуриваю. Смотрю в ночь...
— Удачи, Балу!
— Удачи, Ден!
— Чтобы все было хорошо!
— Удачи, Ден!
— Удачи!
— Удачи...

Балу — это меня так звали в роте. Сначала прозвище было «Баламут», потом оно сократилось до «Балу». Меня уважали в роте. За что? Может быть, за то, что я старался быть... ну, справедливым, наверное... быть надежным... быть. Не всегда получалось, но я, по крайней мере, старался. Быть человеком. Не волкодавом. Многие у нас в бригаде стали волкодавами — злыми псами, которым все равно, кого рвать — волка ли, чужого человека, своего щенка. Волкодавов тоже уважали. Через страх. Я

видел, как менялись лица у молодых, когда они слышали голос Мама. Хотя на самом деле Мамай — вовсе не плохой парень. Он просто отморозок. У него три контузии, легкие, правда, но три. Заводится он с полпинка, как хороший мотоцикл. Но все равно, хоть дедовщина у нас в роте и была, но не такой беспредел, какой был, когда я приехал в бригаду. Отслужил я к этому времени месяца четыре. И приехал. Летал,

как сраный веник. Вообще у нас в роте мало волкодавов, в основном они в гэсн. Группе специального назначения. У них и командир — волкодав.

Провожали меня... Весело меня провожали. Смутно помню, как открыли ворота, постелили под ноги чистое полотенце. Ноги вытереть. Дурацкая традиция, честно говоря. Толпой довели до автостанции, посадили на автобус. Помню, что отлить выходил в Буденновске. В Пятигорске был уже почти трезвый. Башка трещала, так я пошел в буфет, еще водки хлопнул. А ехал я не сразу домой, ехал к родне в Черкесск. А когда домой собрался, шахтеры в Ростове на рельсы сели. Касками застучали. Я и прикинул, что если поеду на поезде, то домой приеду еще месяца через три. А я хотел на поезде ехать. Не знаю, почему, но хотел. Ну, а тут пошел и купил билет на самолет. С серебристым крылом.

В аэропорту в Минводах вышел покурить на крыльцо. Капитан какой-то:

— Привет, разведка.
— Привет, — говорю.
— Домой едешь?
Разговорились. Военный комендант аэропорта оказался.
— По соточке? — это он мне.
— Ну, а чего ж?
До самолета мне оставалось часа четыре. В общем, меня потом в самолет грузили, как ценный груз. Проспал всю дорогу.

Вышел из самолета, пошел пешком до терминала. Выхожу из терминала, иду к автобусной остановке. Окликают. Отец с братом. Е-мое! Брат за два года так повзрослел... Я даже не узнал его с первого взгляда.

Приехали домой. Домой! Туда, куда так рвались мы все, туда, где все наши мечты были. Домой, домой! «Взовет ветер за бараками, БМП нам лязгнет траками. Домой, пора домой!» Козырная песня была. Домой...

Бродил по квартире, как неприкаянный. Вспоминал, как я жил два года назад. В прошлой жизни.

— Не спится?
Это мама. Почувствовала запах табачного дыма. Забыл закрыть дверь в кухню.
— Да, мам, не спится.
— Опять что-то снилось?
— Нет, мам, все нормально. Просто не спится. Все хорошо, мам. Иди спи.

— В армии служил?
— Да. Вот военник.
— Это хорошо. Нам нужны отслужившие. А где служил?

Пришел я устраиваться на работу. В частное охранное предприятие. Охранником. По объявлению. Первый месяц я пил. Не просыхал. Потом кончились деньги. Брать деньги у родителей мне было неудобно и стыдно, но все равно брал. Не на водку — на сигареты и разные мелочи. За этот месяц мне раза четыре звонили из разных милицеских контор — ППС, вневедомственной охраны. Отвечал я им всем одина-

Чечня

ково — извините, два года я отдал МВД, с меня хватит, поищу что-нибудь другое.

— Во внутренних войсках.

— А конкретно?

Восстанавливаться в институте я не хотел, мама уговорила. Студент из меня, если оценивать объективно, никакой. Но уговорила. Пришел, восстановился. Бухгалтер, етигна мать. Уходил со второго курса экономического факультета, восстановился на четвертый курс бухучета. Не завидую я той фирме, что меня бухгалтером возьмет.

— А конкретно — в разведоте.

— А-а-а... Разведка? Спецподготовка там, рукопашный?

— Ага. Спецподготовка и рукопашный.

— А это что? ...Выполнял служебно-боевые задачи в составе...? Воевал, что ли?

— Было дело.

— Извини, такие нам не нужны.

У меня отвисла челюсть.

— Почему?!

— А вы все оттуда больные на голову возвращаетесь, а у нас оружие боевое выдают. Мало ли, чего ты учудишь, дай тебе настоящий пистолет.

Я молча смотрел на него, на этого чмыря в очочках. Он засуетился, видимо, почувствовал себя неутоно. Решил, наверное, что сейчас на себе испытает неадекватность поведения «вернувшихся оттуда». Я расхохотался. Вспомнил, что я учудил (учудял? учуждал?) со своими пулеметами. Да, действительно, дай мне НАСТОЯЩИЙ пистолет... Пулеметы-то игрушечные были. Да и автомат, с которым спал и в сортир бегал — тоже фальшивый. Настоящий пистолет, бог ты мой! Я согнулся пополам, от смеха слезы катились по щекам.

Зато меня любят собаки. И я их люблю. «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки». Я не люблю людей. Совсем. В общей их массе.

Чмырь, видно, подумал, что у меня началась истерика. Только бы он не начал меня по щекам хлопать, подумал я. От этой мысли меня согнуло еще больше. Упал на стул, с трудом успокоился. Вынул носовой платок, вытер глаза. Этот засранец протянул мне стакан с водой. На, мол, выпей, легче станет. Я встал, поблагодарил за интересную и содержательную беседу, взял у него из рук стакан, вылил ему на аккуратно причесанную голову, забрал документы и вышел.

— Домой хочу! Знаешь, Балу, как дома классно? Знаешь, как меня ждут?

— Знаю, Харлей, знаю. Меня тоже ждут. Вранье. Никто меня не ждал. Кроме родни. Гражданка, на которую рвался два года, о которой думал и мечтал, оказалась поносным местом. У тебя нет денег? Ты слабак. Ты был в армии? Ты не смог отма-

заться, ты дурак. Ты был на войне? Да еще и рапорт туда сам написал? Ты полный дебил.

Остались еще друзья. Которые тоже ждали тебя. Как выяснилось — напрасно. Мы больше не понимаем друг друга.

— А Расскажи, как там на войне?

— А Расскажи, страшно было?

— А Расскажи, ты убивал?

— А Расскажи, как это?..

— А Расскажи?..

Я рассказывал. Когда пил. В полуневменяемом состоянии. После того, как я на одной из пьянок рассказал о том, почему часового лучше душить, а не резать горло, девушка, которая мне нравилась, перестала со мной общаться. Просто бросала трубку и не открывала дверь. Видимо, не понравились физиологические подробности.

Однажды пили в общаге на краю города. Не помню, как, но оказались мы в гостях у соседей. А соседи оказались чеченцами. Я сидел голый по пояс, молча пил водку, подливая себе сам. Когда один из чехов налил мне в стакан вина, я выбросил стакан в окно. Не помню, почему я не ушел, просто не помню. Наверное, потому, что там сидели мои друзья. Ну, я так думаю. Сидел и терпел. Когда чех сказал мне, показывая пальцем на мой опоз-

навательный медальон, «смертный жетон»: «В следующий раз, когда придеешь, сними его у дверей», я не выдержал. Меня оттащили. Хорошо, что меня оттащили. Иначе я его завалил бы. И сел бы. Из-за чеха.

Включил чайник, закурил очередную сигарету. Спыхватился, закрыл дверь кухни.

Когда приехал в Черкесск, пошел гулять по городу. Я ездил туда каждое лето года, этак, до девяносто четвертого. Тихий, зеленый городок. Есть в нем своя прелесть. Идешь по улице — растут абрикосы, алыча, тувонник. Залазь на дерево и лопай.

Стояла остановке, ждал троллейбус. Хлоп-хлоп! Выхлоп дизеля грузовика. Рефлексы сработали, как у собаки Павлова. Очнулся в кустах, нашаривая автомат. Секунд десять нашаривал. Потом осознал, как я глупо выгляжу. Смотрю

— все, кто был на остановке, человек тридцать, на меня уставились. Ну, я представляю, как это выглядело со стороны — стоит парень, как припадочный прыгает в кусты и выглядит оттуда. Я встал, штаны отряхнул, сделал морду лица поиндифферентнее, мол, так задумано было. В троллейбус уже не полез, пешком пошел. Уши, наверное, аж светились у меня.

Уже дома гулял с девушкой по парку. С той самой, которая, как оказалось, не любит снимать часовых. Она так и не поняла, почему я встал, как вкопанный, сказал ей «Стой!», постоял несколько секунд, рассмеялся и пошел дальше. Я не стал ей объяснять, что валяющуюся на земле ржавую табличку с кусками торчащей оттуда проволоки я принял за растяжку.

Зато меня любят собаки. И я их люблю. «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки». Я не люблю людей. Совсем. В общей их массе. За очень редкими исключениями. Я не могу любить людей, которые говорят мне: «Ты не смог отмазаться от армии? Значит, ты бедный. А если ты бедный, значит, ты глупый». Я не могу любить людей, которые говорят мне: «Ты еще молодой и сопливый, вот поживи с мое...». Я не могу любить людей, которые каждый день обедают в дорогих ресторанах. Пускай это всего лишь зависть с моей стороны, пускай мне говорят, что можно честно заработать такие деньги. Все равно я не могу любить таких людей. Я не могу любить людей, которые могут ударить собаку. Я не могу любить людей с пустыми глазами.

Я не умру молодым, я знаю это. Потому что мне уже поздно умирать молодым. Я уже не молод. «Нам по двадцать семь лет и все, что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ...». Мне еще даже не двадцать семь. Я даже не вклеил еще вторую фотографию в паспорт. Но я уже не молод. Я никому не говорю этого, потому что люди будут смеяться. Я не люблю этих людей. А еще я не люблю людей, которые меня жалеют. А еще я не люблю себя.

Только не надо меня жалеть. Оставьте себе шанс.

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/

Уважаемые читатели. В этом номере мы начинаем серию статей под общим названием «Отработанный материал».

Предприятие под названием «Первая Чеченская» обанкротилась, а его дочка «Чеченская вторая» по счетам не платит. Пропавшие без вести люди признаны отработанным материалом, списаны со счетов и отнесены в статью «расход». Монетизация войны произошла успешно. Имя твоё неизвестно...

В этих статьях речь пойдет о поиске наших солдат, пропавших без вести в Чечне.

В 1994-ом году была создана Комиссия по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести при Президенте РФ, которая занималась установлением судеб советских военнослужащих. Иницировал ее создание начальник Института военной истории Дмитрий Волкогонов. Он же и стал ее председателем. До этого в СССР такой структуры попросту не существовало. Поиском и

Виталий Бенчарский:

«ПОИСК ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ГОСУДАРСТВУ НЕ ИНТЕРЕСЕН»

— Поначалу чеченцы наших пленных отпускали. Как это произошло, например, в ноябре 94-го, когда танковая колонна автурхановской оппозиции пошла на Грозный и была разбита. Тогда дудаевцы пленных вернули. И в самом начале полномасштабных боевых действий в декабре 94-го они тоже отпускали наших солдат. Но потом перестали это делать, потому что их попросту никто не требовал. И пленные стали накапливаться.

Их судьбой начали заниматься только после того, как командующим группировкой был назначен генерал Анатолий Романов. Это было примерно весной 95-го. По инициативе Романова была создана совместная российско-чеченская наблюдательная комиссия (СНК). Это была неофициальная структура, которая действовала на уровне договоренностей с полевыми командирами. Но просуществовала СНК недолго. После покушения на Романова она по инерции какое-то время еще продолжала работать, но потом ее деятельность сошла на нет.

В октябре 95-го, когда стало очевидно, что людей пропало много, а никто их не ищет, начальник Генерального Штаба Михаил Колесников издал директиву о создании в группировке группы по поиску. Это еще не было рабочей группой Комиссии, это была просто группа от Министерства обороны. В

Сергей Кузнецов

Виталий Бенчарский

нее входил один человек из Главного Штаба Сухопутных войск, один — из Управления кадров СКВО и один из Оргмобуправления СКВО. Всего три человека. Я в то время служил в Главном Штабе Сухопутных войск, и попросился в эту группу. В моей просьбе усмотрели почему-то какой-то умысел.

Отработанный материал

захоронением останков наших солдат занимались только поисковые отряды.

По данным Комиссии, пропавшими без вести на тот момент числилось около 4 млн. человек. Большинство из них — 3,5 миллиона — пропали во время Второй мировой войны. Еще 274 человека пропали в Афганистане, 228 — в Таджикистане, два в Мозамбике и двенадцать в Анголе.

После начала первой чеченской при Комиссии была организована так называемая «временная рабочая группа», которая стала заниматься поиском и освобождением пленных и пропавших без вести непосредственно в Чечне.

Сегодня представляем вашему вниманию интервью с Виталием Бенчарским, который возглавлял эту рабочую группу в августе 1996-го года. Мы говорим о том, КАК искали тогда наших солдат.

Зачем тебе это надо? Я сказал, что начинал службу в Грозном, с 72-го по 80-й год, у меня там осталось много знакомых, возможно их удастся разыскать, договориться, установить какие-то контакты. Мне казалось, что я могу делать эту работу. И в январе 96-го я туда уехал.

Приехал, осмотрелся. Черт его знает, с чего начинать, как работу строить... Это дико тогда было — в своем государстве свои граждане своих же солдат в плен берут. Это сейчас нормой стало, а тогда... Посидел день, другой, третий — делать-то что-то надо. Я пошел к начальнику штаба Объединенной группировки Виктору Власенкову, сказал, что мне для работы нужно то-то и то-то. Что? Ну, во-первых, нужны контакты с местными. Боевики постоянно мигрировали — сегодня они в Шатое, завтра в Ведено. Вместе с собой перевозили и пленных. Информацию о том, где именно они находятся в данный момент, надо было получать от той стороны. Соответственно, во-вторых, сведения должны были быть оплачены. Значит, нужны деньги. В-третьих — эксгумация. Никто из нас тогда не занимался этим и не представлял, как это делается. В 205-ой бригаде была внештатная эксгумационная команда, но к тому моменту она распалась. Надо было создавать ее заново, нужны специалисты...

Опыта работы к тому моменту у нас практически не было — мы только один раз

Чечня

съездили в Шатой обменяли четырех человек. Нас там чуть не расстреляли тогда. Эта поездка и показала, что нужно налаживать работу, создавать какие-то официальные структуры.

Тогда командующим Объединенной группировкой был Вячеслав Тихомиров, и, надо отдать ему должное, он поиску солдат уделил много внимания. На уровне правительства Чечни этот вопрос был как-то решен. В правительстве Завгаева тоже была создана комиссия, которая, в отличие от СНК, к тому моменту уже распавшейся, была официальной. Она тоже занималась пленными — как с той, так и с другой стороны. Не только своими — всеми.

Второго февраля из Москвы прилетает команда из Администрации Президента. Привезли с собой специалистов из МВД, людей, которые занимались эксгумацией. Как оказалось, это как раз и была рабочая группа при Комиссии по военнопленным. Создана она была по инициативе генерала Анатолия Волкова, заместителя Дмитрия Волкогонова. В девяносто пятом Волков воевал в Грозном на консервном заводе, был награжден орденом Мужества под первым номером. То есть он видел все своими глазами. И, вернувшись из Чечни в Москву, предложил создать эту группу. В декабре 95-го Ельцин указ подписал. Но если бы Анатолий Волков не инициировал ее создание, то государство бы даже не пошевелилось, никакой рабочей группы не было бы.

К стыду государства, самую последовательную и самую активную работу по поиску своих пропавших сыновей вели матери. На Ханкале их в тот момент жило

у много. Вот тоже — государство забрало сына, а пропал он без вести — ну, и хрен с ним. Хочешь искать сына — ищи, не хочешь — других пригоним. Спускать это на мой уровень полковника, который не обладает никакими полномочиями... Иди и занимайся... Мы и занимались. Выпрашивали людей. Но чеченцы ведь нам тоже условия ставили: «слушай, у нас свои пленные есть, которые в ваших СИЗО сидят. У них тоже есть матери. Хотя бы одного мне отдай». А я не могу ничего сказать, потому что не вхож ни к разведчикам, ни к ФСБ.

Это дико тогда было — в своем государстве свои граждане своих же солдат в плен берут. Это сейчас нормой стало, а тогда...

Страшно было после января в Грозном. Матушки каждый божий день — ну как, ну что? А что мы можем им ответить? Страна узнала о том, что у нее есть пленные только 23-го февраля 96-го, после программы «Взгляд». Уже год как шла война. Любимов сделал тогда материал о группировке. В том числе подняли и тему пленных. Только после этого мне начали звонить. Только после этого потянулись мирные, у которых пропали сыновья: «Помогите, вы этим занимаетесь, может, вы что-то знаете». А до этой передачи даже офицеры в Чечне

не знали, сколько в группировке пленных. Тогда была озвучена цифра в пятьсот человек, но на самом деле их уже было гораздо больше.

Тогда мы собрали матерей, пять человек, и отправили в правительство, в Москву. Я говорю — меня там никто не будет слушать, мой ранг полковника мне не позволяет войти в эти кабинеты. Но вы мамы, которым наплевать на все, вы можете туда войти. На эту поездку матушки собирали последние свои деньги. Их же в Москве никто не кормил и ничего им не оплачивал. Единственный, кто им помогал, это Анна Ивановна Пясецкая. Они поехали. Вы думаете, хоть кто-то принял их в Москве? Черта с два, никто!

Они вернулись из этой поездки просто убитые. А тут еще показывают день рождения Черномырдина на всю страну. Хорошо отметил мужик. Если бы он хотя бы десятую часть из того, что потратил на свой день рождения, отправил бы сюда, мы бы, может, троих, пятерых, десятерых человек бы спасли... Мне это до сих пор

Грозный 95. Подвал кафе Минутка. Пленные 503-МСП

Олег Никишин

не понятно. Мне не чеченцы враги были, мои враги были в Кремле. Я их знаю. И до сих пор там многие сидят, такими и остались. В Конституции записано, что защита Отечества — долг и почетная обязанность. Солдаты этот свой долг выполнили. Но почему его не выполнило государство по отношению к своим солдатам? Нельзя так — мальчишка потерял руки-ноги, ему максимум две тысячи кинули и больше знать его не хотят, плевать на него...

Государственной программы по вызволению пленных не было, это была только добрая воля людей. Со временем у меня сложились хорошие отношения и с МВД, и с ФСБ. Они делились информацией. А захотели бы нас послать — и все, каких-то людей и не вытаскивали бы. Но они нам помогали. Гражданские иногда приезжали, говорили — мы вот знаем, там-то и там-то сидят столько-то пленных.

Потом я сообразил, что нельзя работать разрозненно. Объединил под свою группу и Внутренние войска, и МВД вообще, и пограничников. С ФСБ не очень получалось — у них были свои методы. Но это и правильно, если боевики узнавали, что такой-то пленный «эфэсбэшник», его убивали однозначно. Поэтому своих они пытались вытаскивать сами.

К тому времени я все еще был руководителем группы Министерства обороны. Мы и рабочая группа Комиссии работали

параллельно — общего руководства так и не было. Руководителем группы был Константин Голумбовский. Приехал он к нам, посидели мы с ним, поговорили — начали появляться какие-то планы. Можно сделать вот так вот и так вот, у вас же власть есть. Тогда начали работать предметнее.

Когда срок моей командировки истек, мне Вячеслав Тихомиров сказал — я тебя никуда не отпускаю, оставайся еще на три месяца. Мне это было тяжело. Матушки — мои ровесницы, мой сын тоже мог бы быть здесь. В общем, я отказался. Заменял

война шла... мешок какой-то непонятный. Мне что-то... что за мешок такой? Я никак не могу понять... А потом до меня дошло. Собаки его выкопали, руки-ноги съели, голову отгрызли, и туловище только осталось. От жары оно начало распухать и вот этот мешок... Это был солдат, да.

Забрали его, голову тоже нашли, она сохранилась. А присыпан он был над газовой магистралью. Там в землю штыр воткнул металлический и на нем желтая табличка, знаете — «осторожно, газ». И на ней карандашом написано: «Здесь похоронен российский солдат...» А фамилию

На эту поездку матери собирали последние свои деньги.

Их же в Москве никто не кормил и ничего им не оплачивал.

Они поехали. Вы думаете, хоть кто-то принял их в Москве?

Черта с два, никто!

меня Слава Пилипенко. Приехал я в Москву. Но долго тут не пробыл. Ввели меня в состав этой рабочей группы при Комиссии. И шестого августа 1996-го я вернулся в Чечню уже как руководитель временной рабочей группы при Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Как раз когда началась бойня.

Помню случай один... Только закончилась война, я выехал по каким-то своим делам в чеченскую комендатуру Октябрьского района. Ко мне подошла женщина, русская, говорит: «ребята, там мальчишка лежит прикопанный. Если есть возможность, заберите его, собаки же растащат». Убитых тогда было очень много, их не успевали собирать. У меня были хорошие отношения с командиром 205-ой бригады, генералом Валерием Назаровым, я ему говорю — надо выделить людей для похоронной команды. Он с пониманием отнесся, выделил. Поехали, начали собирать тех, кто в городе лежал не захороненный. Я поехал посмотреть сам, что это за солдатики. Приезжаю. Место, где он присыпан, разрушенное. Смотрим по сторонам — кости лежат какие-то... ну

прочитать невозможно! Мы и так, и саяк, и фотографировали, с фотографии смотрели — нет, невозможно. Вот таких людей очень много осталось там. Которые присыпаны где-то и неизвестными так до сих пор и лежат. А тех, кого так и не собрали, чеченцы потом сожгли — была жара, и могла начаться эпидемия.

Тогда же, в августе, познакомился и с Казбеком Махашевым, это был министр внутренних дел Чечни, и с Басеевым — с Ширвани, не Шамилем. Встречались, разговаривали. Когда с ним воюешь — это одно. А когда встречаешься... Зачем молотили тогда друг друга? До ругани доходило, с Махашевым, бывало, до мата доходило, и посылал его: «Да забирай ты, если уж наших не отдаешь!» Что там отдавать, они уже убиты. Это вы по телевизору такие хорошие...

Первым из государственных чиновников, который начал заниматься пленными, был Александр Лебедь. Когда он прилетел на переговоры, я подошел к нему и сказал, что в договоренностях записана неточная фраза. Он спрашивает: «какая?» Я говорю — обмен пленных всех на всех. Это нельзя было сделать, потому что у нас не было информации по всем чеченским пленным. Он говорит — давай оставим пока так, а потом я этим займусь. И он действительно занялся этим вопросом. В качестве примера: в Гойском тогда был единственный общий лагерь военнопленных Ичкерии — все остальные пленные содержались по бандам, а этот был вроде как государственный. Лебедь поставил условие — освободить этих пленных. И они были освобождены, около 30 человек. Этот вопрос сильно его зацепил. Александр Мукомолов, председатель Фонда Лебеда, поиском занимается до сих пор.

Чечня

С этого момента стали работать предметнее. Комиссия рассматривала дела арестованных боевиков, и если они сидели не за тяжкие преступления, то их амнистировали. А уже их родственники искали, договаривались и освобождали наших солдат взамен. Как — это были их проблемы. Такая схема стала работать. Но, опять же, настолько это было неповоротливо, медленно, бюрократично... Этот процесс можно было бы ускорить в десятки раз. Но это, видимо, было не нужно.

Наибольшую активность рабочая группа достигла именно в послевоенный период. Пока там были Слава Пилипенко, пока там был Витя Шкляр, они ездили в Чечню, работали, искали. При российском представительстве там постоянно кто-то находился. Девяносто седьмой год — это пик активности, пик освобожденных.

А потом начались интриги... Меня выжили первым, потом ушел Пилипенко, ушел Шкляр, другие ребята. Активность пошла на убыль, на убыль, и дошла до того момента, что года через два, когда к власти пришел Владимир Владимирович, было решено, что рабочая группа по поиску пропавших без вести солдат стране не нужна. Вот так-то. И она была расформирована. С двухтысячного года пленных солдат перестали вытаскивать совсем.

Сейчас Комиссии нет. То есть, она существует на бумаге, но не работает. Рабочую группу уничтожили — все, больше никто не занимается этим вопросом. Документы поуничтожали. Архивы. Зачем? Есть ли сейчас в Чечне наши пленные, нет ли их — черт его знает. Все связи, агентура утеряны. Что такое сто-двести человек в плену, если можно положить триста детей, чтобы убить тридцать боевиков? Да плевать на них... Этим никто не занимается и заниматься не хочет. Пипл еще нарожает пушечного мяса.

Когда началась вторая война, Минобороны уже не стало создавать свою группу по розыску, как это было в начале первой. Почему? Я хотел обратиться и к министру, и к начальнику главного управления кадров — давайте, ведь из всех, кто служит, я остался один, который знает эту работу, давайте я возглавлю. Но я, честно говоря, уже не смог. Колебался-колебался, пока инфаркт не заработал, а потом уже все... Сейчас я, конечно, жалею об этом моем решении. Неправильно я сделал, надо было пойти. Так что во вторую войну пленных не искали вообще. Пропал и пропал.

По первой Чечне у нас было собрано информации о том, что без вести пропали более тысячи двухсот человек. Из этих тысячи двухсот за мою бытность было освобождено 353 человека. Живых.

Сколько было эксгумировано павших, у меня данных нет. Но понятно, что люди в плену оставались. Сто, двести, триста? Не знаю. А ведь могли бы вытащить... Могли бы. Было бы это государству интересно — человек триста еще можно было бы найти.

В общем, боевики всех наших пленных, по-видимому, просто расстреляли и все.

В прошлом году пропавших без вести официально признали умершими. На этом все и закончилось. Списали попросту. Правильно вы говорите — отработанный материал.

Да чего там говорить, господа, даже тех неопознанных, кого захоронили на Богородском кладбище — там ведь нужна была смехотворная сумма для опознания! Смехотворная! Чтобы провести экспертизу и доказать почти со стопроцентной уверенностью, кто есть кто. Нет, в это время нашлись деньги, чтобы строить дачу в этом Бочаровом Ручье. А на них денег не нашлось.

Многие матери так и не знают, где их дети. Это и Таня Ильютчик, и Ольга Милованова, и многие другие... Они до сих пор каждый год 25 сентября приезжают на Богородское кладбище — чужих уж поминать, не своих. Их много. Их по 200-300 человек приезжает.

Но это никому не интересно.

Барбудос

Лейтенант. Участвовал: Абхазия

<http://artofwar.ru/b/barbudos/>

ПЕТРУХА

Я увидел этого странного мужика еще задолго до службы в штабе. Наш батальон, в котором я числился инструктором по рукопашному бою, зачем-то подняли по тревоге и вызвали в штаб. Так как я фактически занимал сержантскую должность, а все сержанты были в увольнении, пришлось вести строй мне. Честно говоря, радости мало, серое солдатское стадо в шинелях и полной разгрузке, гулко топая тяжелыми растоптанными сапогами, матерясь под нос, еле-еле ползет по разбитому шоссе. Стукаются каски, у кого-то хлопает плохо пригнанная «сбруя». С грехом, трехэтажным конским матом и пинками в зад колонна тянется мимо ржавого, лежащего на боку корыта с гордой надписью «Хаджарат Кяхба», вот и поворот к бывшему ДРСУ, а ныне штабу ВГВ. Втягиваемся на площадку между штабом и мельницей. Я не помню, зачем нас вызывали, по-моему, это была очередная «проверка связи», или еще какая-нибудь фигня. Недалеко от крыльца стоял странный мужик. На голове красовалась огненно-рыжая монтажная каска, из-под которой торчали грязные седые пряди волос, и нездоровым, сумасшедшим блеском горели глубоко посаженные глаза. На нем была старая шинель с зелеными погонами, а сверху был надет пробковый спасательный жилет не менее яркого цвета. Из-под рваных полшинельки сиротливо высывались тонкие кривые ноги в галифе, и всю эту гротескную картину завершали изодранные вдрыз, короткие кирзовые сапоги.

Естественно столь колоритная фигура не могла не привлечь внимание отупевшей от долгого нахождения в замкнутом пространстве солдатни. Понеслись шутки-прибаутки, сплошь состоящие из площадного мата и солдатского юмора, который, как известно, туп, как сибирский валенок (хотя из стоящих на этой площадке, больше половины даже не слышало о Сибири и не видело валенок). Мужик, зажав в кулаке отвратительную самокрутку, с интересом рассматривал новых людей. На крыльцо вышел зам по тылу — Заур Барганджия, по кличке «Тушенка»:

— Гвардии ефрейтор Буравский, полком ко мне!

— Есть! — выкрикнул странный мужик, которому на вид было лет 50, брякнулся на живот и резво пополз по-пластунски к ступенькам крыльца.

По периметру

Россия бежала из своих бывших республик, в перестроечном угаре бросая построенное десятилетиями. Петр Буравский был выброшен на улицу с женой и дочкой

— Занять позицию в укрытии!

Мужик засел за пальмой, растущей на газоне, и выставил из-за ствола свою метлу.

— По врагам, беглым, огонь! — продолжал куражиться Тушенка. Мужик стал издавать крики «тра-та-та», а потом закричал:

— Товарищ майор, а по-моему, это наши?

Строй покатывался со смеху, а Тушенка отдал новый «приказ»:

— Дрыналет на старт! — Мужик оседлал метлу и по команде зам по тылу, с криком «поехали!» ускакал со двора в сторону продуктового склада.

Когда меня перевели в отделение оперативной связи штаба ВГВ, я узнал, что этого странного мужика привели в штаб его родная мать

и брат. Это удивительная и трагичная история. Многое уже стерлось в памяти, и время скрыло детали. Я не знаю, жив Петруха или погиб от руки какого-нибудь пьяного офицера.

До армии я был милый мальчик, чистенький. Хотя за спиной была подпольная школа рукопашного боя, уличные драки, отвратительная ситуация в семье и школьный аттестат со сплошными тройками. В душе были надежды на армию, которая должна была дать мне новых друзей и вообще сделать мужчиной. С виду я был здоровый, русоволосый, застенчивый и улыбчивый. Я никогда не знал, что такое «БИЧ», первый раз столкнувшись с таким странным явлением как Петруха. Вот, что мне удалось выяснить.

Петр Буравский имел два высших технических образования и занимался разработкой какой-то военной хреновины в одном из поч-

По периметру

товых ящиков. Их были миллионы — серых мышек, «сотрудников», ковавших железный шит великой Родине. В начале 90-х коммунистический режим в СССР рухнул, наступила эпоха свободы и независимости, поставившая на колени перед Западом могучую супердержаву. «Серые мышки» стали не нужны, почтовые ящики сплошь и рядом закрывались, Россия бежала из своих бывших республик, в перестроечном угаре бросая построенные десятилетиями. Петр Буравский был выброшен на улицу с женой и дочкой. Он не мог представить себя вне стен института, без грозной надписи: «А ты сдал документы в первый отдел?!». В голове научного сотрудника произошел сбой, крошечное короткое замыкание привело к краху идеальной мыслящей машины — человеческого мозга, и научный сотрудник Буравский превратился в Петруху — придурковатого, грязного, но, в общем-то, не вредного. Его мать и брат, доселе бывшие ярыми коммунистами, вдруг стали «верующими» и вступили в одну из многочисленных сект. Я не знаю, какие принципы исповедовал заморский проповедник, охмуривший петрухиных родственников, но, видимо, эта хрень была преподнесена так убедительно, что побудила его родственников отвести больного человека в штаб ВГВ, где находилась гауптвахта, роскошная, размещающаяся в помещении бывшего атомного бомбоубежища. Именно туда попросили запереть своего сына и брата богобоязненные родственники, дабы он не смущал их своим существованием.

Это я, наивный мальчик, не знал что такое «БИЧ», а абхазы прекрасно знали, что с ним делать. У Петрухи отобрали паспорт, одели его в старое солдатское обмундирование, и стал он штатным «БИЧом» при военном штабе. Вся грязная работа была на нем, ведь, как известно, абхазские солдаты не чистят туалеты и не моют полы. А зачем, когда есть Петруха!

Сию на ступеньках штаба, на улице прекрасный летний вечер. Я расположился в кресле с СКСом на коленях и книжкой в руках, якобы на посту. Из-за забора послышался робкий голос:

— Товарищ младший сержант, разрешите обратиться! Угостите сигареткой, если можно...

Я поднимаю глаза и вижу, что у калитки жмет тот самый мужик.

— Не курю я, а ты иди сюда, хрена ли ты там мнешься!

— Мне нельзя, командиры будут ругаться, я наказан...

Время было вечернее, солдат побежал за самогоном и закуской, а поэтому настроение было прекрасное, и хотелось просто потрепаться перед пьянкой:

— Сегодня я командир, бегом ко мне, я сказал! — мужик, воровато зыкая глазами, на полусогнутых семенит ко мне, громыхая остатками сапог.

— Ты кто?

— Гвардии ефрейтор Буравский по вашему приказанию прибыл! — истерично выкрикнул придурок и уставился на меня по-собачьи преданными глазами.

— Ты че, прикалываешься надо мной?!

— Никак нет! — еще громче крикнул Петруха, и все его существо затряслось от страха.

Эта встреча закончилась ничем, Петруха получил увесистый пинок пониже спины, и, поскуливая, убежал в темноту.

Однажды я зашел в камеру, где жил «военный БИЧ»: деревянные нары, на них куча грязных, вонючих тряпок, служивших Петрухе постелью. В камере тяжелый запах давно немывтого, прокисшего тела, дешевого табака и лука. На газетке лежит откушенная луковица, хлебные крошки и грязная алюминиевая ложка. Под потолком тусклая лампочка. К горлу подступает тошнота, хочется

бежать на воздух, но какое-то странное чувство не дает уйти. За что-то цепляется боковое зрение. Останавливаюсь и внимательно оглядываю камеру. Прямо с белой стены мне улыбается своей чарующей улыбкой Мона Лиза! Рисунок сделан углем и настолько похож на оригинал, что у меня отваливается челюсть. Чуть позже я замечаю еще один рисунок — на одетой в гранит набережной реки спиной к зрителю стоит женщина с маленькой девочкой, ветер рвет с них одежду, за ними березовая роща, и от всей композиции веет нечеловеческой, какой-то звериной тоской. Две трогательные фигурки что-то мне напоминают, что-то неуловимое из когда-то слышанного. Мысль виляет скользким хвостиком и скрывается в глубине сознания, я поворачиваюсь к Петрухе, который стоит за моим плечом, и спрашиваю:

— Кто это?

Он отвечает быстро, явно ожидая этого вопроса:

— Незнакомые женщины!

— А зачем ты их нарисовал?!

— Не знаю, наверное, чтобы весело было...

Я выхожу на свежий воздух, и вместе с первым упоительным глотком в голове, как лампочка, загорается потерянная мысль: «У Петра Буравского были жена и дочка, квартира и другая жизнь». На душе становится тоскливо-тоскливо, и почему-то жалко себя, а не Петруху.

Петруха прекрасно помнит свою научную специальность. Однажды, когда наш штаб охранял караул из танкового батальона, он считал им «удельное давление гусеницы танка Т-80 на сантиметр почвы». Листок оберточной бумаги, исписанный неровными рядами непонятных формул, никто не принимал всерьез, а наш оперативный дежурный ради смеха решил показать его одному знакомому научному сотруднику. Потом он обалдело рассказывал,

что тот долго рассматривал записку, а потом восхищенно сказал: «Надо же, какое оригинальное решение, даже я не сразу понял ход мысли, но расчет выполнен просто здорово!»

Петруха очень любит косить под дурака, и хотя с головой у него действительно не все в порядке, больше он притворяется. По крайней мере, такое чувство возникает всякий раз, когда он несет откровенную чепуху, а ты смотришь в его белесые глаза и видишь в них страх и бешенные искорки интеллекта.

Чего же так боится Петруха? Он панически боится офицера и всех, кто может причинить ему боль. Но так как в нем дремлет холодный ум Петра Буравского — научного сотрудника, он может оценить степень опасности с точностью до миллиметра, прекрасно понимая, что солдаты могут только лишь набить ему морду и заставить чистить туалет или мыть полы в бытовке, а вот офицер — по пьяному делу может и замочить!

Однажды был случай: на смену пришел очередной оперативный дежурный — Леня Кишмария, и увидел во дворе Петруху, морда у того была разбита. Леня спросил у него: «Кто это тебя так?», на что Петро стал нести несусветную лабуду. Леня был трезв и поэтому только слегка матернул скрытного БИЧа, но вечер только начинался. Как всегда, когда ушли офицеры, на столе возник тазик с жареной картошкой и литрушка самогона — «дары» местного населения. Когда утолили голод и порядком выпили, Леня и говорит: «Тащите сюда Петруху, буду его допрашивать». Заспанного Петруху приволокли на ступени крыльца, так как в дежурке выносить его вонь было невозможно. Состоялся следующий диалог:

— Петруха, кто это тебя так отделал?

— У нас в камере темно, шел по коридору и ударился об косяк...

— Столько лет не бился, а тут не попал, ты че, был пьяный на службе?!

— Никак нет, я не пью, и брат у меня не пьет, и соседи не пьют, и бабушка не пила, покойница... — звонкий удар в зубы прерывает бормотание мужика, и он срывается на визг:

— Ой, хлопчики, только не бейте, ой, не бейте меня...

Леня хватает его за тощий кадык:

— Ты, падла, наверное, бандеровец?! Может, и воевал против нас?

У Петрухи глаза выкатываются из орбит от ужаса:

— Нет, это я так просто сказал, я вообще, как брат, верующий!..

— Дак ты че, сука, иеговист?! А ну, тащите автомат, будем его кончать! — солдат убегает за автоматом и приносит неисправную «семерку», там отсутствует боек и, естественно, нет патронов.

— Бери оружие, сейчас ты сам застрелишься!

Петро сворачивается клубком на земле и начинает истошно выть, вся эта картина

раззадоривает поддатую солдатню еще больше, Петруху начинают избивать, бьют долго, жестоко, стараясь попасть носком кирзача по ребрам, голове, лицу, вся эта процедура продолжается еще минут пять. Затем они устают и возвращаются в дежурку, там остывает картошка, и в бутылке ждет живительная влага. Чача незамедлительно разливается по стаканам, произносятся красивые тосты, и через какое-то время про Петруху вспоминают. Он все это время лежит ничком на ступеньках крыльца и поскуливает от ужаса.

Вся компания высыпает на улицу и вновь принимается за него. Петро застав-

— Ты, падла, наверное, бандеровец?! Может, и воевал против нас? У Петрухи глаза выкатываются из орбит от ужаса: — Нет, это я так просто сказал, я вообще, как брат, верующий!..

ляют встать, вешают на шею автомат, приговаривая:

— Ты теперь на посту, будешь стоять здесь, охранять нас, пока мы ужинаем, а потом мы тебя расстреляем! — компания удаляется и продолжается кутеж. Через какое-то время на него, стоящего по стойке смирно на крыльце, опять накидывается пьяная толпа с криком: «Буравский украл автомат, шас всех перемочит!» Петруху сбивают с крыльца, отбирают никчемную железяку и опять избивают, а потом заставляют ползти по площадке до стоящего у крыльца мотороллера. Затем ему говорят, что мотороллер нужно помыть, и Петро начинает толкать старый «муравей» к ручью, его заставляют сесть на сиденье, и когда он набрал уже порядочную скорость, кто-то якобы случайно врбает вторую передачу, и развалоха, ранее очень плохо заводившаяся, вдруг «берет с пол оборота». Обалдевший Петруха несется по плацу, в

ужасе вцепившись в руль и до упора вывернув ручку газа. Когда Леня выходит из ступора, он хватается за дежурный СКС и начинает лупить в сторону удаляющегося мотороллера, Петро — дурак-дураком, а падает с седла и затихает в канаве, мотороллер тут же глохнет и застывает невдалеке.

Хорошо, что в СКСе всего 10 патронов, у Лени они быстро кончились, и он, схватив его как дубинку, мчитс к Петрухе. Тот ползет по канаве, по уши в жидкой грязи. Леня лупит его прикладом по спине с криком «Убью гниду!», и убил бы, но его оттаскивают протрезвевшие от стрельбы солдаты.

Петруха, стоя на коленях в ручье, до утра драит старый мотороллер, а Леня, время от времени выходя из теплого помещения, поощряет его ударами сапога по голове, внушая, что тот пытался утнать мотороллер и перестрелять всех из автомата и, если он будет плохо работать, его утром расстреляют.

Утром Петруха имел вид отвратительный и еле держался на ногах. Когда старшие офицеры, придя на работу, пытались из него выпытать, кто же его так побил, то в свою очередь, избили его до такой степени, что Петруху пришлось отвезти в местную больницу, где он провалялся несколько недель.

Такие ночные истории повторялись не раз и не два, поэтому рассказывать о каждой не имеет никакого смысла, да и не удержишь в памяти такие вещи, хочется скорее забыть. Петруху как-то забирали заготавливать дрова в деревню к одному из офицеров штаба. Он приехал ободрившийся, с запасом одежды, пусть не новой, но вполне

Очамчира — Гагра, 1994 — 2002 г.

Илья Плеханов

http://artofwar.ru/p/plehanov_i_s/

27-Я ПРОВИНЦИЯ

Немного истории

В 1586 г. Восточный Тимор стал колонией Португалии. 28 ноября 1975 г. была провозглашена независимая Народно-Демократическая Республика Восточный Тимор. А уже через 10 дней, 7 декабря 1975 г., Индонезия оккупировала страну. Однако, насильственная «интеграция» не получила признания со стороны ООН. Тем самым, Восточный Тимор превратился в очередной очаг конфликта и постоянную головную боль для индонезийского руководства.

В 1976 г. Восточный Тимор стал 27-й провинцией Индонезии.

25 августа 1999 г. тысячи сторонников независимости Восточного Тимора провели манифестации в административном центре территории — городе Дили. На следующий день под красно-белыми государственными флагами Индонезии и под лозунгами единения с Джакартой тысячи восточно-тиморских проправительственных демонстрантов вышли на улицы Дили. 30 августа 1999 г. на референдуме о статусе территории большинство населения высказалось за независимость Восточного Тимора. Результаты были объявлены 4 сентября 1999 года. А уже со следующего дня сообщения о событиях в Восточном Тиморе начинают напоминать сводки с театра военных действий. По разным оценкам за несколько дней были убиты по меньшей мере 200 человек, совершались поджоги, погромы, насильственные депортации. Десятки тысяч жителей побросали свои дома и перешли на положение беженцев. События охватили не только Дили, но и города Малиану, Ликусу, Суаи, Эрмеру.

В этой связи необходимо понимать, что для Индонезии проблема Восточного Тимора — это проблема сохранения целостности страны. Индонезия состоит из тысяч

островов. В ней проживают представители многих национальностей и различных конфессий (мусульмане, христиане, буддисты). В Индонезии время от времени происходят ожесточенные вооруженные столкновения в провинции Ачех, на островах Калимантан, Новая Гвинея. Если бы Восточный Тимор все же стал де-юре независимым государством, тогда это было бы слишком заразительным примером для всех остальных.

Задолго до

Еще в начале 90-х австралийские и американские службы занимались подготовкой индонезийских спецподразделений (Korpassus). Эти подразделения «красных беретов» отличились своей жестокостью в Восточном Тиморе еще в 1975 году. Именно из них комплектовалось затем ядро проиндонезийских отрядов милиции в Восточном Тиморе, именно на них возлагалась ответственность за массовые убийства и насилие над населением. В 1993 году подразделение спецназа Австралии отправилось на базу

Korpassus на Западной Яве, затем индонезийские спецназовцы побывали на курсах повышения квалификации в Австралии. Годом позже австралийцы провели совместные учения на Восточной Яве с известным своей жестокостью 502-м батальоном индонезийского армейского стратегического резерва.

Таким образом, можно сказать, что Австралия давно прорабатывала варианты использования индонезийских спецподразделений в своих целях. В 1999 году именно эти подразделения начнут искусственно раздутый террор против мирного населения Восточного Тимора, что даст Австралии повод для ввода войск. Сценарий уже был отработан в совершенстве. По похожему общему сценарию (спровоцированные извне волнения «меньшинств» и последующий ввод «миротворческих» войск) в последнее время действуют многие страны. Такой подход оправдывает любую войну, превращая ее в «справедливую борьбу с геноцидом».

Подготовка боевой операции австралийцами началась в апреле 1999 года. Именно тогда 1-я бригада, базирующаяся в Дарвине, была приведена в 28-дневную боевую готовность. В это же время спецподразделения (SAS) и военные водолазы были незаметно переброшены на подводных лодках в район Дили, столицы Восточного Тимора. Группы произвели рекогносцировку местности, наблюдали за передвижениями индонезийских войск, разведали инфраструктуру на границе с Западным Тимором и наличие минных заграждений вдоль побережья. Доклады поступали в специальный засекреченный центр в Канберре. Лишь около 20 человек, включая премьер-министра, знали о происходящем...

Расклад перед боем

В первой половине 1999 года Австралия принимает новую военную доктрину. Доктрина подразумевала изменение оборонной поли-

тики, которая теперь должна была покоиться на «трех китах». Первый — «опора на собственные силы» в обороне Австралии. Второй — вовлеченность в региональные дела (а это не только Восточный Тимор, но и Буганвиль, Папуа — Новая Гвинея, Соломоны). Третий — выдвижение на дальние рубежи обороны (прежде всего вероятная поддержка США в конфликтных зонах Корейского полуострова и Тайваньского пролива). Появляются в обиходе австралийских военных термины «дуга хаоса» и «возможные «горячие точки»».

К началу боевой операции в Восточном Тиморе население Австралии составляло около 18 миллионов против 210 миллионов в Индонезии. Полностью боееспособные и готовые сразу вступить в бой войска не превышали 4,5 тысячи человек. Австралия располагала лишь 10-тысячным контингентом передового базирования. Всего в войсках была 51 тысяча человек. 4 батальона готовности. Бюджет в 11 млрд. австралийских долларов. Страна была способна содержать экспедиционный корпус за границей лишь несколько месяцев. Использовались старые F/A-18 и F-111 и фрегаты FFG.

Армия состояла из 6 батальонов (Royal Australian Regiment — RAR). 1-й и 2-й были расквартированы в Таунсвилле в штате Квинсленд, 3-й десантный и 4-й батальон спецназа — в Холсворфи, в штате Новый Южный Уэльс, 5-й механизированный — в Дарвине и 6-й механизированный — в Брисбэне. Перед операцией в Восточном Тиморе хорошо зарекомендовали себя в действии 1-й батальон в Сомали и 2-й — в Руанде.

Эурико Гуттерриша заявил, что сторонники продолжения интеграции Восточного Тимора с Индонезией готовы начать партизанскую войну в случае, если восточно-тиморское население отвергнет план автономии для этой индонезийской провинции.

В Индонезии численность армии составляла около 240 тысяч человек. Вооруженные силы Индонезии состояли из сухопутных войск (180 тыс. человек), ВВС (25 тыс. человек) и ВМС (35 тыс. человек). На вооружении армии — более 500 танков, около 150 броневых автомобилей, 1.000 БТР, около 100 орудий полевой артиллерии, а также 200 минометов и ПТУРы. В ВВС — более 60 боевых самолетов. ВМС имели 4 подводные лодки, более 30 кораблей различных классов.

Саких восточных тиморийцев было около 800 тысяч. За 20 лет в боях и от террора индонезийцев их погибло около 200 тысяч. Но все равно островная провинция была очень густо населена, что осложняло ситуацию в случае полномасштабной войны.

Для большинства австралийцев возможная война была чистым безумием. Стабильная экономика, работа, хорошие зарплаты, пляжи, развитый туризм... Какая

война? Единицы в стране задумывались о возможных последствиях военной авантюры, но население, в общем, не воспринимало происходящее всерьез.

Понеслась

9 июня 1999 года, осознавая происходящее и опасаясь готовящегося вторжения со стороны Австралии, глава индонезийской армии генерал Виранто отдал приказ об усилении морского наблюдения.

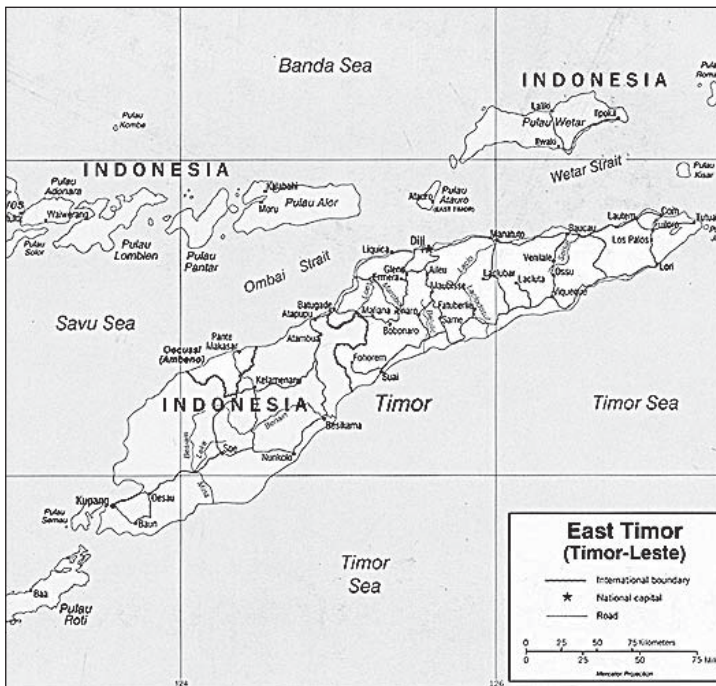
10 сентября 1999 года министр обороны Австралии Джон Мур публично заявил, что Австралия не может безучастно наблюдать за событиями в Восточном Тиморе и готова

Надо отметить, что уже с мая в провинции активно действовали австралийские спецслужбы. Солдатам говорили, что они — миротворцы.

На самом деле, Австралии был нужен лучший аэропорт на острове как плацдарм для возможных будущих операций в Юго-Восточной Азии и запасы угля. Самое же главное — в тиморской впадине (между Тимором и Австралией) имеются внушительные запасы нефти и газа. Даже если не лезть в политику, можно было сразу понять, для чего затевается операция и какие цели она преследует. Официальная пропаганда вещала: мусульмане режут католиков. Однако, многим было ясно, кто и для чего инициирует волнения. Кстати, австралийским солдатам платили отличные деньги: боевые, премиальные, страховочные. В армии начались эйфория и борьба за место в экспедиционном корпусе. Те, у кого истек срок 4-летнего контракта, всеми способами стремились продлить его еще на 4 года, такой шанс нельзя было упускать. В кадровые органы шли тысячи заявлений с просьбой об участии в операции.

А что происходило у индонезийцев? Лидер проправительственной милиции «Аитарак» («Шип») Эурико Гуттерриша заявил, что сторонники продолжения интеграции Восточного Тимора с Индонезией готовы начать партизанскую войну в случае, если восточно-тиморское население отвергнет план автономии для этой индонезийской провинции. Аэропорт в Дили был захвачен милицией, выставлены блокпосты. Это осложняло дело. Командующий индонезийскими вооруженными силами в Дили полковник Тону Сураман сказал в программе Sunday: «Мне бы хотелось сообщить следующее: если сторонники независимости победят... все будет разрушено. И Восточный Тимор не будет таким, каким мы его видим сегодня. Будет хуже, чем 23 года назад».

Помощник президента Индонезии по внешнеполитическим вопросам Деви Фортуна

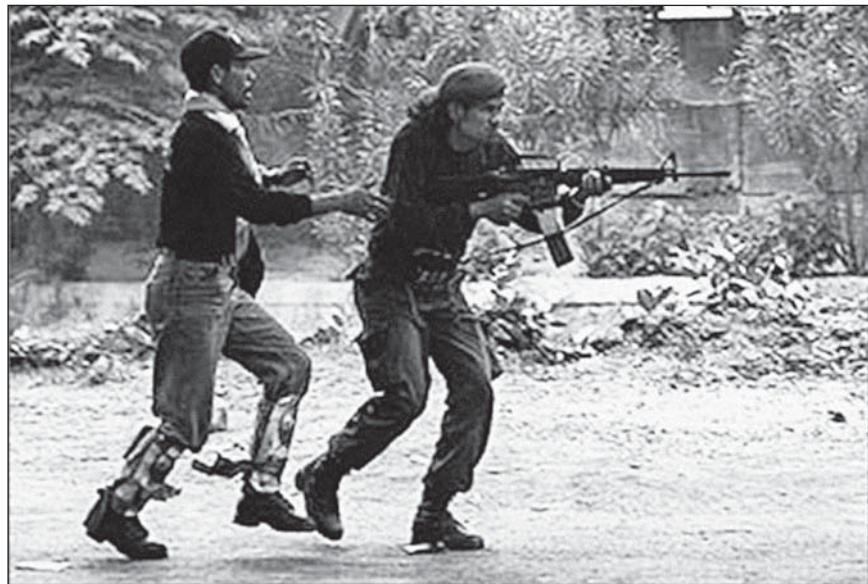

Вне зоны видимости

Анвар: «Если миротворческие силы будут состоять из австралийцев, они могут сами подвергнуться атакам». Полевые командиры полувоеенизированных формирований открыто угрожали убивать миротворцев. 7 сентября президент Индонезии Хабиби распорядился ввести военное положение в Восточном Тиморе. Лидер Тиморского сопротивления Жозе Рамуш-Орта, неоднократно бывавший в Австралии с консультациями, говорил, что введение на этой территории военного положения — шаг к развязыванию рук армии в кампании против сторонников независимости. В провинцию в спешном порядке стягивались индонезийские войска. Индонезия разорвала договор о безопасности с Австралией. Уже были погибшие среди наблюдателей ООН...

Австралия привела в состояние полной готовности 4,5 тыс. своих военнослужащих в районе города Дарвин (1-я бригада). 3-я

бригада готовилась в Таунсвилле. 600 спецназовцев были приведены в боеготовность в Перте. По плану 100 спецназовцев вертолетами должны были быть высажены на берег для обеспечения выброски парашютных батальонов. На начальном этапе планировалось послать 2.000 австралийских солдат и позднее довести их число до 4.000. Солдат усиленно готовили к войне в джунглях. Делали десятки антималярийных прививок. Применяли тогда в основном препарат «Лариум». Позже, уже после войны, солдаты 2-го и 4-го батальонов будут жаловаться на психические последствия от этих прививок: паранойю, суицидальные настроения, семейные проблемы.

Операция начинается

19 сентября, в воскресенье, началась операция по захвату Дили. Операцию возглавил австралийский генерал-майор

Косгроув. Конвой из девяти кораблей подошел к берегам Восточного Тимора. На кораблях помимо австралийцев присутствовало подразделение британских гуркхов. 20 сентября был захвачен столичный аэропорт Коморо. С-130 «Геркулес» с австралийскими и новозеландскими войсками приземлился на рассвете. Позже был захвачен аэродром в Бокау.

Столица Дили была выжжена на 80%, магазины и все до одного склады разграблены. Десятки тысяч людей были насильно угнаны в Западный Тимор. Из 200 тысяч жителей в городе оставалось лишь около 10 тысяч.

23 сентября в Дили был убит австралийский военный журналист.

1 октября гуркхи вязались в бой с индонезийцами и милицией во время патрулирования Комы. Это была первая

ю бригаду. Были зафрахтованы для перевозок даже два коммерческих корабля «Lady Valissia» и «Lady Elaine».

12 октября около 40 австралийских солдат попали под обстрел на границе с Западным Тимором возле городка Мотааин. Ответным огнем были уничтожены двое индонезийцев. В Мельбурне «лидер» независимого Тимора Гусмао заявил, что индонезийская армия проверяет на прочность австралийцев и готовится к полномасштабному наступлению.

Месяцем ранее...

В 7.30 утра 27 августа 1999 года солдаты 3-го батальона группы «Браво» были выведены по приказу из своих казарм и построены на плацу в Karyong Lines, на базе Holsworth в Сиднее. Был отдан приказ о сборах и переброске в неизвестном направлении. Чуть раньше, в 5 часов утра, этот приказ получил командир группы майор Стефан Грейс. 150 солдат были готовы к отправке на авиабазу в Ричмонде. Из Ричмонда группу перебросили на базу Тиндал в Северной Территории. Самолет приземлился в 3 часа утра 28 августа. СМИ крутили репортажи о 1-й бригаде в Дарвине, показывали грозных воинов, патристические ролики, в то время как настоящие приготовления происходили на базе 3-го батальона. Бойцы 3-го батальона никогда раньше не видели 13 одновременно парящих в воздухе вертолетов «Черный ястреб».

Зрелище было незабываемым. Следующие 8 дней бойцы тренировались до потери сознания.

Ситуация в Дили осложнялась с каждым днем. Все чаще в австралийском руководстве озвучивалась идея об одновременной высадке с воздуха и с моря. Бойцы 3-го батальона были разделены на

Одни десантники завалились спать под стулья и столы.

Другие просматривали бесчисленные видеокассеты.

На «ура» шел фильм «Спассти рядового Райана»...

серьезная перестрелка на уничтожение с начала операции.

Уже к началу октября около 1.100 австралийских солдат были сконцентрированы на границе с Западным Тимором и готовы к атакам со стороны Индонезии.

По ходу операции стало ясно, что не хватает живой силы, транспорта и имущества для поддержания необходимой деятельности войск. Транспортные вертолеты с трудом справлялись с поставленными задачами по переброске грузов. Начались приготовления к переброске еще одной бригады. В Австралии стали срочно формировать дополнительную 7-

две группы. Одну 7 сентября доставили в Дарвин на базу 1-й бригады, чтобы позже погрузить на борт быстроходного катамарана. Вторая группа осталась в Тиндале и готовилась к выброске с воздуха.

9 сентября группа в тумане села в грузовики и автобусы и была доставлена к катамарану. Без опознавательных огней и официальных проводов корабль отшвартовался от пристани Дарвина. Плыли до Дили около 24 часов. Десантникам была в новинку такая «морская» жизнь. Катамаран являлся круизным судном, а вовсе не военным транспортником. Множество просторных кают были снабжены телевизорами и

видеомагнитофонами, но вот коек явно не хватало. Одни десантники завалились спать под стулья и столы. Другие просматривали бесчисленные видеокассеты. На «ура» шел фильм «Спассти рядового Райана»...

С приближением территориальных вод Индонезии напряжение возрастало. Лица у людей изменились. Многие поудобнее обхватывали оружие, в который раз проверяли снаряжение. За несколько километров до территориальных вод был получен приказ об остановке, а затем и о возвращении в Дарвин. Кто-то испытал облегчение, кто-то выругался...

Через день операция повторилась вновь. Когда стал виден берег Восточного Тимора, во второй раз был отдан приказ об остановке. 8 часов катамаран без движения болтался на волнах. Бойцы установили плавающую мишень неподалеку от корабля и начали палить по ней. Один из бывалых бойцов, наблюдая за потехой, произнес сквозь зубы: «Так же начинал Фолклендскую войну мой отец. Так же установили мишень и с хохотом палили по ней...» Вскоре это бессмысленное занятие всем надоело, офицеры остановили стрельбы, здраво решив, что боеприпасы лучше экономить. Эйфория быстро прошла. Опять возвращение. Уже практически месяц солдаты находились в неестественном напряжении.

Через 18 часов после второго возвращения было решено в третий раз повторить попытку. Предполагалось, что десантники захватят верфь около нефтяного комплекса... Однако, и эта попытка закончилась ничем.

Когда стало ясно, что подразделение не будет первым штурмующим, солдатам дали возможность выпастаться и отдохнуть перед тем, как отдать новый приказ об осуществлении операции.

Она разделялась на две фазы. Первая — по непосредственной высадке — называлась «SPITFIRE». Вторая — по «зачистке» Дили — «WARDEN».

Батальон перегруппировался в Дарвине. Стало ясно, что захватывать аэродром будет не эта часть. 17 сентября до десантников довели суть операции «WARDEN». Были даны указания о действиях в Дили, розданы подробные карты, фотографии и последние информационные сводки. Захват Дили должны были выполнять три группы. Группа «Альфа» врывалась в город с пристани и брала под свой контроль побережье. Группа «Чарли» выдвигалась вглубь города, основывала временный штаб и начинала патрулирование вокруг него. Группа «Браво» должна была захватить здание ООН на юге города.

В 18.15 20 сентября 3-й батальон начал выдвижение из Дарвина. Два корабля понеслись на север в ночь. К рассвету 21-го числа они вошли в порт Дили. Солдаты жались к иллюминаторам в попытках разглядеть, что

происходит. Никто не забудет увиденного. Город был уничтожен, на верфи толпились беженцы со своим скарбом, в воздухе витали смерть и сажа. По мере продвижения вглубь города солдаты с ужасом смотрели на изрешеченные пулями и забрызганные кровью стены уцелевших домов. Регулярная индонезийская армия находилась еще во многих районах города. Напряжение было неимоверным. Жестикуляция, выкрики, угрожающие надписи на стенах провоцировали австралийцев. Нервы были на пределе. Открыть огонь первым никто не решался. Порой солдаты двух армий находились на расстоянии двадцати метров друг от друга, готовые в любую секунду выстрелить. Сумятицу вносили мечущиеся по городу беженцы, зачастую встречались просто сошедшие с ума люди. Сказывалось также плохое знание австралийскими солдатами этнических типажей региона. Мало кто мог определить на глаз, кто находится перед ним: индонезийский боец, милиционер или восточно-тиморский горожанин. Только 23-го числа индонезийская армия начала медленно покидать город...

В общем, в военных операциях примут участие примерно 7.000 военнослужащих, из которых более половины составят войска Австралии. Будут многочисленные обстрелы, перестрелки, диверсии со стороны проиндонезийских партизан, будут погибшие и раненые. Врежется в память гибель одного солдата, когда на глазах у всех на него сорвался многотонный груз с троса транспортного вертолета...

Большинство проблем все же возникало с местными жителями. Несмотря на все усилия по оказанию помощи в строительстве новых домов, восстановлению инфраструктуры и предоставлению продуктов, восточно-тиморцы с трудом привыкали к новой жизни. Одним из самых необычных зрелищ

стало одновременное бегство нескольких тысяч торгующих местных жителей с рынка на границе между Восточным и Западным Тимором. Такие стихийные рынки возникали довольно часто. Многие семьи оказались разьединены и могли увидеться только на рынках. Блокпосты австралийских солдат находились прямо напротив индонезийских. Время от времени индонезийцы шутили ради открывали огонь в воздух и со смехом наблюдали, как разбегались торговцы и покупатели. Можно было представить себе состояние 20 австралийских солдат, находившихся на блокпосту, когда на них в панике бежала толпа в три тысячи человек...

Случались, правда, и забавные происшествия. Однажды обнаружили крокодила в бассейне частного дома в Дили. Крокодил умирал, брошенный на произвол судьбы во время боевых действий. Стоило большого труда выволить его из бассейна и выпустить обратно в дикую природу.

...К концу октября положение стабилизировалось. Отдельные инциденты, конечно, возникали вплоть до февраля, но уже без боевых потерь. Последние сообщения о напряженности пришли в апреле 2000 года.

Из всего произошедшего можно было сделать вывод, что относительно безболезненный захват 27-й провинции объясняется тем, что верхи Австралии смогли договориться с индонезийским руководством. Последнее, в свою очередь, к удивлению многих, сумело удержать под контролем армию. Обе страны не были готовы к полномасштабной войне, но на стороне австралийского вторжения было «мировое сообщество», возможные экономические санкции против Индонезии и возможное участие ВВС США в бомбардировке этой страны.

Перевод

Брюс Нортон

(Bruce H. Norton)

Майор. Участвовал: Вьетнам

НОВЫЙ КАМУФЛЯЖ

(Из книги «Force Recon Diary, 1970»)

Перевод Анатолия Филиппенко

Всего через два дня после возвращения из Анхоа мне сказали, чтобы я готовился к выходу в поле на три дня. Сначала я подумал, что меня отправляют на новое задание с одной из разведгрупп 3-го корпуса морской пехоты, но тут же с удивлением узнал, что это 1-й разведывательный батальон затребовал санитаря, унтер-офицера, имеющего разведывательную подготовку. За дополнительной информацией мне было приказано явиться в палатку оперативного отделения 1-го разведывательного батальона. Когда я вошел в палатку, меня уже дожидался первый лейтенант морской пехоты Грегсон. Он был дружелюбен и открыт, и, после того как он предложил мне выпить кофе, я с легкой душой решил задать несколько вопросов.

— Садитесь, Док, вещи положите вон туда. Скоро подойдет еще один взвод, и на пару дней отправим вас на наблюдательный пункт в горах Кесон. Большинство санитаров батальона в поле, а о вас вспомнили на совещании, когда искали выход из положения.

— А что за задание, сэр?

— Врать не буду, Док — в разведку не пойдете. Очередная показуха. Прилетает генерал-морпех, большой начальник — хочет посмотреть, как там в поле. Наши вылетят в указанный район, обеспечат безопасность, а потом мы генерала туда и свозим.

Первый лейтенант Грегсон честно рассказал мне обо всем, но меня удивило желание генерала морской пехоты оставить на время относительно безопасный Вашингтон лишь затем, чтобы поглазеть на клочок земли в горах Кесон. Тем не менее, из опыта службы под началом генералов Никерсона и Уолта мы уже знали, что высокое начальство может творить практически все, чего ему захочется, а зачем и почему — не нашего ума дело...

Ближе к полудню морпехи роты «Чарли» 1-го разведывательного батальона собрались на вертолетной площадке, и командир взвода, первый лейтенант Майк Ходгинс, провел инструктаж касательно поставленного задания. Нам предстояло прибыть на вертолетах на вершину горы, обозначенной на картах как высота 840, и посредством боевого патрулирования обеспечить безопасность данного участка на время генеральского визита.

Пока одни морпехи будут нести службу в патрулях, остальные должны подготовиться к прилету генерала — выкопать окопы, заполнить песком мешки и навести на участке образцовый порядок. Генерал должен был объявиться через трое суток.

Перелет до гор Кесон прошел без происшествий, но вот сама высадка на высоту 840 оказалась весьма непростой. Вертолету СН-46 «Си Найт» требуется значительно больше места для посадки, чем привычному разведчикам «Хьюи», а его на вершине горы оказалось так мало, чтобы было решено

и одного санитаря быстро высадилась из СН-46 и увидела внизу красивую, вытянутую зеленую долину, простиравшуюся до гор Кесон.

Распорядок действий был определен еще в Дананге. Морпехи, назначенные на патрулирование окрестностей высоты, спустились в долину и удалились от места высадки, как только убедились в том, что противника там нет. Оставшиеся на высоте начали копать окопы и организовывать круговую оборону. Вскоре должен был прилететь второй СН-46 с остальными бойцами

В первую ночь на высоте 840 к нам заявился лишь один посетитель — вьетнамский бог дождя. Судя по всему, мы ему понравились, потому что он у нас засиделся.

использовать «заднюю высадку» как наиболее подходящий способ доставить нас на землю. Пилот опустил рампу СН-46, после чего медленно подвел вертолет к вершине высоты, не касаясь земли. Затем он подал вертолет назад таким образом, что рампа буквально легла на вершину, позволив нам спокойно выйти из птички. Сделать это не просто, от пилота и бортехника, осуществляющего наблюдение за процессом, требуется неимоверное внимание, но наш пилот проделал маневр с кажущейся легкостью. Наша группа из тринадцати морпехов

взвода. Для освещения и обороны участка мы привезли с собой 60-мм миномет, а из группового оружия самым серьезным у нас был пулемет М60, одолженный на оружейном складе батальона.

Первый лейтенант Ходгинс имел репутацию человека сведущего в полевых действиях, поскольку до прихода в разведывательный батальон он полгода прослужил в пехоте. Он знал, где установить миномет, и где лучше всего поставить один-единственный пулемет. Занятый нами участок оказался небольшим — вся вершина высоты была не

больше ста ярдов в длину и тридцати в ширину. Второй СН-46 нам доставил несколько ящиков ручных гранат и несколько дюжин мин «Клеймор» — все это предназначалось для обеспечения круговой обороны нашего скромного участка. Если бы северовьетнамские недруги решили нас атаковать, им пришлось бы долго сражаться, продвигаясь вверх по склонам к нашей позиции.

Остаток первого дня на вершине высоты 840 мы провели, отрывая траншеи и многочисленные ступени, заполняя грунтом сотни мешков для строительства нескольких небольших блиндажей, предназначавшихся для радиоаппаратуры. Мы работали без перерыва до сумерек, затем объявили перерыв для приема пищи. Ели мы группами по два-три человека, чтобы нас всех сразу нельзя было застать врасплох за едой.

Лейтенант приказал сержантам выставить посты прослушивания и составить карточки огня. Затем нам показали, где лежат гранаты и установлены мины «Клеймор» — на тот случай, если противник решит нас посетить и проверить наши силы. После этого были оглашены радиовахты на ночь.

В первую ночь на высоте 840 к нам заявился лишь один посетитель — вьетнамский бог дождя. Судя по всему, мы ему понравились, потому что он у нас засиделся. Около полуночи хлынул ливень и поливал до самого утра, пока на востоке не занялся серо-голубой рассвет. От этого ливня изрядная часть свежевырытой траншеи обрушилась, а остальные участки затопило. Те мешки, что остались пустыми накануне, пришлось заполнять грязью. Весь день мы проработали под непрерывным дождем.

Ближе к вечеру второго дня мы решили, что из-за плохой погоды «старшие» тыловики вполне могут отменить запланированный визит. Но не тут-то было. Мы продолжили работу по усовершенствованию НП, и в результате почти все морпехи на высоте заполучили траншейную стопу, трещины и мозоли на руках. Сказывалось то, что при работе с глинистым грунтом под дождем ладони страдали сильнее обычного.

К наступлению второй ночи настроение на высоте 840 стало отвратительным. Само собой, морпехи привыкли к многочисленным неприятностям вьетнамского климата, но от морпехов-разведчиков не требуется долго просиживать на вершине холма под сильным дождем, и впечатление новизны быстро таяло.

Из тыла пришло сообщение: генерал рассудил совсем не по-нашему. Генерал (или штабные, планировавшие его поездку) предпочел не упускать возможности посетить разведчиков, сидящих на высоте под

проливным дождем, а взять и обрадовать их визитом высокого начальства, решившего бросить вызов природе. Нашего мнения никто не спрашивал, а зря.

Вторая ночь на высоте прошла без происшествий, сообщений о замеченном противнике от двух разведгрупп снизу не поступило. Ливень поливал по-прежнему, и к физическим страданиям добавились моральные — обмундирование у всех морпехов пришло в плачевное состояние. После многочасовой работы на коленях, пока мы заполняли мешки и усовершенствовали наспех отрытые траншеи, брюки протрались, и выглядели мы жалко.

Третий день, на который был запланирован генеральский визит, порадовал нас ослепительным восходом, обещавшим прояснение и потепление. К 8.00 пришло сообщение

о том, что к нам летит «Хьюи» со свежими батареями для раций, горячим кофе и супом. Где-то около 9.00 мы засекли этот одинокий «Хьюи», и в 9.10 пилот посадил его на западном участке нашей позиции. Несколько морпехов были отправлены на разгрузку вертолета, чтобы «Хьюи» смог как можно быстрее взлететь, лишив солдат СВА возможности обстрелять неожиданно объявившуюся цель. К нашему изумлению пилот «Хьюи» сразу улетать не стал. Из вертолета вышел комендор-сержант и направился вверх по склону к лейтенанту Ходгинсу.

— Сэр! Я комендор-сержант Келли из G-4 (отделения тыла — Прим. переводчика) дивизии. Мне приказали вылететь к вам на

птичке подвоза и выяснить точные размеры обмундирования и обуви всех ваших бойцов. Старшие в тылу хотят, чтобы вы с вашими людьми хорошо выглядели, когда сюда прилетит генерал. А я должен это обеспечить. Дадите перечень размеров обмундирования и обуви? Мне приказано обернуться в Дананг и обратно как можно быстрее и привезти вам всем новый камуфляж и ботинки.

Первый лейтенант Ходгинс, прикинув на глаз, продиктовал размеры одежды и обуви морпехов, командированных на высоту 840, и через пять минут ганни из отделения тыла дивизии вылетел в Дананг, пообещав вскоре вернуться и привезти каждому новый, чистый и сухой камуфляж.

Обернувшись к радисту, лейтенант задумчиво сказал: «Интересно, а по радио это тыловое дурачье не могло узнать, сколько надо комплектов и каких размеров? И пилоту с бедным ганни можно было бы сюда не летать, и СВА с их братьями-вьетконговцами не узнали бы, что мы тут до сих пор сидим».

Несколько часов спустя тот же ганни из отделения тыла дивизии прилетел обратно, как и обещал. Понимая, что в наших опасных краях за ним могут наблюдать весьма внимательные зрители, он не стал вылезать из «Хьюи», зависшего над площадкой, а просто выбросил собравшимся морпехам здоровенную связку зеленого камуфляжного обмундирования и большую картонную коробку с джунглевыми ботинками. Связка обмундирования и коробка с ботинками были тут же распакованы, и каждый получил новенькое обмундирование по размеру.

Визит генерала был запланирован на 14.00, и мы занялись подготовкой к его прилету, поскольку основные работы по оборудованию НП были уже почти завершены. Радист не отходил от рации в готовности сообщать любую поступающую информацию лейтенанту. И вот нам сообщили, что «гость» уже вылетел.

Далеко в небе появилось звено реактивных F-4 «Фантом» морской пехоты — им была поставлена задача незамедлительно реагировать на любые враждебные действия с земли, если таковые будут проявлены. Вслед за «Фантомами» прилетели два морпеховских легких вертолета воздушной разведки и четыре ганшипа «Кобра» — им также были поставлены задачи по обеспечению непосредственной огневой поддержки. Кем бы ни был этот генерал, его визиту в горы Кесон была обеспечена весьма серьезная защита. Наконец, лейтенант сообщил нам, что генерал прибывает «на точку» через десять минут, и приказал занять позиции по всему периметру НП. Те две разведгруппы, что продолжали патрулировать окрестности

Перевод

базы на высоте 840, сообщили, как и ранее, что в течение последних трех дней никаких действий противника обнаружено не было. После получения сообщений от разведгрупп о том, что район высадки безопасен, и от летчиков-морпехов — что авиация достигла указанной точки, «Хьюи» с генералом на борту отправился к нам.

Морпеховский «Хьюи» сел на нашу крохотную площадку, и шесть офицеров, все как один в накрахмаленном, наглаженном камуфляже взобрались на верхнюю точку нашего НП. Генерал поговорил с несколькими морпехами, оказавшимися под рукой, затем ему вручили бинокль 7х50, чтобы удобнее было осматривать местность под высотой. Пока несколько человек из его свиты подсказывали, на какие особенности ландшафта надо обратить особое внимание, остальные то и дело поглядывали на часы в надежде, что их визит на НП не затянется дольше необходимого. Генерал еще немного поручкался с морпехами, и через две минуты вертолет с генералом и остальными пассажирами обратился в пятнышко на небе. Весь визит занял менее десяти минут. Три дня изнурительного труда под дождем ушло на подготовку к

Пока лейтенант с капралом лихорадочно пытались отцепиться от каната, обоих морпехов, к ужасу зрителей, затащило в армированную колючую проволоку.

десятиминутному визиту, а он сказал лишь несколько слов солдатам, которые жизнью рисковали ради того, чтобы шесть офицеров смогли полюбоваться на горы Кесон.

Морпехи без особых обсуждений только посмотрели друг на друга, и тут радист лейтенанта сообщил, что менее чем через десять минут вылетает еще один чоппер.

Эта новость породила массу предположений.

— Может, обломится нам, сэр? Может, генералу так у нас понравилось, что он отправил нам горячее питание?

— А может, это СН-46 за нами и заберет нас с проклятой этой высоты?

Пятнышко, возникшее на горизонте, стало увеличиваться в размерах, и вскоре «Хьюи» уже садился на площадку. Все глаза были прикованы к человеку, который появился в дверном проеме с левого борта «Хьюи». Это был наш старый знакомый — ганни из отделения тыла дивизии

— Лейтенант, этот краткий визит был очень важен для генерала, и мы весьма признательны вам и вашим людям за все, что вы сделали, чтобы обеспечить его успех.

За этим вступлением последовала длительная пауза — ганни собирался еще что-то сообщить.

— Сэр, я прилетел за новым камуфляжем. Его ведь просто одолжили, так сказать. Нам не хотелось, чтобы у генерала оста-

лось впечатление, будто мы не заботимся о морпехах в поле. Может, прикажете, чтоб собрали побыстрее? Не хочу тут без нужды торчать, так сказать. А ботинки можно даже не отдавать.

Нам было сказано снять новые камуфляжи и переодеться в старое, вонючее, драное и мокрое обмундирование. Пока мы один за другим молча проходили мимо посадочной площадки, каждый смотрел на ганни с гневом, ненавистью и полным недоумением, но он просто избегал наших взглядов.

— Работа такая, морпехи. Благодарю. Большое спасибо.

Но я считаю, что последнее слово все равно осталось за нами, а не ганни, потому что, несмотря на то, что за все время визита генерала никто из нас не покидал высоты, все выданные утром камуфляжные комплекты собрать не удалось. А ганни настаивать не стал, потому что не хотел без нужды торчать на высоте.

Когда «Хьюи» с ганни на борту вылетел в Дананг, радист первого лейтенанта Ходгинса вздохнул.

— А знаете, сэр, я слышал, как этот чертов генерал сказал, что для бойцов ничего не жалко. И ведь сдержал слово: нам именно это и досталось — ничего.

Мы оставались на высоте 840 до тех пор, пока к нам не вернулись те две разведгруппы, что все три дня пробродили вокруг

высоты. Дождавшись утра, мы сняли мины «Клеймор», засыпали траншею и свернули радиооборудование. А на следующий день после обеда мы вернулись в Дананг, гордо неся на себе знаки, свидетельствующие о проявленной нами отваге — грязь, лохмотья, ссадины и мозоли. Плюс новые ботинки.

Мы считали, что с нами очень плохо обошлись во имя показухи, пока не узнали о судьбе двух других морпехов из 1-го разведывательного батальона, которым поставили задачу продемонстрировать тому же гостю-генералу, как десантируются из вертолета по канату.

Двоим военнослужащим из разведывательной группы — первому лейтенанту Питеру Грейю и капралу Эвансу — поручили провести показательное десантирование. Но из превеликого желания произвести хорошее впечатление на гостя в генеральском чине взяли новый канат, чтобы он увидел, что снаряжение у нас новое, чистое и надежное.

Когда СН-46 прибыл на учебный полигон для показательного десантирования, из зависшего вертолета выбросили новенький канат. Обычно к концу каната прикрепляют груз в десять фунтов — чтобы он распрямился, и для фиксации его на земле. На земле несколько морпехов помогают тем, кто десантируются с вертолета. Но в том случае этого почему-то не сделали.

Лейтенант Грей спускался первым. Когда он добрался до земли, на новеньком канате образовалось несколько петель. Они находились ниже его фиксатора, и не позволили быстро отцепиться от каната. Ситуация еще более ухудшилась из-за того, что пока он пытался распутать петли на канате, капрал Эванс начал спускаться с зависшего вертолета и остановился в нескольких футах над лейтенантом.

Борттехнику на СН-46 показалось, что оба морпеха уже на земле, и подал пилоту сигнал «вперед», СН-46 двинулся вперед, не набирая высоты. Пока лейтенант с капралом лихорадочно пытались отцепиться от каната, обоих морпехов, к ужасу зрителей, затащило в армированную колючую проволоку, растянутую в несколько рядов и буквально покромсало в ключья. Капрал Эванс умер на месте, а лейтенант еще немного пожил — его эвакуировали в Японию, в военно-морской госпиталь в Йокосуке, где он скончался от ран вскоре после прибытия в госпиталь.

Рассказ об этом — описание несчастного случая, имевшего трагические последствия. Чрезмерное усердие, спешка и плохое планирование привели к несчастному случаю при выполнении учебного задания, который вполне можно было предотвратить. Несчастный случай при выполнении учебного задания — нет такого понятия.

Мой правдивый рассказ пролетит полный свет на историю войн, которые я вел.

Старший сержант танковых войск сверхсрочной службы рядовой Сердешный.

Наша 349-я танковая дивизия базировалась в городе Париже, Республика Коми, когда, внезапно поднятая по тревоге, была целиком погружена на транспортные самолеты ЯК-777 и переброшена в Беловежскую пущу. Там нас ждало учение. Как говорится, «легко в учении, легко в бою!» (Мазепа). Нас высадили в чистом поле среди лесов, и танки, построившись в боевой порядок, должны были приступом взять Речной Вокзал деревни Техуи. Была зима, и подача сжиженного газа в силовые агрегаты заработала не у всех. Но, скажу не похвально, дивизия выполнила задачу практически без потерь. Лишь один танк, да и то это был Т-69, по ошибке штабной карты упал в выгребную яму туалета местной свиноводческой фермы. Топографист, который вынул карту из трофейного фонда генерала Калиновского, был наказан лишением очередного отпуска, экипаж героически погиб. Это были наши первые потери в той войне на Среднем Востоке.

Война, словно молот и наковальня, вошла в нашу службу.

После успеха зимних учений нашу танковую дивизию перебросили на отдых на зимние квартиры в летний лагерь Усходний в районе Бреста. «Усходний» обозначало «Западный» по-беларуску. Или «Восточный», что не имело значения.

Город Брест встретил увольнительных ветрами и Крепостью. Порой, спасаясь в Крепости от ветров, я, рядовой Сердешный, находил там отдохновение от забот в разрушенных ДОТах, ДЗОТах и прочих огневых точках противника и непротивника.

Помню надпись на стене: **ВИНОВНЫХ РАССТРЕЛЯТЬ НА МЕСТЕ!**

Подпись, слабеющей рукой: **ГУДАЙМОРНИНГ**, Захар, Старший уполномоченный Нквд по Бестк и О ла ти.

Декабрь подходил к концу, когда нас построило командование. Выступал маршал под кодовым именем Клаузевиц:

— Товарищи солдаты и офицеры! Вам выпала неповторимая честь прыгнуть в танке с парашюта!

Дмитрий Бабкин

Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/b/babkin_d/

ПОХОД НА ДРА

Ординарец:

— С парашютом, товарищ маршал.

— Что? А, с парашютом!!

— Немцы будут наступать отсюда, дайте карту, — маршал с недовольством обернулся к адъютантам.

Ординарец:

— Товарищ маршал, это мы наступаем, а ОНИ отступают!

— А, ну, товарищи солдаты, мы наступаем! Воздвигнем знамя Социализма на Кубе!

Ординарец:

— Товарищ маршал, Куба — остров свободы. Мы освобождаем другую страну. Она между Пакистаном и Ираном.

— Швейцария, что ль? Вы, гады, кто на Швейцарию наехал? Коньяку!!! Е. Армянского. Нет, Арагви мне. Суки эти в ЦК. Покажу я им.

— Товарищ маршал, самолет ждет.

ИЛ-666 набирал высоту.

Рядовой Сердешный пропел про себя: *В небе голубом и чистом*

Наи, как его, Фантом, как в поле чистом, С ревом набирает высоту.

Танковая 349-я дивизия выходила на заданную для прыжка высоту. Танки в ИЛ-ах ждали своего часа. Наконец час настал! Танки с экипажами и десантом полетели в кабульскую ночь. Им предстояло взять силовым воздействием Железно-Дорожный вокзал в Кабуле.

Дворец Амина обороняли части дивизии СС (Саланг — Суруби). Их брали Альфа и Вымпел, и Мусульманский батальон, и части ГРУ, и прочие десантные части.

Железно-Дорожный вокзал Кабула представлял собою весьма укрепленную цель для нападавших: наша 349-я танковая дивизия выдвинулась на исходные. Враг отступал. Пехота, приданная, продвигалась вперед. Мы на танках двигались медленней. Показались вертолеты с катерами каспийской гвардейской флотилии, катеров было четыре, один вертолет сбили, и он ушел в сторону, хрен его знает, куда он ушел, взорвался где-то. Остальные плюхнули катера в Кабул. В реку. Те тут же построились в боевой порядок и обложили вокзал с моря. Наша 349-я танковая дивизия

зия была высажена самолетами в аэропорте! Или аэропорту? Десантники захватили почту, телеграф, телефон и дворец, нам же стояла задача обезвредить железно-дорожное сообщение. Развитая сеть афганского вокзала позволяла подвезти подкрепления из Пули-Чархи в течение часа! Именно наша танковая дивизия обеспечила реализацию данной операции.

Я, как заряжающий одного из танков, об этом свидетельствую.

Вокзал имел три входа: первый, второй и центральный. Наша рота из трех танков Т-75 брала западный вход. Подкалиберным снарядом я сначала снес 22 пулемета, оборонявших это место. Это было не просто, а тяжело. Пулеметы стояли попарно сбоку и сверху. И снизу. Но на учениях нас научили одним снарядом бить сразу двух зайцев. Мне удалось бить сразу трех! 22 пулемета и их экипажи были уничтожены одним выстрелом! Десантники 4859-го гвардейского полка в одном порыве захватила западный вход вместе с камерой хранения на три тысячи мест.

Поразительный успех!

За этот подвиг я, рядовой Сердешный, был представлен к званию полковника и героя, но...

Получил лишь звание ефрейтора и все.

Звание ефрейтора у меня отняли сразу после празднования победы советской демократии в Демократической Республике Афганистан, после чего нашу гвардейскую 349-ю танковую дивизию стали перебрасывать в город, не помню, мы его звали Харон. На переброске со мной случилась история: серпантин (это такая дорога, где и слева и справа обрыв, а сверху горы) и мина сверху, с гор. Эта мина сверху прямо в башню моего танка Т-77 и залетает. Весь экипаж в панике, а я сразу и подумал — надо сигать. И, как кролик Ролдер, сиганул из башни. Так и выжил, а весь экипаж эта мина, она сверху в башню залетела, дело было на перевале Саланг, естественно, подорвался. Я упал в камни возле дороги, едва не долетел до пропасти, а так бы лежал там.

Вот такая моя эпопея похода на ДРА. Все полная правда, мне за подрыв тоже дали героя, но в штабе 48-й армии писарь стырил наградной лист.

ПАМЯТНИК ВОИНАМ-МОСКВИЧАМ, ПОГИБШИМ В АФГАНИСТАНЕ

Этот памятник был открыт в третью годовщину вывода советских войск из Афганистана, 15 февраля 1992 года. Три фигуры, выполненные в предельно условной манере, непривычной для памятников ветеранам, особенно в то время. Стоя полукругом, они склонили головы в глубокой скорби, кресты на груди каждой из фигур создают впечатление часовни. Памятник производит очень сильное впечатление, со временем только усиливающееся. В народе памятник сразу назвали «Скорбящие матери». Это название встречается даже во многих печатных изданиях. На самом же деле — это «Памятник оставшимся без погребения» замечательного скульптора Вадима Сидура — часть целого цикла «Памятники», созданного им в виде отливки из бронзы высотой в 35 см еще в 1972 году.

Вадим Сидур — гениальный и разносторонний творец, на развитие которого огромное влияние оказала война. Он, пожалуй, один из ярчайших представителей искусства, рожденного войной. Достаточно взглянуть на его «Автоматчика» с узнаваемой каской и ранцем. Или «Пулеметчика», сливающегося со своим оружием в буквальном смысле слова: пальцы рук превращаются в прицел и ребра кожуха ствола...

Родившийся в 1924 году в Днепропетровске, в начале войны он был эвакуирован в Душанбе. Откуда и был призван в Первое Туркестанское пулеметное училище Красной Армии (г. Кушка). После окончания училища младший лейтенант Сидур командует пулеметным взводом на 3-м Украинском фронте.

Фронтовой путь будущего знаменитого скульптора послужил иллюстрацией горькой фронтовой пословицы о недолгой судьбе

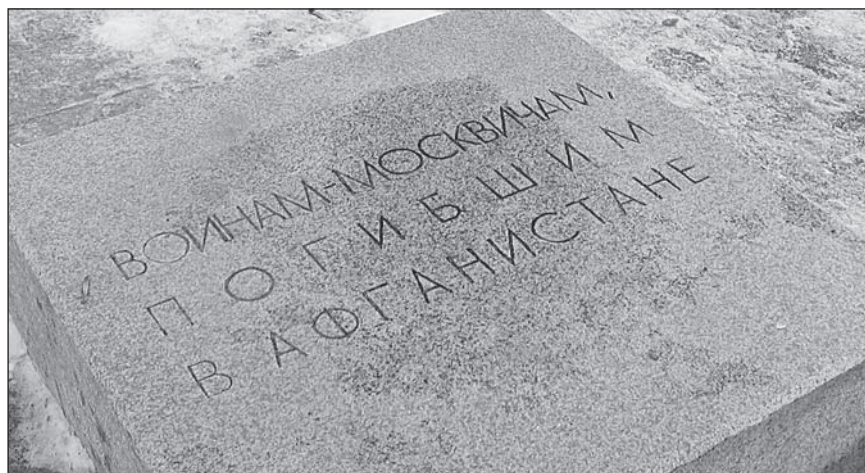
пехотинца («после атаки — или Наркомзем, или Наркомздрав»). Тем более это касалось взводного, жизнь которого на передовой порой измерялась днями, а то и часами. Уже 7 марта 1944 года Вадим Сидур получил тяжелейшее лицевое ранение, за которым последовало длительное лечение и пожизненная инвалидность. Для краткости инвалидов Отечественной в документах и справках всевозможные инстанции обозначали как ИОВ. Такое буквальное совпадение с библейским персонажем не могло не поразить молодого Сидура.

«Жил на свете Инвалид Отечественной Войны, и писали ему в бумагах ИОВ, и ставили печать».

В. Сидур, «Новейший завет».

Но выживший ветеран, которому едва исполнился 21 год, сумел не только закончить высшее художественно-промышленное училище в Москве, но и стать одним из самых известных в мире скульпторов своего времени. И это несмотря на то, что всю свою жизнь он был «невьездным» и так и не увидел ни «Памятник оставшимся без погребения» в Перово, ни находящийся совсем рядом, в нескольких шагах, Московский государственный музей Вадима Сидура.

У памятника проводятся встречи ветеранов-«афганцев», всегда лежат цветы. Сюда стоит прийти. В любую погоду, в любое время года. Хотя бы ненадолго. Совсем рядом со станцией метро «Перово», в сквере на Зеленом проспекте стоит постоять каждому. Подумать. Почитать надписи с четырех сторон памятника. В том числе строчки Пабло Неруды: «И кровь детей текла, как кровь детей». Или — фамилии всех москвичей, погибших за время войны в Афганистане, появившиеся в мемориальном комплексе к 60-летию Победы в 2005 году.

«РАБОЧАЯ ЛОШАДКА» СУДНОГО ДНЯ

История, стоящая за этой фотографией, возвращает нас в жаркую осень 1973-го года, в дни очередной арабо-израильской войны, названной Войной Судного Дня.

В середине октября египетское командование предприняло попытку высадить вертолетный десант в глубине израильской территории и силами командос атаковать базу ВВС Абу-Родис.

Ракеты, стоявшие тогда на вооружении израильского ПВО, плохо «видели» турбовальные двигатели, поэтому командос решено было доставить вертолетами.

Но операция закончилась провалом. Вертолеты были обнаружены и большей частью уничтожены. Изображенный на фотографии Ми-8 совершил вынужденную посадку, сломав при этом переднюю стойку шасси. Командир вертолета вышел, чтобы осмотреть повреждения, но, видимо, не учел наклон машины вперед и был убит ударом лопасти. Оставшийся экипаж вместе с десантом бросили машину и решили пробиваться к своим. Брошенный Ми-8 остался в пустыне с работающим на холостом ходу двигателем.

Экипаж и десант были взяты в плен израильским патрулем. Обнаружив вертолет, израильтяне доложили о нем на ближайшую базу ВВС.

Командир базы, летчик Элиэзер Коэн, по кличке «Чита», решил доставить на базу неожиданный трофей. Отправившись в лагерь военнопленных, он отыскал там пилота Ми-8 и нескольких техников.

Вместе они добрались до застрявшего в пустыне вертолета. Оказалось, что погибший летчик был другом пленного пилота, привезенного «Читой». Поняв, что произошло, египтянин не смог сдержать слез.

Техники осмотрели вертолет и пришли к выводу, что он полностью исправен, за исключением сломанной передней стойки шасси.

Египетский летчик проинструктировал «Читу», объяснив, как управлять машиной, и Ми-8 поднялся в воздух.

Чтобы по ошибке по ним не открыли огонь, трофей сопровождали два израильских вертолета «Анафа».

Как вспоминал позднее один из солдат, увидев с земли эту странную «компанию», он доложил командованию, что в их районе идет воздушный бой между израильскими и египетскими вертолетами. Солдату не поверили и посоветовали проспать.

Для посадки вертолета на базе приготовили колесо от трактора, и вскоре необычный трофей приземлился.

После ремонта «Чита» сделал еще один пробный полет. В своей книге «Небо без гра-

ниц» он писал: «В нем не было хрупкости и чувствительности, присущей машинам западных производителей. Все переключатели и рукоятки были массивными, даже грубыми. Управление оказалось очень простым. Я словно пересел с легковушки на грузовик. В обслуживании Ми-8 также оказался прост и неприхотлив. Настоящая рабочая лошадка.»

После войны Ми-8 был отремонтирован и передан на хранение в одно из вертолетных подразделений ВВС. Позднее машину перевели на консервацию, а в конце семидесятых годов вертолет «переехал» в музей ВВС, где в течение пяти лет хранился в рабочем состоянии.

В 1985 году ВВС урезали финансирование и, когда американцы предложили купить вертолет за миллион долларов, командование дало согласие.

Что касается «Читы», то Элиэзер Коэн («Чита»), оказывается, сейчас является депутатом Кнессета от русской партии Наш дом Израиль!

Такая вот история.

Материал переведен и подготовлен
Егором Лосевым

Игорь Морозов

Участвовал: Афганистан

Публикация предоставлена сайтом «Автомат и гитара» (www.avtomat2000.com)

«БАЛЛАДА О ПОБРАТИМЕ»

Среди военных песен не так много тех, что в заглавии своем несут посвящение реальному человеку, боевому побратиму, а горькое «памяти» подчас делает каждое слово их крепче монументов из камня...

Песня «Памяти Вадима Бураго» зазвучала в конце 80-х с пластинок «Время выбрало нас». Неспешная, недлинная, и оттого еще более пронзительная...

Вадим Бураго

Памяти Вадима Бураго

Игорь Морозов

Вот опять летим мы на задание,
Режут небо кромки лопастей,
А внизу земля Афганистана
Разлеглась в квадратах полей.

Но не верь в спокойствие ты вечное,
Вот уже к тебе под облака
Тянутся прерывистые, встречные
Огненные трассы ДШК.

И кому судьба какая выпадет,
Предсказать заранее не берись,
Нам не всем ракетой алой высветят
Право на посадку и на жизнь.

Ни к чему гаданья и пророчества,
И о прошлом тоже не жалей.
Не спасись порой от одиночества
Даже в окружении друзей.

Вот опять летим мы на задание,
Режут небо кромки лопастей,
А внизу земля Афганистана
Разлеглась в квадратах полей...

Ее автор, Игорь Морозов, с апреля 1982-го по март 1983-го — командир оперативно-боевой группы «Бадахшан» команды «Каскад-4» КГБ СССР, и вертолетчик Файзабадской эскадрильи Вадим Бураго в Афганистане нарекли друг друга братьями.

Вспоминает Игорь Морозов:

«Вадим Бураго — правый пилот Ми-8, старший лейтенант ВВС, погиб 8-го сентября 1983 года при выполнении боевого задания в горах Бадахшана (был сбит и сгорел живьем). Командир вертолета майор Виталий Балабанов, он же командир нашей Файзабадской вертолетной эскадрильи, был сбит вместе с ним. Он умер 18-го сентября уже в Ташкентском военном госпитале от полученных ожогов. Оба были моими боевыми друзьями.

С Вадимом мы побратались на «крови» в конце июля 1982 года, после того, как оба получили легкие ранения при вылете на бомбово-штурмовой удар по укрепрайону «духов» в кишлаке Фаргамудж. В тот раз вернулись без потерь.

С тех пор, если мне приходилось летать на боевые с нашими вертолетчиками, я летал только с братом. Мы заочно познакомили наши семьи и мечтали летом 1984 года вместе отправиться в автопробег вдоль западной границы СССР, тогда это было просто.

Его жена Нина вместе с маленьким сыном Вадимом Вадимычем в 1985 году переехала из военного городка под Телави в Москву, к родителям Вадима. Второй раз выходить замуж отказалась, хотя была очень красивой молодой женщиной и недостатка в предложениях не испытывала. После тяжелой болезни умерла почти ровно через три года после гибели мужа (28-го августа). Похоронены Вадим и Нина в одной могиле на кладбище у деревни Востряково (Авиагородок «Домодедово» под Москвой. Сына их усыновили родители Вадима. Мать побратима, Александра Романовна Бураго, звала меня «сыночком», а я ее — «мама Шура».

Родители Вадима давно уже умерли, а Вадим Вадимович Бураго закончил суворовское училище, военное училище, женился и сейчас служит офицером Вооруженных Сил России.

Песня «Памяти Вадима Бураго» первоначально называлась просто «Вертолетчики», была написана в Афганистане в новогоднюю ночь 1982-83 г., которую мы встречали в Файзабадской эскадрилье, и подарена всем нашим друзьям-вертолетчикам. Тогда Вадим и Виталий еще были живы...

В 1985 году в Москве для Нины и маленького Вадима Вадимыча я написал песню «Баллада о побратиме». В ней все сказано...

БАЛЛАДА О ПОБРАТИМЕ

Игорь Морозов

Мы ошиблись в расчетах.
Их было пятьсот, а не двести, как нам сообщали.
В кишлаке Фаргамуш весь второй батальон
Пулеметами «духи» зажали.

Отсекли БТРы огнем РПГ,
Два из них подорвались на минах.
Залегли наши роты, прижались к земле,
И осколки плясали на спинах.

Лупят справа и слева, да кто разберет —
Хуже нету такой заварухи.
Из мечети вдоль улицы бьет пулемет,
И визжат озверелые «духи».

Время двадцать ноль-ноль, надо что-то решать,
Скоро ночь наши шансы урежет.
Без колес и брони нам кольцо не прорвать,
А они нас теперь не поддержат.

Страха не было, только вселенская злость,
И настрой на безумство любое.
Я потом уже думал: а если б пришлось
Затыкать пулемет тот собою?

Да, наверное б смог, ошалев от тоски,
Если смерть, так уж лучше с почетом.
Только вдруг до ушей долетел от реки
Тот знакомый напев вертолета.

А ведь знали — вертушки на базу ушли,
За высокие горные гряды.
По какому ж приказу вернулись они,
Да еще перед самым закатом?

Дальше все, как по нотам — взорвался эфир
Баритоном охрипшим комбата.

И взметнулся распоротый НУРСами мир,
И в атаку поднялись ребята.

Было время, и был ослепительный час,
Все отмечено в справках и сводках,
А старлей-вертолетчик, что вытащил нас,
Оказался моим одноклассником.

Да к тому ж москвичом, — эх, тесна же земля!
Побратаемся, что ли, ей-богу.
Два осколка засело в руке у меня,
А его угораздило в ногу.

Мы по капельке крови смешали в стакан
И разбавили спиртом с водою,
А начальник разведки, седой капитан,
Был при этом при всем тамадою.

Это диким покажется вам издали,
Мол, с ума, что ли там походили?
Мы традиции сами слагали свои,
Жаль, что нынче о них позабыли.

Мы потом не один еще прожили бой,
Все мы жили боями в Афгане...
Я в апреле в Россию вернулся живой,
Он погиб в сентябре в Бадахшане.

На гранитной плите между цифр — тире,
Да слова: «Выполняя задание».
Я сюда каждый год прихожу в сентябре
С побратимом моим на свиданье.

Так теперь и живу,
Не боясь ничего.
Может быть, за себя,
Может быть, за него...

Поэзия

Андрей Шкарин

Капитан. Участвовал:
Афганистан

http://artofwar.ru/s/sharin_a_j/

* * *

Я помню самый первый день,
когда в берете набекрень
на землю прыгнул я под рев борта.
Не вру — сам черт мне был не брат,
и мне хотелось воевать,
и жизнь была безоблачно-проста.

Вокруг лежал цветов ковер,
и зеленели склоны гор,
и кто сказал, что здесь идет война?
А впору здесь больных лечить,
смеясь, сбегали с гор ручьи,
и сладко обнимала тишина.

Но скоро вызвал старшина
и мне сказал: «Что здесь война
ты сам узнаешь, коли не дурак.
И пусть ты рвался на Кавказ,
но твой еще не пробил час.
Ты, брат — никто, и звать тебя — никак».

Я начал что-то объяснять,
Что, мол, умею я стрелять
не хуже прочих, ясно, рупь за сто...
Но он сказал, как отрубил:
«Ты старшим прекращай грубить.
Ты на войне пока еще никто».

И время потекло зазря —
ребята в рейд, на кухню — я,
там вкалывал, как проклятый ишак.
Они смеялись свысока:
«Воюй с картошкой пока,
ты здесь никто, и звать тебя никак».
Но вышло — как весной вода,
с окрестных гор пришла беда,
и занялось костром селенье вдруг.
На «точке» десять лишь ребят,
расчеты — только на себя,
да что в бою тебя прикроет друг.

И всех, кто был, собрал комбат,
в руках сжимая автомат,
нас оглядел и помянул негромко мать:
«Пугать не буду, не с руки.
Помочь им надо, мужики,
и кроме вас мне некого послать».

Мотором рывкнул БТР,
я в триплекс первый раз смотрел,
как поднятая пыль летит назад.
— Скорей бы в бой, не подведу, —
шептал в горячечном бреду,
и холодил ладони автомат.

Рванул фугас под колесом,
стрельба и взрывы, чей-то стон —
и, кажется, стреляют лишь в тебя.
Но я не ранен, не убит,
мой автомат в ответ стучит,
и пули плоть живую теребят.

Но все тесней смертельный круг —
убит Серега — лучший друг
и мертвый он сжимает автомат.
И наши все лежат в пыли —
мы шли на помощь — не дошли
да только в том никто не виноват.

Дым в небо черен и весом,
из-под колес раздался стон —
на звук метнулся, не жалея сил:
там распластался старшина —
в крови рука, в крови спина —
он словно рыба воздух ртом ловил.

Мне прохрипел он: «Уходи...
Прикрою... здесь... кругом... враги...
Доложишь нашим... Это мой приказ...»
Ему не стал перечить я —
была мыслишка у меня,
да не любитель я красивых фраз...

Мне дым помог и старшина.
Густая зелени стена,
качнув ветвями, приняла меня.
Я в тыл зашел, я сделал круг
и с двух АК, с обеих рук,
размазал всю засаду по камням...

Обратный путь нелегким был:
все то же солнце, та же пыль,
да старшина на плечи мне давил...

— Вот отожрался на харчах, —
беззлобно, про себя, ворчал.
Добрел до «точки» и упал без сил...

Наутро — зелень и весна,
прислали «борт», и старшина,
со мной прощаясь, руку сжал в кулак.
Вчерашний день, как в страшном сне,
но вряд ли снова скажут мне,
что я — никто и звать меня — никак.

Алексей Грибанков

Подполковник милиции.

Участвовал: обе Чеченские.

* * *

Черна земля, как наши лица и стволы,
Четвертый час пылает молокозавод,
А там, в Москве, уже садятся за столы,
Встречая самый настоящий Новый Год!

В колоннах пламя, обрывается БК,
За черным дымом ни черта не разобрать,
Не задыхаясь, бьется спаренный ПК,
Горит наводчик, вспоминая «вашу мать»!

Поздравил горе-президент свою страну,
Бокалы звонко ударяют о бокал,
ПТУР не мотает им крученую струну,
Не льется крови человеческой река!

Свечой бенгальской полыхает БТР,
Кумулятивный выжег косточки дотла,
В висок стреляется усталый офицер,
Не передав жене, чтоб больше не ждала!

Салют хлопнушек, свечи, телеогонек,
В угаре пьяном демократия кружит!
Хрипит боец безногий: «Вынеси, Санек!
А нет, так матери, как было, расскажи!»

Похмелье схлынет, стихнет Старый Новый Год,
Потери многие века не сосчитать,
А кто строною правил пьян и без забот,
Наверно, к власти скоро выплывет опять!

Поэзия

Платили жизнями Чечне, теперь рублем.
На трупах наших вызревает конопля.
Мы кровь свою в бою еще не раз прольем,
Чтоб удобрять чужие горы и поля!

02.04.06

Сергей Жуковский

Режиссер, сценарист, продюсер

<http://www.stihi.ru/author.html?se>

* * *

...но,
бледнея от боли,
поручусь головою —
и один —
воин в поле,
если только он —
воин...

Если только он —
более,
чем бряцающий браво
и бравадой тупою
среди безудержной брани,

и — расправой слепою
над попавшим под руку...
И один —
воин в поле,
если только
не побоку,

не подмышкой
оружие
и в ножнах,
но наголо
да в ладонях натруженных
жаждет вражею наглою

свежепролитой кровью
обагриться...
И важно ль,
что одним
в поле воином
можно быть
лишь однажды?..

Вне рубрик

Андрей Грешнов

Лейтенант. Июнь 1979 — август 1980 — военный переводчик группы Советских военных советников в ДРА (4-я танковая бригада ВС ДРА) в гг. Кабул, Джелалабад. 1983—1987, 1989 — корреспондент ТАСС в ДРА.
Сайт «История Афганских войн»

<http://www.artofwar.net.ru>

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ 1979—1992 гг.

(Часть III)

Начало в номерах 2(3) и 3(4) за 2007 год.

В Институте стран Азии и Африки при МГУ идет перестройка. Старое здание, в котором учились Белинский и Добролюбов, сносят, не прерывая учебного процесса. На месте бывших старинных аудиторий и кабинетов, где в толстые кирпичные стены были вмонтированы дровяные печи, возникают типовые помещения, свойственные веку нынешнему — чистые и безликие. Кто учился в институте в 80-х годах прошлого века, его просто не узнает, здесь все по-новому. И доска с портретами наших погибших ребят тоже переехала на новое место. Просто так ее не найти, надо спрашивать. Мемориальная доска — это, пожалуй, единственное, что в институте не изменилось с тех пор. Все те же портреты на обтянутом серой материей стенде. На столике рядом стоят цветы. Сколько раз ни заходил в институт в этом году — цветы все время свежие, кто-то их заботливо меняет. А вот портреты старые, хотя лица на них никогда не постареют.

Все та же «пристройка» к стенду, на которой портрет Володи Соловьева. Метров с десяти этого не видно, а вот вблизи отчетливо видно черту, разделившую Афганскую войну на официальную, закончившуюся 15 февраля 1989 года, и неофициальную, длившуюся до лета 1992-го. И на неофициальной войне, продолжавшейся в Афганистане уже после вывода наших войск, гибли советские люди, выполнявшие там интернациональный долг. Они не вошли в списки официально озвученных потерь в Афганской войне. Тогда это боялись озвучивать, сегодня об этом почти все забыли, и это уже никому не нужно, кроме тех, кто там был, и тех, кто там потерял своих близких. Впрочем, остатки последних тоже скоро закроют за собой дверь в этот мир.

Соловьев
Владимир Артемович

Родился 5 января 1958 года в городе Баку Азербайджанской ССР, член КПСС с 1985 года.

Отец — Артем Борисович Соловьев, военный журналист, работник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, полковник. Умер в 2000 году.

Мать — Соловьева Вера Николаевна, работник Учебной части Института стран Азии и Африки при МГУ. Трагически погибла в 1995 году, попав под маршрутное такси.

После прохождения срочной воинской службы в одной из частей ПВО (Володя окончил школу сержантов), он в 1979 году поступил в Институт стран Азии и Африки при МГУ, где изучал языки пушту и дари. Уже в институте он познакомился со своей будущей женой Ларисой, изучавшей бен-

гальский язык, с которой вместе учился в одной семинарской группе.

Лариса до сих пор повторно не вышла замуж, оставаясь верной Володе. У него растет дочь, она уже совсем взрослая, ей 19 лет.

16 октября, в День памяти, на Володиной могиле на Николо-Архангельском кладбище в Москве собираются его друзья и сослуживцы. С каждым годом их ряды редуют, и частенько некоторые из них после встречи идут на другие могилы, расположенные здесь же — помянуть недавно ушедших. Так устроена жизнь.

О Володе можно рассказывать долго — таким разносторонним он был парнем. Если спросить любого, что он может сказать о Володе — ответ будет примерно одинаков: вокруг него всегда кипела жизнь. Он всегда был душой компании, казалось, старался успеть в жизни все. До сих пор стоит и еще долго будет стоять дом, построенный им самим на дачном участке, где каждое бревно, каждая досочка заботливо отшлифованы на станке, обработаны и сложены его умелыми руками. Растут и зеленеют десятки посаженных им деревьев.

Рассказывает друг Володи, Миша Смирнов, с которым он учился в одной семинарской группе:

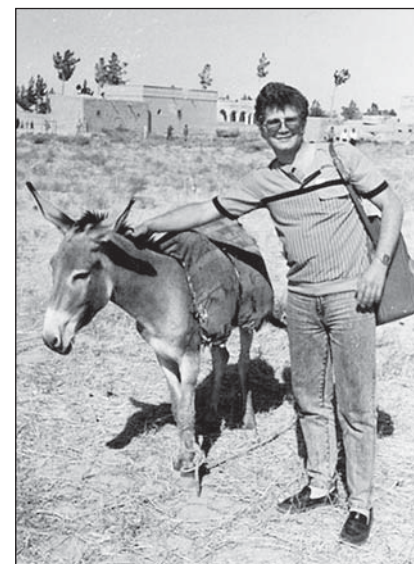
«Соловья надо было знать. Он был просто классный парень. Сколько стройотрядов пройдено вместе, сколько походов... Увлекался музыкой серьезно, писал стихи. А какой был пунктуальный! Однажды мы должны были идти в поход на Волгу. Володя выехал раньше нас — осваивать место стоянки. Он был прекрасным спортсменом — лыжи, легкая атлетика, прекрасно ходил на байдарке. Договорились, что мы приедем на автобусе к какой-то далекой станции, а оттуда пойдем пешком к берегу,

где он нас должен был встречать. Прибыли часов в шесть утра. Берег пустынен, никого нет. Смотрю на часы — две минуты осталось до встречи, а нас никто не окликает. Стоим, курим. Вдруг кто-то показывает на точку на воде — точка приближается и увеличивается очень быстро. Это Володя, практически без опоздания, выгребал на байдарке против течения. Успел вовремя, покрыв расстояние в 10 километров. Так у него было во всем: сказал — сделал, обозначил время — успел...»

По словам жены Володи, Ларисы, он был крайне увлекающимся человеком, причем увлекался всем и помногу. Он был до скрупулезности аккуратен и педантичен. У него все бумаги были аккуратно подшиты в папки, каждая папка, каждая книга, каждая бумажка имела в доме свое место, и поэтому найти ему все всегда было легко. Долгие годы он серьезно занимался музыкой. Дома была собрана огромная коллекция музыки, «оккупировавшая» несколько полок. Тогда еще не было кассетных магнитофонов, и Володя записывал музыку на бобины. Сам сделал музыкальную картотеку и каталог, вырезал из календарей циферки, наклеивал их в каталог, аккуратно заклеивал скотчем. Большой педант, аккуратный и в словах, и в деле, очень многогранный человек.

Вова был непоседой — его время было полно событий, с ним было очень хорошо, надежно и интересно. В институте

ИСАА на Афганской войне 1979–92 гг.

он постоянно ездил в стройотряды — то в Плессецк, то в другие города Советского Союза, был просто неудержим. Очень любил путешествовать, исследовать родной край. Еще когда учился в школе, объездил с классом почти весь СССР, любил бывать в Средней Азии. Очень любил и ценил семью.

«29 июня 1988 года у нас родилась дочка Вера, Володя ее очень любил и, уже когда работал в Афганистане корреспондентом АПН, два раза — в марте и летом 90-го, правдами и неправдами выбирался в Союз

нас проводить. Жить после гибели Володи было очень трудно во всех отношениях. При его жизни мы были как за каменной стеной. Вообще 90-е годы были нелегкими, но как-то выжили. Помним мужа и отца. Это был замечательный и разносторонний человек, каких мало», — говорит Лариса.

***

Сказать, что смерть подобралась к Володе как-то незаметно, нельзя. Были ему предупреждения откуда-то извне, но он их, видимо, не сумел вовремя заметить. Он был человеком смелым и любил иногда проверить свою выдержку. Как-то он поехал с группой шведов на передний край, где шли бои. Отсняли, все что хотели. А на обратном пути их БТР пошел юзом на размытой дождем глине и завис над пропастью двумя колесами. Все, кто сидел на броне, мигом поскатывались на землю. Один Володя остался сидеть сверху, даже не шелохнувшись. То ли не успел, то ли хотел проверить свою выдержку. Тогда БТР удалось оттащить от пропасти, и Володя был очень горд, что единственный не сдрейфил в этой ситуации. Второе предупреждение ему было, когда афганский танк въехал в стену его виллы...

Вообще, танки «рвались» в Володину жизнь постоянно. Я часто смотрю один и тот же документальный фильм, отснятый в Кабуле в 1990 году. В нем Володя еще живой. Он осматривает один из подбитых танков министра обороны Афганистана Шах Навваза Таная, пытавшегося поднять военный мятеж против Наджибуллы в марте того года. Володя в черном костюме ходит и трогает этот подбитый танк руками, обходит со всех сторон, шупает вздувшееся и разорванное «яйцо» башни Т-62. Его уже ребята посольские зовут, мол, пора ехать назад, а он все не может отойти от танка...

16 октября 1990 года офицер ПГУ КГБ СССР, корреспондент АПН Владимир Соловьев возвратился к вечеру с важного задания на виллу агентства. Он провел встречу с командиром одного из формирований мятежников с целью склонения его к переходу на сторону правительства. О своем прибытии он доложил коменданту посольства. А вот оставшиеся у него часы жизни Володя посвятил... музыке. В Кабуле несколькими месяцами раньше он приобрел двухкассетный магнитофон и переписывал всем, кто просил, свои замечательные музыкальные коллекции. Отказать никому не мог потому, что просто очень любил музыку и гордился своей богатой коллекцией. В тот день он опять кому-то переписывал кассету, немного торопился. Так как жил он в комплексе Дома советской науки и культуры (ДСНК), то от виллы АПН, стоявшей на краю проспекта Дар уль-Аман, ему надо было проскочить в ДСНК

Вне рубрик

до комендантского часа. Езды там — плевое дело, метров 800 от силы.

За несколько минут до комендантского часа ворота АПН открылись, и Володя стал выезжать на Дар уль-Аман, попытавшись повернуть налево. Однако по дороге в сторону министерства обороны шла колонна танков — они возвращались с операции под Пагманом, западным пригородом Кабула. Танки ревели двигателями, освещая одной трассовой фарой дорогу, которая к тому времени была уже почти пустой.

Пропустив колонну, Володя выехал на проспект и успел проехать метров 400, когда перед его «Жигулями» выросло что-то огромное и черное...

Один из танков отстал от колонны — он подорвался на mine в Пагмане и там, в полевых условиях, ему меняли траки на гусенице. Пытаясь нагнать колонну, он летел на полной скорости по асфальту Дар уль-Амана, не разбирая рядов. Танк выехал на встречную полосу, передняя фара освещения на нем не работала.

Прибывшие на место происшествия сотрудники советских и афганских ведомств констатировали, что от «Жигулей» остался лишь задний фонарь багажника. И больше ничего.

Рассказывает Андрей Правов, корреспондент АПН в Кабуле:

«В тот день меня в ДСНК разбудил звонок офицера безопасности посольства. Показалось странным, что он спросил, я

ли это. Услышав, что это я, Правов, он попросил подъехать на Дар уль-Аман опознать автомобиль. Дело в том, что машины «Жигули» у нас с Володей были одинакового цвета. В силу того, что опознать человека не представлялось возможным, опознавали машину. Я был потрясен тем, что произошло, ведь я видел Володю еще несколько часов назад, а вечером мы обычно заходили друг к другу пить чай... Я и сейчас не могу успокоиться — постоянно стоит эта картина перед глазами. А как вспоминаю, у меня начинает колотиться сердце...

Уже потом, на Володиных поминках в Кабуле, собрались все, кто его знал. А я сидел и писал статью о случившемся горе в газету «Известия». Потом мне рассказали, что окончание статьи о Соловьеве хотели порезать — в Союзе шла борьба с алкоголизмом. Какой маразм!!! Но главный редактор лично распорядился не марать грязными руками этот некролог. Все вышло в печать так, как и было написано. А написано было так, как было на самом деле.

Вот так не стало этого хорошего, доброго, веселого и увлеченного парня. Пытались тогда разбираться с афганцами о произошедшем на Дар уль-Амане, но потом дело спустили на тормозах. Во-первых, за рычагами танка сидел чуть ли не генерал, причем герой войны, а во-вторых, афганцы прямо сказали: «Это война. Сколько вы наших положили ни за что, один Бог знает. Это несчастный случай, мы очень сожалеем, но его не воскресить».

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

погиб корреспондент
агентства «Новости»
в Кабуле

Владимир СОЛОВЬЕВ

В наш дом пришло горе. Погиб наш товарищ Володя Соловьев. С раннего утра в среду по телефону Гора ИАН в Кабуле звонил афганцы — журналисты, дипломаты, сотрудники различных учреждений. Звонят и выражают глубокое соболезнование.

Володю в Кабуле знали хорошо. Активный корреспондент, энергичный человек, он подерживал деловые отношения со многими афганцами, часто бывал у них дома, хорошо знал их семьи.

Просто отказывалось верить, что этот человек, принимавший моих рук фотографии Володи, главный редактор «Ахбаре Хафта» Захир Тагин. — Такой молодой человек, только вчера расстался с ним.

Мы вместе смотрели на фото. Володя выглядел намного моложе тридцати двух лет. Ему всегда давали не больше двадцати пяти. С фото, вероятно, сделанного еще несколько лет назад, до работы в Афганистан, на нас смотрит красивый молодой человек, почти мальчик.

Снова за глаза извораются слезы. Вспоминаю полуденный вечер со вторника на среду, когда в издательстве в Доне советской науки и культуры, где мы жили вместе с Володей, раздавался телефонный звонок. Звонил дежурный комендант.

— Вы могли бы опознать Соловьева? — этот вопрос ошеломил меня.

В последние дни для корреспондентов в Кабуле работы не было. Обстановка в столице нервозная. «Исламистская» оппозиция угрожает взорвать город штурмом, провозгласив наступление в различных районах страны. Журналистский день забит до отказа — пресс-конференции, встречи, интервью. Во вторник Володя задержался в бюро. Возвращался уже за двадцать минут до десяти часов вечера — комендантского часа, когда все афганцы и работающие в Кабуле советские люди должны были дома. Так случилось, что корреспондентская «Илаан» столкнулась в темноте с одним из танков, возвращавшимся с военной операции под Кабулом. Нет, вернее, что водителю боевой машины от установили заднюю фару и из-за большой скорости выехал на встречную полосу...

Я смотрел на разбитую «Илаан», осевшую фару поставленного рядом автомобиля. На обочине в две шеренги стояли срочно вызванные «кадаты МВД».

На следующий день в посольстве прошла траурная церемония. На ней было объявлено, что решением афганского правительства Владимир Соловьев за работу в Кабуле награжден орденом РА «Дружба народов» (по-афгански). Циркулярный гроб отпущен на хабальский аэропорт. Оттуда он полетел в Москву...

Вместе с печальным грузом в Союз полетела горе. Она выросла в один из московских домов в Измайловском районе. Жила Валерия Лариса и двухлетняя дочь Вера.

Я заканчиваю писать этот, изобрет, самый печальный мой репортаж, а в бюро ИАН в Кабуле собираются люди. С увлеченной фотографией улавливается Володя. Стоит на столе картина черным холстом, рамки русской голки. Афганцы и советские граждане, знавшие и любившие Володю, прислают от него последние доброты.

Андрей ПРАВОВ, соб. корр. ИАН — для «Известий».

М.В.И.

Рассказывает супруга Володи, Лариса:

«Накануне Вовкиной гибели я и его отец увидели вещие сны. Отцу его приснилось, что Володя скачет на белом коне и пытается проскочить через высоко поднятое горящее огненное кольцо. При прыжке прищипленного коня Володя исчез. А мне приснилась березовая аллея и Володино лицо, сзади на него надвигалось что-то темное. Я проснулась тогда в тревоге. Что это была за аллея, ты сейчас поймешь».

Лариса показывает рукой на березовую аллею Николо-Архангельского кладбища, отделяющую его «новую» часть от лесной, «старой». «Все точь в точь, деревце к деревцу», — опускает она голову...

Последний раз я видел Володю в декабре 1989 года, когда мы собрались на мои проводы из Афганистана на Родину на вилле ТАСС. Володя сидел слева от меня, спиной к двери, во главе стола. Помнится, проводы тогда не удался. Один из моих друзей поспорил с посольскими о «качестве» боевых и «посольских» наград, перевернув на них обеденный стол. Да, было дело. Все это было. Вова тогда отреагировал на это спокойно. Улыбнулся и сказал: «бывает» и пожал мне на прощанье руку. Рукопожатие у него было очень легкое, почти невесомое.

Вспомнилось еще, что называл он неприятных ему людей не «фрукт», не «кадр», не «крендель», а почему-то «пупок»...

Он был добрым парнем.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, ВОЛОДЯ.